

Людвиг фон Мизес

БЮРОКРАТИЯ

ЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ХАОС

АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Не только труды, но и само имя выдающегося экономиста и социолога XX века Людвиг фон Мизеса (1889--1972) практически неизвестно в нашей стране. Его работы выходили в свет на многих языках мира, но только не на русском, ибо Мизес всегда был непримиримым борцом с тоталитаризмом. Вниманию читателей представляется первая в России публикация этого ученого. С различных сторон рассматриваются политические, духовные и экономические предпосылки таких антиобщественных движений, как социализм и нацизм, угрожавших самому существованию свободных обществ в нашем столетии.

СОДЕРЖАНИЕ: О ЛЮДВИГЕ фон МИЗЕСЕ, ЕГО ЖИЗНИ И РАБОТАХ Предисловие -- коварный жанр БЮРОКРАТИЯ + Введение + Оскорбительный смысл термина "бюрократия" + Обвинения, предъявляемые бюрократии гражданином + Взгляды "прогрессистов" на бюрократию + Бюрократизм и тоталитаризм + Альтернатива: управление во имя прибыли или бюрократическое управление + Управление во имя прибыли + Действие рыночного механизма + Экономический расчет + Управление в системе, ориентированной на получение прибыли + Управление кадрами при свободном рынке труда + Бюрократическое управление + Бюрократия при деспотическом правлении + Бюрократия в демократической системе + Основные черты бюрократического управления + Суть бюрократического управления + Бюрократическое управление кадрами + Бюрократическое управление государственными предприятиями + Неосуществимость всестороннего государственного контроля + Государственное предприятие при рыночной экономике + Бюрократическое управление частными предприятиями + Как государственное вмешательство приводит к бюрократизации бизнеса + Ограничение размеров прибыли + Вмешательство в подбор кадров + Зависимость от произвола государственных учреждений + Социальный и политический смысл бюрократизации + Философия бюрократизма + Бюрократическое самодовольство +

Бюрократ как избиратель + Бюрократизация сознания + Кто должен быть хозяином? + Психологические последствия бюрократизации + Немецкое молодежное движение + Судьба подрастающего поколения + Авторитарная опека и прогресс + Выбор диктатора + Исчезновение критического чувства + Есть ли выход? + Прошлые неудачи + Экономическая теория против планирования и тоталитаризма + Простой гражданин против профессионального пропагандиста бюрократизации + Заключение ЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ХАОС + Введение + Провал интервенционизма + Диктаторский характер интервенционизма + Социализм и коммунизм + Агрессивность России + Троцкистская ересь + Высвобождение демонов + Фашизм + Нацизм + Уроки советского опыта + О неизбежности социализма АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ + Введение + Социальные характеристики капитализма и психологические причины ненависти к нему + Всесильный потребитель + Побуждение к экономическому совершенствованию + Сословное общество и капитализм + Негодование, порождаемое неудовлетворенным честолюбием + Негодование интеллектуалов + Антикапиталистические предубеждения американских интеллектуалов + Негодование "белых воротничков" + Негодование "кузенов" + Коммунизм на Бродвее и в Голливуде + Социальная философия простого человека + Капитализм как он есть и как его видит простой человек + Антикапиталистический фронт + Литература при капитализме + Рынок литературной продукции + Успех на книжном рынке + Заметки о детективных историях + Свобода прессы + Фанатизм литераторов + Романы и пьесы "социального звучания" + Возражения неэкономического порядка, выдвигаемые против капитализма + Спор о счастье + Материализм + Несправедливость + "Буржуазные предрассудки" в отношении свободы + Свобода и западная цивилизация + "Антикоммунизм" против капитализма -----

О ЛЮДВИГЕ фон МИЗЕСЕ, ЕГО ЖИЗНИ И РАБОТАХ Предисловие -- коварный жанр Согласно традиции, задача предисловия -- растолковать читателю то, что ему предстоит прочесть в книге, разъяснить, что у автора правильно, а что ошибочно, и какое место его труд занимает в иерархии достижений или в мартирологе заблуждений человеческой мысли. У пишущего предисловие невольно укрепляется убеждение, что он прозорливее, тоньше, толковее создателя книги, которую призван объяснить и оценить. Предисловие звучит как протокол судебного заседания, в котором автор книги -- подсудимый, а сочинитель предисловия -прокурор, адвокат и судья одновременно. Вдобавок предисловие как бы предполагает читателя, неспособного к самостоятельному размышлению и потому нуждающегося в "объясняющем господине". Неудивительно, что к предисловиям у большинства читателей сложилось стойкое предубеждение. Читатель, во-первых, все-таки уверен, что Шекспир выше своих комментаторов, что автор книги значительнее и никак не глупее написавшего к ней предисловие. Во-вторых, читатель склонен доверять собственным способностям разобраться в идеях книги. Читатель -- если только он не студент перед экзаменом, для которого просмотр предисловия заменяет знакомство с книгой, -- либо вообще не читает предисловий, либо ищет в них неизвестные ему данные об авторе, его окружении, о судьбе книги. Попробуем же именно так построить предисловие к первой выходящей в России книге выдающегося экономиста и социолога нашего века Людвиг фон Мизеса. Людвиг фон Мизес прожил долгую жизнь: он скончался в возрасте 92 лет. Началась же его биография в сентябре 1881 года во Львове, именовавшемся тогда Ламбергом и входившем в состав Австро-Венгерской империи. Родился Людвиг в зажиточной еврейской семье инженера-строителя железных дорог. На пороге XX столетия Мизес поступил в Венский университет. Его наставником был профессор экономической истории Карл Грюнберг, принадлежавший к немецкой исторической школе. Своему учителю Людвиг фон Мизес обязан интересом к экономической истории и, особенно, к ее правовым вопросам, что выразилось в ранних его работах. В 1902 году вышло в свет первое исследование Мизеса, посвященное

экономической истории Галиции -- края, где он появился на свет. Через три года им опубликована книга об истории австрийского законодательства о детском труде. Однако основные идеи исторической школы -- отрицание общих для всех народов экономических законов, упор на национальные особенности экономики, придание первостепенного значения государственным управлениям -- все это не только осталось чуждым Мизесу, но впоследствии стало объектом его острой критики. В 1903 году Людвиг фон Мизес познакомился с трудами Карла Менгера - основоположника так называемой австрийской школы политической экономии. Они повернули его интересы к экономической теории и, особенно, к проблемам цен как регулятора производства. Менгер считал индивидуализм основным принципом построения экономической концепции. Исходный пункт исследования -- индивид с его потребностями и средствами их удовлетворения. Этой установке созвучны взгляды зрелого Мизеса. В 1906 году Людвиг фон Мизес стал доктором права Венского университета, что открыло ему дорогу к работе в ряде гражданских, коммерческих и уголовных судов. Однако довольно скоро он уходит из сферы чистой юриспруденции. С 1909 года Мизес работает в Торговой палате (тогда она именовалась "Правовая австрийская палата коммерции и индустрии", в 1920 году сменила название на "Венская палата коммерции, ремесла и индустрии"). С ней Мизес был связан четверть века. Научные интересы Людвиг фон Мизеса, непосредственно сочетавшиеся с его практической деятельностью в качестве экономического советника, лежали в то время в области денежного обращения. В 1912 году он опубликовал солидную монографию "Теория денег и средств обращения". Вторым изданием она вышла в Вене в 1924 году, затем переиздавалась в переработанном виде в переводе на английский под названием "Теория денег и кредита"; американское издание увидело свет в 1953 году, что свидетельствует, что и за сорок лет ее идеи не утратили значения. Деньги, по мнению Мизеса, не являясь ни средством производства, ни предметом потребления, не имеют иной потребительной ценности как в качестве средства обращения. К теории денег Мизес впоследствии возвратился, когда ему после первой мировой войны пришлось заниматься разработкой антиинфляционных мер. В те же предвоенные годы Мизес работает и над теорией циклов предпринимательской деятельности (бизнес-циклов). Мизес всегда испытывал тягу к учительству, к изложению своих взглядов не на бумаге только, а в живом общении. И в этом отношении жизнь его, казалось, складывалась благополучно. Одно время он преподавал экономику, государственное право и управление в Венской коммерческой женской академии. В 1913 году его пригласили на профессорскую должность в Венский Университет. Но научную и преподавательскую карьеру прервала первая мировая война. Три года артиллерийский офицер Людвиг фон Мизес провел на фронте, затем служил экономистом в Военном министерстве. После распада Австро-Венгерской империи Мизес продолжал работу в Венской торговой палате, ставшей своего рода экономическим штабом правительства и парламентских кругов. Как экономический советник правительства в начале двадцатых годов Мизес проводил жесткий антиинфляционный курс. Ему в немалой степени Австрия обязана тем, что она не пережила столь разрушительной гиперинфляции, как Германия, и значительно раньше ее - уже в 1922 году - стабилизировала свою валюту. Но не проблемы инфляции занимали в первую очередь ум Мизеса и не успехи на этом поприще сделали его всемирно известным исследователем. Русская революция 1917 года, кратковременная победа коммунистов в Баварии и Венгрии, подъем антикапиталистического движения в других странах -- все это обратило интересы Мизеса к идеологии социализма. С того времени центральное место в работах Людвиг фон Мизеса занимает критика социализма как экономической системы. Разумеется, Мизес был далеко не первым на этой стезе. Но его предшественники атаковали социализм главным образом с позиций морали и права. Людвиг фон Мизес выдвигает тезис о невозможности рационального ведения хозяйства при социализме. Написанная в 1919 и опубликованная в следующем году статья "Хозяйственный расчет в социалистическом обществе" содержала эту основную идею, развитую затем в книге

"Социализм", опубликованной в 1922 году. По мнению Мизеса, социализм, то есть централизованно планируемое хозяйство с регулируемым правительством рынком и устанавливаемыми сверху ценами, не может долго просуществовать. В таких условиях невозможен экономический расчет, поскольку цены не отражают спроса и предложения и перестают служить указателем, в каком направлении следует развиваться производству, чтобы обеспечить экономическое равновесие. А это значит, что регулировать экономику в целом правительство на самом деле не может, и "регулируемая экономика социализма" на самом деле становится царством произвола составителей плана, иными словами, планируемым хаосом. Монография "Социализм" неоднократно переиздавалась. В 1935 году она вышла в английском переводе, затем была переведена на другие языки, почти с каждым новым изданием дорабатывалась и дополнялась автором. Предлагаемая читателю в настоящем сборнике работа "Запланированный хаос" - это специально написанное Мизесом дополнение к испанскому изданию "Социализма" (1949). К началу двадцатых годов у Мизеса сложилась высокая научная репутация (хотя за пределами немецкоязычного мира он был мало известен). Достаточно сказать, что основные положения его книги "Теория денег и средств обращения" в течение двух семестров были предметом обсуждения на семинаре, руководимом имевшим мировое имя Евгением Бем-Баверком. Однако все это оказалось недостаточным, чтобы Мизес получил после первой мировой войны в Венском университете не то что кафедру - профессорскую должность. Такое предложение ему было, правда, сделано, но затем дезавуировано по настоянию ряда профессоров, предводительствуемых немецким националистом Отмаром Шпанном. Причиной тому послужило не только еврейское происхождение Мизеса, но и его либеральные убеждения, несовместимые со взглядами националистически настроенных экономистов-государственников, и его общеизвестная научная бескомпромиссность. Страсть к преподаванию нашла свой выход в организованном Людвигом фон Мизесом частном семинаре, работавшем в помещении Торговой палаты с 1920 по 1934 год. Участниками семинара -- учениками Мизеса были многие молодые люди, чьи имена впоследствии вошли в историю социальной мысли. Среди них экономисты Фридрих Хайек -- будущий нобелевский лауреат 1973 года, Фриц Махлуп, Готфрид Хаберлер, математик и философ Карл Менгер-младший, социолог Альфред Шюльц. В 1926 году Мизес основал Австрийский институт исследования бизнес-циклов. Четыре года спустя он стал членом престижной правительственной комиссии по экономическим проблемам Австрии. Одна за другой выходят его новые книги. В 1927 году опубликован "Либерализм", в 1929 году -- "Критика интервенционизма". В них находит дальнейшее развитие и обоснование тезис, что единственной разумной экономической политикой для современного индустриального общества может быть только либерализм, предоставление полной свободы выступающим на рынке товаропроизводителям. Абсолютными основами цивилизации являются, по Мизесу, разделение труда, частная собственность и свободный обмен. Если социализм как экономическая система вообще обречен на крах, то другая противостоящая либерализму система -- интервенционизм, то есть государственное вмешательство в хозяйственную жизнь, безусловно, вредна для общества, порождает нестабильность, нарушает естественный ход развития. Мировой кризис 1929--1933 годов активизировал сторонников государственного вмешательства в экономическую жизнь. Провозглашенный Франклином Рузвельтом "Новый курс" в США, сформировавшаяся в Великобритании и подхваченная в ряде стран доктрина Джона Майнарда Кейнса приобретали все больше adeptов. С другой стороны, в пользу государственного регулирования экономики говорили шумно рекламируемые успехи первых пятилеток в СССР. В этой обстановке нужны были немалая воля, интеллектуальная отвага и стойкость, чтобы бросить открытый вызов как социалистам, так и интервенционистам. Этими качествами обладали Людвиг фон Мизес и сформировавшийся как ученый под его влиянием Фридрих Хайек. Они стали инициаторами дискуссии, приобретшей международный размах. В ходе ее Мизес

продолжал развивать положение о том, что отказ от свободного рынка на самом деле подрывает возможности эффективного развития народного хозяйства. В изданном Хайеком в 1935 году в Лондоне сборнике "Коллективистское экономическое планирование" Мизес писал: "Где нет свободного рынка, там нет механизма цен, а без механизма цен нет и экономического расчета". Мизес и его последователи поставили уже в те годы вопросы, которые как нельзя более актуальны сегодня: можно ли в централизованно регулируемой экономике обеспечить технический прогресс, сформировать стимулы эффективной работы? Их ответ был беспрецедентно отрицательным. Не нарушая взятого нами обязательства отказа от каких-либо оценок взглядов Мизеса и его сторонников-неолибералов, следует все же отметить, что и в тридцатые, и в сороковые и в последующие года советские экономисты относились к работам Мизеса агрессивно-пренебрежительно. Их рассматривали как реакционные реликтовые писания дремучего апологета капитализма, каким тот был в прошлом столетии. Сегодня всем ясно, насколько серьезны и актуальны были проблемы, поднятые неолибералами более чем полвека назад. Последней книгой, выпущенной Людвигом фон Мизесом на родине, был сборник его статей 1928-1933 годов "Основные проблемы национальной экономики". В 1934 году Мизес принял приглашение занять профессорскую должность в Высшем институте международных исследований Женевского университета. В Женеве он проработал 6 лет. В 1940 году, после захвата гитлеровцами Франции, когда коричневая грязь, казалось, вот-вот зальет последние островки свободы в Европе, Мизес эмигрировал в Соединенные Штаты Америки. Если переезд из Австрии в Швейцарию был сравнительно безболезненным -- Мизес свободно владел французским языком, на котором и начал читать курс в Женеве, -- то эмиграция в США была буквально отчаянным поступком: без языка, без конкретного места работы. Все же имя обеспечило ему получение в 1941 году небольшого гранта (безвозмездного финансирования научных работ) от Национального бюро экономических исследований. В 1942--1943 годах Мизес выступает с рядом статей по международным экономическим проблемам в "Нью-Йорк тайме". Одновременно он работает над книгой "Всемогущее правительство: происхождение тоталитарного государства и тотальной войны", которая увидела свет в издательстве Йельского университета. В ней он доказывает, что социализм и нацизм -- это левое и правое крыло одной и той же сущности -- коллективизма. В годы войны написана и включена в настоящий сборник работа "Бюрократия", в которой постоянная для Мизеса тема государственного воздействия на хозяйствование рассматривается в нетрадиционном аспекте. С 1943 года по 1954 год Мизес служил в экономической комиссии Национальной производственной ассоциации, последовательно проводя идеи свободной рыночной экономики. Возобновилась и его преподавательская деятельность -- сначала в Высшей школе деловой администрации в Нью-Йорке, а затем в качестве приглашенного на срок профессора Нью-Йоркского университета. С 1949 по 1968 годы он вел семинар по экономической теории. Мизес по праву должен был бы попасть в книгу рекордов Гиннеса как самый старый американский профессор. Активную преподавательскую деятельность он оставил в 87 лет. В 1949 году выходит в свет труд, который Людвиг фон Мизес считал главным в своей жизни: "Человеческие действия: трактат об экономике". В нем Мизес как бы обобщает плоды своих исследований, начиная с далеких времен перед первой мировой войной. По своей проблематике книга чрезвычайно широка: в ней рассматриваются самые разнообразные экономические явления под углом зрения системы свободного предпринимательства. При этом она написана популярно, в расчете на широкие круги читателей. Неудивительно, что эта работа Мизеса стала подлинным бестселлером и вскоре появилась в переводе на испанский, французский, итальянский, китайский и японский языки. Пятидесятые годы ознаменовались всплеском интереса к довоенным работам Мизеса. Выходят в свет расширенные издания "Социализма", "Теории денег и кредита". Но Мизес совершенно не похож на почтенных старцев, находящихся полное удовлетворение в шлифовке и частных

дополнениях своих прежних работ. В 1956 г. выходит в свет "Антикапиталистическая ментальность". А через год читатели получили возможность познакомиться с новой большой работой ученого, отметившего уже свой 75-летний юбилей. Речь идет о книге "Теория и история". Она, с одной стороны, лежит в традиционном для автора русле критики марксизма и других социалистических учений, а с другой -- свидетельствует о все возрастающем внимании Мизеса к философскому обоснованию экономической теории, к методологическим проблемам познания. В этом ключе созданы его последние книги "Эпистемологические проблемы экономики" (1960 г.) и "Основания экономической науки: очерки методологии" (1962 г.). На этот раз критические стрелы нестареющего ума направлены в логический позитивизм, приобретший, особенно в США, большую популярность среди экономистов. Идеи экономического либерализма, Людвиг фон Мизес отстаивал не только пером. Он был среди основателей и руководителей созданного в 1947 году "Общества Монт-Пелерен", объединившего экономистов -- практиков и исследователей свободного рынка. В числе членов этого общества были президент Италии Луиджи Эйнаути, финансовый советник генерала Де Голля Жак Рюэфф, известный немецкий экономист Вильгельм Репке и его соотечественник Альфред Мюллер-Армак - влиятельный советник Людвига Эрхарда, считающегося отцом "немецкого чуда". Все эти люди сыграли видную роль в формировании экономических структур своих стран, в их движении к свободному рынку и твердой валюте. Мизес скончался в глубокой старости в октябре 1973 года. Жизнь его не так уж богата драматическими событиями. И все же его биограф Мюррей Ротбард назвал свою книгу "Людвиг фон Мизес ученый, творец, герой". Что же, для этого, наверное, есть основания. Трагедия в том, что большую часть жизни Мизес был героем не своего времени. Его взгляды были прямо противоположны господствовавшему в первой половине нашего века экономическому менталитету. Рыцарь свободного предпринимательства, яростно атаковавший концепции государственного регулирования, он казался экономистам-современникам, даже признававшим его ум, логику и эрудицию, таким Дон-Кихотом, прискакавшим в XX век на дряхлом Росинанте либерализма. В книге французского экономиста Э. Жамса "История экономической мысли XX века", получившей широкую известность и даже изданной на русском языке в 1959 году (правда, с охранительным клеймом "Для научных библиотек"), о Мизесе говорится в таком стиле: "В этом направлении Л. Мизес зашел слишком далеко ... Подобную позицию полностью принять трудно...". Достоин удивления, что высокую научную значимость работ Мизеса, направленных против государственного регулирования, в те годы скорее склонны были признавать умные социалисты, а не его "братья по классу". Так, левый польский социал-демократ (впоследствии возглавивший в 1951--1962 гг. Экономический совет правительства Польской Народной Республики) Оскар Ланге в книге "Экономическая теория социализма", вышедшей в 1938 году в США, отмечал, что Мизес дал большой толчок развитию экономической социалистической мысли, поставив проблему рационального распределения ресурсов. Только в последние десятилетия своего бытия Мизес увидел -- нет, не торжество, но уже неоспоримое укрепление и расширение позиций либерализма, приносящего практические плоды там, где его сторонники приходили к власти. Прошедшие со дня смерти Мизеса годы сделали эту тенденцию еще более отчетливой. Как это ни парадоксально, чем дальше в прошлое уходит время, когда Мизес писал, тем яснее значимость и актуальность написанного им. Разве стало, например, достижением архивов экономической мысли, разве утеряло остроту его утверждение, провозглашенное почти 40 лет назад в книге "Планирование и свобода": "Никакая третья система невозможна. Не может быть несоциалистической системы без предпринимательской прибыли или убытка... Люди должны выбирать между капитализмом и социализмом. Они не могут избежать этой дилеммы". Имя и идеи Мизеса не забыты. Его работы переиздаются -- очевидно, потому, что в них есть нужда. В 1982 году в США, в Алабаме создан Институт Людвига фон Мизеса, занимающийся, в частности, издательской деятельностью и проводящий конференции по трудам ученого,

чье имя он носит. В последние годы -- и это особенно важно -- резко расширяется круг людей, знакомящихся с книгами Мизеса. Это ученые, студенты, хозяйственники, наконец, простые люди, интересующиеся независимо от своей профессии экономикой и экономической политикой, живущие в тех странах, где недавно безраздельно господствовала коммунистическая идеология, с порога отвергавшая "умствования" своих врагов. В вышедшей в СССР вскоре после смерти Мизеса энциклопедии "Политическая экономия", т. 2 говорилось: "Работы Мизеса носят столь одиозный характер, что подвергаются резкой критике даже со стороны многих буржуазных экономистов". Сегодня доступ к этим "столь одиозным" трудам, наконец-то, получает и российский гражданин. Предлагаемые вниманию читателей работы Л. Мизеса -- написаны легко и свободно, но рассчитаны, тем не менее, на вдумчивого читателя. А он, конечно же, сумеет оценить идеи автора, не поддаваясь минутному раздражению от явных сегодня частных ошибок и порой обидных для нас предвзятостей, которых книга не лишена. Перефразируя известное положение "Наши недостатки -- продолжение наших достоинств", скажем: "Наши заблуждения -- продолжение наших прозрений". Уверенность в крайней неэффективности социалистического хозяйства перерастает у Мизеса в отрицание возможности каких-либо успехов государства, построенного на социалистических началах. Отсюда несправедливая оценка им роли СССР в разгроме немецкого фашизма. Впрочем, Советский Союз -- не исключительный объект такого рода предубежденных суждений. Франкистская Испания в период второй мировой войны и первые последовавшие за ней годы была государством с сильными элементами централизованного регулирования хозяйства. Неудивительно, что Франсиско Франко в глазах Мизеса -- ничтожество, марионетка в руках Гитлера и Муссолини. Жизнь показала, что генерал далеко не столько однозначен. Можно было бы привести и другие примеры такого же рода (коварный жанр предисловия все-таки расставил свои силки!). Но не в них суть. И переводчик, и автор предисловия рассчитывают на читателей, которые, раскрывая книгу, жаждут не уличать, а получать. Получать новые знания, идеи, пищу для размышлений. Уверены, что эта книга ожиданий таких читателей не обманет. Роман Левита

БЮРОКРАТИЯ Введение Оскорбительный смысл термина "бюрократия" **ТЕРМИНЫ** бюрократ, бюрократический и бюрократия -- это, конечно, бранные слова. Никто не называет себя бюрократом или хвоя методы управления бюрократическими. Эти слова всегда употребляются в оскорбительном смысле. Они всегда подразумевают уничижительную критику людей, институтов или процедур. Никто не сомневается в том, что бюрократия глубоко порочна и что она не должна существовать в совершенном мире. Употребление рассматриваемых терминов в оскорбительном смысле не ограничивается Америкой и другими демократическими странами. Это универсальное явление. Даже в Пруссии, образцовом авторитарном государстве, никто не хотел, чтобы его называли бюрократом. Wirklicher geheimer Ober-Regierungsrat [действительный тайный советник -- высший гражданский чин в Прусском королевстве (нем.)] прусского короля гордился своим высоким чином и властью, которую этот чин предоставлял. Его тщеславие упивалось глубочайшим почтением со стороны подчиненных и всего населения. Его переполняло сознание собственной важности и непогрешимости. Но он бы счел дерзким оскорблением, если бы кто-то осмелился назвать его бюрократом. В своих собственных глазах он был не бюрократом, а государственным служащим, доверенным Его Величества, должностным лицом Государства, денно и нощно неустанно пекущимся о благосостоянии нации. Примечательно, что "прогрессисты", которых критики бюрократии считают ответственными за ее разрастание, не отваживаются защищать бюрократическую систему. Напротив, в ее осуждении они присоединяются к тем, кого во всех других отношениях с презрением называют "реакционерами". Ибо, утверждают они, эти бюрократические методы вовсе не составляют существа той утопии, к которой они сами

стремятся. Бюрократия, говорят они, это скорее неудачный способ, каким капиталистическая система пытается справиться с неумолимой тенденцией к своему собственному исчезновению. Неизбежный конечный триумф социализма упразднит не только капитализм, но и бюрократию. В счастливом мире завтрашнего дня, в благословенном раю всестороннего планирования больше не будет никаких бюрократов. Всем станет заправлять простой человек; люди сами будут вершить все свои дела. Только ограниченные буржуа могут пасть жертвой заблуждения и посчитать, что бюрократия дает нам представление о том, что социализм сулит человечеству в будущем. Все, похоже, согласны с тем, что бюрократия -- это зло. Но не менее справедливо и то, что никто никогда не пытался недвусмысленным образом определить, что же в действительности означает бюрократия. Обычно это слово употребляется весьма вольно. Большинство людей оказались бы в затруднительном положении, если бы их попросили дать скольнибудь четкое определение или объяснение. Как же они могут осуждать бюрократию и бюрократов, если даже не знают, что означает этот термин? Обвинения, предъявляемые бюрократии гражданином АМЕРИКАНЕЦ, которого попросили бы конкретно назвать пороки нарастающей бюрократизации, мог бы ответить примерно так: "Наша традиционная американская система правления была основана на разделении законодательной, исполнительной и судебной властей и на справедливом распределении полномочий между Центром и штатами. Законодатели, высшие чиновники исполнительных органов и многие судьи избирались путем голосования. Таким образом обеспечивалось верховенство народа, избирателей. Более того, ни одна из трех ветвей власти не имела права вмешиваться в частные дела граждан. Законопослушный гражданин был свободным человеком." Но вот уже многие годы -- и особенно после появления "нового курса" [экономическая политика, провозглашенная и проведенная в жизнь в 1933--1938 гг. президентом США Франклином Делано Рузвельтом; ее целью было преодоление последствий глубокого экономического кризиса 1929--1933 гг., а сущностью -- государственное регулирование некоторых сторон хозяйственной жизни посредством фиксации цен и уровней производства некоторых видов продукции субсидирования фермеров и т. д.] -- мощные силы почти что готовы заменить эту старую испытанную демократическую систему тираническим правлением не отвечающаеи за свои действия, своевольной бюрократии. Бюрократ получает свою должность не по воле избирателей, его назначает другой бюрократ. Он уже присвоил себе изрядную долю законодательной власти. Правительственные комитеты и бюро издаюи декреты и постановления, претендующие на то, чтобы направлять и контролировать все стороны жизни граждан. Они не только регламентируют то, что ранее оставлялось на усмотрение индивида; они не останавливаются даже перед выпуском таких декретов, которые по сути дела отменяют принятые ранее законы. Путем такой квазизаконодательной деятельности различные бюро узурпируют право решать многие важные вопросы в соответствии с собственными представлениями о характере того или иного дела, то есть совершенно произвольно. Постановления и решения различных бюро воплощаются в жизнь федеральными служащими. Подразумеваемый судебный надзор в действительности совершенно иллюзорен. С каждым днем бюрократы присваивают себе все больше власти: очень скоро они будут управлять всей страной. Не может быть никакого сомнения в том, что эта бюрократическая система по сути своей является антилиберальной, недемократичной и неамериканской, что она противоречит духу и букве Конституции и что она копирует тоталитарные методы Сталина и Гитлера. Она проникнута фанатичной враждебностью к свободному предпринимательству и частной собственности. Она парализует бизнес и снижает производительность труда. Бездумно тратя деньги, она разбазаривает богатство нации. Она неэффективна и расточительна. Хотя свою деятельность она называет планированием, у нее нет определенных планов и целей. Она не едина и неоднородна: различные бюро и агентства преследуют взаимоисключающие цели. Результатом является распад всего социального механизма производства и распределения. Это страстное

обвинение бюрократии представляет собой, в общем и целом, верное, хотя и излишне эмоциональное описание современных тенденций развития американского правительства. Но оно упускает из виду самое главное, поскольку делает бюрократию и бюрократов ответственными за изменения, причины которых следует искать в другом месте. Бюрократия -- это лишь следствие и симптом явлений и изменений, имеющих гораздо более глубокие корни. Характерной чертой современной политики является тенденция к замене свободного предпринимательства государственным контролем. Влиятельные политические партии и "группы давления" (pressure groups) пламенно призывают к общественному контролю над всеми видами экономической деятельности, всеохватывающему государственному планированию и национализации бизнеса. Они стремятся к полному государственному контролю над образованием и к социализации медицины. Не существует такой сферы человеческой деятельности, которую они не были бы готовы подчинить строгой регламентации со стороны властей. В их глазах государственный контроль -- это панацея от всех бед. Эти восторженные сторонники всемогущего государства очень скромно оценивают ту роль, которую они сами играют в эволюции в сторону тоталитаризма. Движение к социализму, уверяют они, неумолимо. Это необходимое и неизбежное направление исторического развития. Вместе с Карлом Марксом они утверждают, что социализм должен прийти "с неумолимостью закона природы". Частная собственность на средства производства, свободное предпринимательство, капитализм, система, ориентированная на получение прибыли, обречены. "Волна будущего" несет людей к земному раю полного государственного контроля. Защитники тоталитаризма называют себя "прогрессистами" именно потому, что им, как они уверяют, удалось понять смысл грядущего. И они высмеивают и пренебрежительно называют "реакционерами" всех тех, кто пытается сопротивляться действию сил, которое - как они говорят -- не в состоянии остановить никто, даже самый могущественный из людей. Благодаря этой "прогрессивной" политике новые учреждения и правительственные агентства плодятся как грибы после дождя. Число бюрократов множится, и они делают все возможное, чтобы шаг за шагом ограничивать свободу действий частного гражданина. Многие граждане, то есть те, кого "прогрессисты" с презрением называют "реакционерами", возмущены этим вмешательством в их дела и обвиняют бюрократию в некомпетентности и расточительности. Но противники "прогрессистов" до сих пор оставались в меньшинстве. Доказательством служит то, что они не смогли получить большинства голосов на прошлых выборах. [Рузвельтовский "новый курс" поддерживался многие годы большинством американских избирателей, о чем свидетельствовало как переизбрание Ф. Д. Рузвельта президентом в 1936 г. и в 1940 г., так и победы поддерживавшей его демократической партии на выборах в Конгресс в тридцатые годы.] "Прогрессисты" -- непримиримые враги свободного предпринимательства и частной инициативы, фанатичные сторонники государственного контроля над бизнесом -- одержали над ними победу. Это правда, что политику "нового курса" подлежали избиратели. Не подлежит никакому сомнению и то, что от этой политики полностью отказались бы, если бы избиратели перестали ее поддерживать. Соединенные Штаты все еще демократическая страна. Конституция еще действует. Выборы все еще свободные. Избиратели не отдают свои голоса по принуждению. Неправильно поэтому говорить, что бюрократическая система одержала победу антиконституционными и антидемократическими методами. Юристы, возможно, правы, когда ставят под сомнение законность некоторых второстепенных моментов. Но "новый курс" в целом был поддержан Конгрессом. Конгресс принимал законы и ассигновывал деньги. Конечно, Америка столкнулась с явлением, которого творцы Конституции не предвидели и не могли предвидеть, -- с добровольным отказом Конгресса от своих прав. Конгресс во многих случаях делегировал законодательные функции правительственным агентствам и комитетам и ослабил контроль за бюджетом, поскольку стал ассигновывать крупные суммы, предоставляя правительственной администрации право определять

конкретные направления расходов. Право Конгресса делегировать часть своих полномочий время от времени оспаривается. Верховный суд признал, например, неконституционным Управление национального восстановления (National Recovery Administration). [В июле 1933 г. Конгресс США принял Закон о восстановлении национальной промышленности, в соответствии с которым было создано Управление национального восстановления (NRA - National Recovery Administration). В его функции входило регулирование хозяйственной деятельности в промышленности, включая вопросы распределения ресурсов, ценообразования и т. п. Верховный суд США в мае 1935 г. признал Закон о восстановлении национальной промышленности противоречащим конституции страны.] Но делегирование полномочий, сопровождаемое более осторожными формулировками, стало почти постоянной практикой. Как бы то ни было, действуя таким образом, Конгресс до сих пор не вступал в противоречие с волеизъявлением большинства суверенного народа. В то же время нельзя забывать о том, что делегирование полномочий -- это главное орудие современной диктатуры. Именно в результате делегирования полномочий Гитлер и его кабинет правят Германией. [30 января 1933 г. президент Германии Гинденбург назначил Гитлера канцлером, т. е. главой правительства. По требованию Гитлера 23 марта 1933 г. рейхстаг принял Закон о чрезвычайных полномочиях правительства, создавший правовую основу неограниченной нацистской диктатуры.] Именно путем передачи полномочий британские левые хотят установить свою диктатуру и превратить Великобританию в социалистическое государство. Очевидно, что делегирование полномочий может быть использовано как квазиконституционное прикрытие для диктатуры. Но, конечно, в Соединенных Штатах дело сейчас обстоит совершенно иначе. Конгресс по-прежнему обладает законным правом и реальными возможностями взять обратно все делегированные им ранее полномочия. Граждане по-прежнему обладают правом и возможностями избрать в Сенат и Палату представителей людей, настроенных резко против какого бы то ни было отказа Конгресса от своих полномочий. В Соединенных Штатах бюрократия базируется на конституционных основах. Также неверно считать неконституционными нарастающую концентрацию власти в руках центрального правительства и соответствующее уменьшение роли штатов. Вашингтон в явном виде не узурпировал никаких конституционных полномочий штатов. Установленный Конституцией баланс в распределении полномочий между федеральным правительством и штатами был серьезно нарушен, потому что новые полномочия исполнительной власти достались, главным образом, Центру, а не штатам. Это не было результатом темных махинаций каких-то таинственных вашингтонских группировок, которые хотели урезать власть штатов и ввести централизацию. Это явилось следствием того, что США представляют собой экономическое целое с единой денежной и кредитной системой и свободным передвижением товаров, капиталов и людей между штатами. В такой стране государственный контроль над бизнесом должен быть централизованным. Не может быть и речи о том, чтобы предоставить это право отдельным штатам. Если бы каждый штат был волен контролировать бизнес, исходя из своих собственных планов, единый внутренний рынок распался бы. Контроль над бизнесом на уровне штата был бы практически возможен только в том случае, если бы каждый штат мог отделить свою территорию от остальной части страны торговыми и миграционными барьерами и введением самостоятельной денежной и кредитной политики. Поскольку никто всерьез не предлагал разрушить экономическую целостность страны, контроль над бизнесом необходимо было вверить Центру. Сама природа системы государственного контроля над бизнесом подталкивает ее к максимальной централизации. Автономия штатов в том виде, как она гарантирована Конституцией, может существовать лишь при системе свободного предпринимательства. Голоса за государственный контроль над бизнесом, избиратели, косвенным образом, хотя и неосознанно, голосуют за усиление централизации. Те, кто критикуют бюрократию, совершают ошибку, направляя свою критику только на

симптомы, а не на корень зла. Совершенно безразлично, принимаются ли бесчисленные постановления, регламентирующие все стороны экономической деятельности гражданина, непосредственно Конгрессом в качестве должным образом принятых законов, или же комитетом, либо правительственным агентством, полномочия которому были даны законом и ассигнованием денег. В действительности недовольство людей вызывает то, что государство вступило на путь такой тоталитарной политики, а не технические процедуры, использованные для ее введения. Мало что изменилось бы, если бы Конгресс не наделил эти агентства квазизаконодательными полномочиями, а оставил бы за собой право издавать все постановления, необходимые для осуществления их функций. Как только контроль над ценами объявляется обязанностью правительства, становится необходимым утверждать бесконечное количество максимально допустимых цен, а многие из них, с изменением условий, необходимо вновь и вновь модифицировать. Этими полномочиями наделено Управление регулирования цен (ОРА) [ОРА -- аббревиатура Office of Price Administration]. Но власть бюрократов из этого Управления существенно не пострадала бы, если бы они были обязаны обращаться в Конгресс для законодательного установления максимально допустимых цен. Конгресс оказался бы наводненным множеством законопроектов, содержание которых выходило бы за рамки его компетенции. У членов Конгресса не было бы достаточно времени и информации для того, чтобы серьезно рассматривать предложения, разработанные различными подразделениями ОРА. У них не было бы другого выбора, как только довериться главе Управления и его служащим и голосовать за все законопроекты скопом или же отменить закон, предоставляющий правительству право контроля над ценами. Для членов Конгресса было бы совершенно невозможно разбираться в существе дела с той же добросовестностью и скрупулезностью, с какой они обычно подходят к обсуждению политики и законов. Парламентские процедуры являются адекватным методом разработки законов, необходимых обществу, основанному на частной собственности на средства производства, свободном предпринимательстве и суверенитете потребителей. Они по своей сути не пригодны для осуществления функций всемогущего государства. Творцы Конституции никогда не размышляли о системе правления, при которой власти должны были бы определять цены на перец и апельсины, фотоаппараты и бритвенные лезвия, галстуки и бумажные салфетки. Но если бы такая возможность пришла им в голову, они, безусловно, сочли бы второстепенным вопрос о том, должны ли такие предписания приниматься Конгрессом или каким-либо бюрократическим агентством. Они бы без труда поняли, что государственный контроль над бизнесом, в конечном счете, несовместим ни с какой формой конституционного и демократического правления. Не случайно, что в социалистических странах правление осуществляется диктаторскими методами. Тоталитаризм и народовластие несовместимы. В Германии и России ничего не изменилось бы, если бы Гитлер и Сталин должны были бы передавать свои постановления для утверждения в "парламенты". При государственном контроле над бизнесом парламенты не могут быть ничем иным как собранием людей, всегда голосующих "за". Совершенно неоправданны и претензии к тому, что должности бюрократических администраторов не являются выборными. Выборы представителей исполнительных органов имеют смысл только применительно к высшим руководителям. В этом случае избиратели должны сделать выбор между кандидатами, чья политическая репутация и убеждения им известны. Было бы абсурдно использовать этот же метод для назначения на должности множества неизвестных избирателям лиц. Вполне разумно выбирать президента, губернатора или мэра. Но было бы совершенно бессмысленно предоставить гражданам возможность выбирать сотни и тысячи мелких служащих. При таком голосовании у избирателей не будет другого выбора, кроме как одобрить весь список, предложенный их партией. Нет никакой реальной разницы, назначает ли законно избранный президент или губернатор всех своих помощников или же избиратели голосуют за список, содержащий имена всех тех людей, которых предпочитают ими

кандидат выбрал себе в помощники. Как совершенно верно говорят противники движения к тоталитаризму, бюрократы вольны по своему собственному усмотрению решать вопросы, имеющие первостепенную важность для жизни частных граждан. Это правда, что должностные лица являются уже не слугами граждан, а своевольными господами и тиранами. Но в этом виновата не бюрократия. Это результат новой системы правления, которая ограничивает свободу индивида самостоятельно вести свои дела и возлагает все больше и больше обязанностей на государство. Обвинять следует не бюрократию, а политическую систему. Правда и то, что бюрократия проникнута неукротимой ненавистью к частному бизнесу и свободному предпринимательству. Но сторонники бюрократической системы именно это считают самым похвальным в собственной позиции. Они вовсе не стыдятся своей политики, направленной против бизнеса, они, напротив, гордятся ею, они стремятся к полному государственному контролю над бизнесом, а в каждом бизнесмене, который хочет избежать такого контроля, видят врага общества. Правда, наконец, и то, что новая политика, не являясь неконституционной с чисто формальной точки зрения, противоречит духу Конституции; что она равносильна гибели всего того, что было дорого старшему поколению американцев; что она должна привести к отказу от того, что люди привыкли называть демократией, и что в этом смысле она чужда американскому духу. Но этот упрек также не дискредитирует "прогрессивные" тенденции в глазах их сторонников. Они смотрят на прошлое не так, как их критики. Для них жизнь всех существовавших до сих пор обществ -- это история социальной деградации, нищеты и беспощадной эксплуатации масс правящими классами. То, что на языке американцев называется "индивидуализмом", для них -- "высокопарный термин для обозначения жадности к деньгам, принявшей иное обличье и выступающей под видом добродетели". Идея была в том, чтобы "дать полную свободу действий стяжателям, хитроумным ловкачам и биржевым спекулянтам, живущим за счет грабежа национального дохода". Американская система издевательски называется фальшивой "демократией билля о правах" [имеется в виду американский Билль о правах -- принятые Конгрессом США в 1789 г. первые 10 поправок к конституции 1787 г.; Билль провозглашал свободы слова, печати, религиозных исповеданий, собраний, петиций, устанавливал неприкосновенность личности, имущества и личных бумаг, соблюдение прав граждан в суде и т. п.], а сталинская система в России безудержно восхваляется как единственно подлинная демократия. Основным предметом разногласий в сегодняшней политической борьбе является вопрос о том, должно ли общество быть организовано на основе частной собственности на средства производства (капитализм, рыночная система) или же на основе общественного контроля над средствами производства (социализм, коммунизм, плановая экономика). Капитализм означает свободу предпринимательства, суверенитет потребителей в экономических вопросах. Социализм означает полный государственный контроль над всеми сферами частной жизни и неограниченное господство государства как центрального органа управления производством. Между этими двумя системами не может быть никакого компромисса. Вопреки широко распространенному заблуждению не существует промежуточного пути <W. E. Woodward, A New American History, New York, 1938, p. 808>, третья система невозможна как форма долговременной организации общества. <На обложке книги A New American History мы читаем: "Сегодня любой правильно мыслящий родитель, знакомый со всеми фактами, возможно, решит, что Бенедикт Арнольд в целом является гораздо более достойным образцом для его сына, чем Линкольн". [Арнольд Бенедикт (1741--1801) -- американский генерал. В США Арнольд стал символом беспринципного перебежчика, так как во время войны за независимость он вначале поддерживал Джорджа Вашингтона, а затем переметнулся на сторону британских колонизаторов.] Очевидно, что тот, кто разделяет подобные взгляды, не считает недостатком бюрократии ее антиамериканский дух.> Граждане должны сделать выбор между капитализмом и социализмом или, как говорят многие американцы, между "американским" и "русским" образом жизни. Тот, кто в этом

непримиримом споре берет сторону капитализма, должен делать это откровенно и прямо. Он должен совершенно определенно поддерживать частную собственность и свободное предпринимательство. Тщетно довольствоваться критикой лишь некоторых мер, подготавливающих почву для социализма. Бесполезно бороться с сопутствующими явлениями, а не с движением к тоталитаризму, как таковым. Бессмысленно сосредоточиваться только на критике бюрократизма. Взгляды "прогрессистов" на бюрократию СВОЕ внимание "прогрессивные" критики бюрократизма сосредоточивают, прежде всего, на бюрократизации крупного корпоративного бизнеса. Ход их рассуждений таков: "Прежде деловые фирмы были сравнительно небольшими. Предприниматель был в состоянии следить за всеми частями своего предприятия и самолично принимать все важные решения. Он был владельцем всего вложенного капитала или, по крайней мере, большей его части. Он сам был крайне заинтересован в успехе своего дела. Поэтому он сосредоточивал все свои усилия на том, чтобы сделать свое предприятие как можно более эффективным и избежать ненужных трат. Но по мере действия неумолимой тенденции к экономической концентрации условия радикально изменились. Сегодня доминирующие позиции занимают крупные корпорации. Это абсентеистская собственность [термин "абсентеист" (от латинского *absentis* -- отсутствующий) используется для обозначения уклоняющихся от активного функционирования, участия в социальной жизни: например, избиратели-абсентеисты -- граждане, игнорирующие выборы]: юридические собственники, держатели акций, фактически не оказывают влияния на управление предприятием. Эта обязанность возложена на профессиональных администраторов. Предприятия так велики, что функции и виды деятельности приходится распределять между производственными и административными подразделениями. Ведение дел, по необходимости, становится бюрократическим. Сегодняшние защитники свободного предпринимательства -- такие же романтики, как и те, кто восхваляет средневековые цеха и гильдии. Они совершают безусловную ошибку, придавая гигантским корпорациям черты, которые были когда-то отличительными особенностями мелкого и среднего бизнеса. Не может быть и речи о разделении крупных хозяйственных единиц на более мелкие фирмы. Напротив, преобладающей станет тенденция к дальнейшей концентрации экономической мощи. Крупный монополизированный бизнес будет зажат в тисках бюрократизма. Никому не подотчетные управляющие корпораций станут наследственной аристократией, а правительства -- простыми марионетками всемогущих деловых группировок. Власть этой управленческой олигархии по необходимости должна быть ограничена государством. Недовольство строгим государственным регулированием безосновательно. Дело обстоит так, что существует только один выбор -- между неограниченным господством (промышленной и финансовой) бюрократии и правлением национального государственного аппарата." Апологетический характер таких рассуждений очевиден. В ответ на общую критику в адрес растущей бюрократизации государства "прогрессисты" и сторонники "нового курса" говорят, что рамки бюрократии вовсе не ограничиваются рамками государственных органов. Это универсальное явление, характерное как для делового мира, так и для государственных органов. Самая общая причина бюрократизации -- "колоссальный размер организаций" <см. Marshall E. Dimock and Howard K. Hyde, *Bureaucracy and Trusteeship in Large Corporations*, TNEC Monograph ? 11, p. 36>. Она является поэтому неизбежным злом. В этой книге мы попытаемся показать, что ни одно предприятие, ориентированное на получение прибыли (*profit-seeking enterprise*), каким бы крупным оно ни было, не подвержено бюрократизации, до тех пор, пока руки его руководителей не связаны государственным вмешательством. Тенденция к бюрократическому окостенению не заложена в природе бизнеса. Это следствие государственного вмешательства в бизнес. Это результат политики, направленной на то, чтобы лишить мотив получения прибыли той роли, которую он играет в способе экономической организации общества. В этих вводных замечаниях мы хотим остановиться лишь на одной стороне всеобщего недовольства растущей бюрократизацией

бизнеса. Говорят, что бюрократизация вызвана "отсутствием компетентного, эффективного руководства" <см. Marshall E. Dimock and Howard K. Hyde, loc. cit., p. 44 и упоминаемые ими статьи>, чего не хватает, так это "творческих руководителей". В политической области жалобы на отсутствие лидеров характерны для взглядов всех предвестников диктатуры. В их глазах основной изъян демократического правления заключается в том, что оно не способно порождать великих фюреров и Дуче. В области бизнеса творческое руководство выражается в приспособлении производства и распределения к изменяющимся условиям спроса и предложения и во внедрении технических усовершенствований в практику. Настоящий бизнесмен - это тот, кто производит большое количество лучших и более дешевых товаров; кто, являясь пионером прогресса, предоставляет своим соотечественникам товары и услуги, прежде им неизвестные и недоступные. Мы можем назвать его лидером, поскольку его инициатива и деятельность заставляют конкурентов или повторять его достижения, или выходить из дела. Именно его непрестанная изобретательность и любовь к нововведениям не позволяют всем остальным предприятиям погрязнуть в застойной бюрократической рутине. Он является воплощением деятельного динамизма и способности к постоянному развитию, присущих капитализму и свободному предпринимательству. Было бы преувеличением сказать, что таких творческих лидеров нет в сегодняшней Америке. Многие старые герои американского бизнеса еще живы и активно ведут свои дела. Гораздо труднее оценить творческий вклад более молодого поколения. Для правильной оценки их достижений нужна некоторая временная дистанция. Подлинный талант редко находит признание среди своих современников. Общество не может ничего сделать для воспитания и выращивания изобретательных людей. Творческому таланту нельзя научить как ремеслу. Не существует школ, обучающих творчеству. Талантливый человек -- это как раз тот, кто бросает вызов всем школам и правилам, кто не идет по проторенным дорогам, а открывает новые пути в недоступные прежде земли. Талантливый человек всегда -- учитель, и никогда -- ученик, он добивается всего своими собственными силами. Он ничем не обязан тем, кто находится у власти. Но, с другой стороны, государство может создать условия, которые парализуют все усилия творческого духа и не позволяют ему приносить пользу обществу. Именно такая ситуация характерна сегодня для сферы бизнеса. Вот только один пример -- подоходный налог. В прежние времена изобретательный начинающий бизнесмен открывал новое дело. Это было скромное начало: он был беден, капитал его невелик и в основном взят в займы. Когда приходил первый успех, он не увеличивал своего потребления, а вкладывал основную часть прибыли снова в дело. Таким образом, его предприятие быстро росло. Он становился лидером в своей отрасли. Угроза конкуренции с его стороны заставляла старые богатые фирмы и крупные корпорации приспособлять стиль своего управления к новым условиям, созданным его вторжением в отрасль. Они не могли игнорировать его, не могли позволить себе бюрократического равнодушия. Денно и ночью они должны были следить за появлением таких новаторов. Если для ведения своих собственных дел им не удавалось найти человека, который был бы в состоянии соперничать с новичком, им приходилось объединять с ним капиталы и подчиняться его руководству. Но сегодня подоходный налог поглощает 80 или более процентов первоначальных доходов такого начинающего бизнесмена. Он не может накопить капитал, не может расширить свое дело; его предприятие никогда не станет крупным. Он не может тягаться с большим бизнесом. Старые фирмы и корпорации уже владеют значительным капиталом. Налоги на личные доходы и доходы корпораций не позволяют им накопить еще больше капитала, однако новичку они вообще не позволяют накапливать капитал. Он обречен навечно остаться в мелком бизнесе. Уже существующие предприятия защищены от угрозы, исходящей от изобретательных новичков. Им не страшна их конкуренция, фактически они находятся в привилегированном положении до тех пор, пока ограничиваются ведением дел в традиционной области и в неизменных размерах. <Эта работа не является очерком

социальных и экономических последствий налогообложения. Поэтому нет необходимости рассматривать налоги на наследство, воздействие которых ощущается в нашей стране уже многие годы, тогда как выше описанные последствия подоходного налога стали заметны недавно.> Их дальнейшее развитие, конечно, ограничено. Постоянное истощение прибылей налогами делает для них невозможным расширение производства за счет собственных средств. Так появляется тенденция к застою. Во всех странах все законы о налогах написаны сегодня так, как будто основная цель налогов состоит в том, чтобы воспрепятствовать накоплению капитала и совершенствованию производства, которое может быть при этом достигнуто. Та же тенденция проявляется во многих других областях государственной политики. "Прогрессисты" совершенно не правы, когда говорят о недостатке творческих лидеров в сфере бизнеса. Недостает не людей, а установлений, которые позволили бы им применить свои таланты. Современная политика связывает руки предпринимателям-новаторам ничуть не меньше, чем система гильдий в средние века. Бюрократизм и тоталитаризм В ЭТОЙ книге будет показано, что бюрократия и бюрократические методы существуют очень давно и должны быть представлены в административном аппарате любого правительства, чей суверенитет распространяется на большую территорию. Древнеегипетские фараоны и китайские императоры создавали колоссальные бюрократические машины; так же поступали и все другие правители. Средневековый феодализм был попыткой организовать управление большими территориями без бюрократии и бюрократических методов. Эти старания потерпели полный крах. Они привели к анархии и полному распаду политического единства. феодальные землевладельцы, первоначально получавшие свои титулы за службу и поэтому подчинявшиеся центральной власти, стали фактически независимыми князьями, которые постоянно сражались друг с другом и ни во что не ставили власть короля, судов и законов. Начиная с XV века, европейские короли прежде всего стремились обуздать своих надменных вассалов. Современное государство построено на руинах феодализма. Господство множества мелких князей и графов оно заменило бюрократическим управлением делами общества. Дальше всех по этому пути продвинулись короли Франции. Алексис де Токвиль показал, как короли династии Бурбонов упорно стремились уничтожить самостоятельность своих могущественных вассалов и олигархических группировок аристократов. [Токвиль Алексис (1805--1859) -- французский историк, социолог и политический деятель. Его перу принадлежат исследования истории Франции XVIII века: "Философская история правления Людовика XV", "Взгляд на правление Людовика XVI", "Старый порядок и революция".] В этом отношении Французская революция лишь завершила то дело, которое начали сами короли. Она устранила королевский произвол, обеспечила верховенство закона в области управления и ограничила круг вопросов, решаемых должностными лицами по их собственному усмотрению. Она не отказалась от бюрократического управления, она только поставила его на правовую и конституционную основу, французская административная система XIX века представляла собой попытку максимально ограничить бюрократический произвол при помощи законов. Она служила моделью для всех других свободолюбивых стран, не входивших в сферу действия англо-саксонского обычного права (Common Law), которые стремились обеспечить верховенство законов и законности в системе государственного управления. Немногие знают, что прусская административная система, вызывающая столько восхищения у всех сторонников всемогущего государства, в своих ранних формах была простой имитацией французских институтов. Фридрих II, именуемый Великим, импортировал из абсолютистской Франции не только методы, но даже людей для их осуществления. [Фридрих II Великий (1712--1786) -- король Пруссии. С юности находившийся под определенным влиянием французских прогрессивных философов, он в духе просвещенного абсолютизма осуществил ряд реформ, в том числе и в сфере государственного устройства.] Взимание акцизов и таможенных пошлин он поручил импортированному штату из нескольких сотен французских бюрократов. Министром почт

он назначил француза и другого француза -- президентом Академии. У пруссаков XVIII века было даже больше оснований считать бюрократизм чуждым их национальному духу, чем у сегодняшних американцев. Юридическая основа административной деятельности в странах с англо-саксонским обычным правом сильно отличалась от своего аналога в странах континентальной Европы. И британцы, и американцы были абсолютно уверены в том, что их система обеспечивает им самую эффективную защиту от административного произвола. Однако опыт последних десятилетий ясно свидетельствует, что никаких юридических гарантий недостаточно, чтобы противостоять тенденции, опирающейся на влиятельную идеологию. Широко распространившаяся идея социализма и государственного вмешательства в экономику разрушили плотину, воздвигавшуюся двадцатью поколениями англосаксов для защиты от половодья административного произвола. [В демографической статистике принято считать, что на столетие приходится три поколения. Со времени подписания королем Иоаном Безземельным Великой хартии вольностей (1215 г.) до выхода книги Л. Мизеса сменилось примерно двадцать поколений.] Многие интеллектуалы и большое число избирателей, объединенных в "группы давления" в интересах фермеров и рабочих, с пренебрежением называют американскую систему правления "плутократической" и жаждут введения "русских" методов правления, не предоставляющих индивиду вообще никакой защиты от произвола властей. Тоталитаризм -- это гораздо больше, чем просто бюрократия. Это подчинение всех сторон жизни, труда и досуга каждого индивида приказаниям тех, кто находится у власти. Это превращение человека в "винтик" всеобъемлющего механизма принуждения и насилия. Тоталитаризм заставляет индивида отказываться от любой деятельности, которую не одобряет государство. Он не терпит никаких проявлений несогласия, он превращает общество в подчиняющуюся строгой дисциплине трудовую армию, -- как говорят сторонники социализма, -- или в каторжную тюрьму, -- как говорят его противники. Как бы то ни было, это полный разрыв с тем образом жизни, которому цивилизованные страны были привержены в прошлом. Это не просто возврат человечества к восточному деспотизму, при котором, как заметил Гегель, только один человек свободен, а все остальные -- рабы. Ведь азиатские деспоты не вмешивались в каждодневную жизнь своих подданных. Земледельцам, скотоводам и ремесленникам предоставлялось определенное поле деятельности, в осуществление которой не вмешивался монарх и его приближенные. В своем собственном хозяйстве и в семейной жизни простые люди обладали известной автономией. В современном социализме дела обстоят иначе. Он тоталитарен в полном смысле этого слова. Он держит индивида под жестким контролем от рождения и до самой смерти. На протяжении всей своей жизни "товарищ" обязан беспрекословно подчиняться приказам верховной власти. Государство одновременно его опекун и работодатель. Государство решает, чем ему заниматься, как питаться и развлекаться. Государство указывает, как ему следует думать и во что верить. Бюрократия является инструментом осуществления всех этих планов. Но люди несправедливы, когда обвиняют отдельного бюрократа в пороках системы. Виноваты не мужчины и женщины, заполняющие различные конторы и учреждения. Они такие же жертвы нового образа жизни, как и все остальные. Порочна система, а не ее подручные. Правительство не может обойтись без бюрократических учреждений и методов. И поскольку взаимодействие в обществе невозможно без государственного управления, в каких-то пределах бюрократия всегда необходима. Люди возмущаются не самим бюрократизмом, а вторжением бюрократии во все сферы жизни и деятельности человека. Борьба против посягательств бюрократии -- это, в сущности, восстание против тоталитарной диктатуры. Было бы неверно называть борьбу за свободу и демократию борьбой против бюрократии. Тем не менее, общая критика бюрократических методов и процедур в известном смысле оправданна. Ибо их недостатки свидетельствуют о глубинных изъянах любой социалистической или тоталитарной системы. Тщательно исследовав проблему бюрократии, мы должны, в конце концов, понять, почему

социалистические утопии совершенно нежизнеспособны и, в случае их практического воплощения, должны привести не только ко всеобщему обнищанию, но и к распаду общественных связей, к хаосу. Таким образом, изучение бюрократии -- это удачный способ изучения обеих систем социальной организации: капитализма и социализма. Альтернатива: управление во имя прибыли или бюрократическое управление ЕСЛИ мы хотим понять, что же в действительности представляет собой бюрократия, мы должны начать с анализа действия мотива прибыли в рамках капиталистического общества. Об основных чертах капитализма мы знаем так же мало, как о ключевых характеристиках бюрократии. Ложные мифы, популяризованные демагогической пропагандой, создали совершенно неверное представление о капиталистической системе. Капитализму удалось поднять материальное благосостояние масс на небывалый уровень. Численность населения в капиталистических странах сейчас в несколько раз больше, чем накануне "промышленной революции" [промышленной революцией принято именовать переход от мануфактуры, основанной на ручном труде, к машинному производству; в Великобритании промышленная революция свершилась в период с 60-х годов XVIII века до 20-х годов XIX столетия, в других европейских странах она приходится на более позднее время, вплоть до 70--80-х годов XIX века], а уровень жизни у любого из жителей этих стран значительно выше, чем у состоятельных людей прежних времен. Тем не менее, общественное мнение в значительной своей части с пренебрежением отзывается о свободном предпринимательстве и частной собственности на средства производства, как об институтах угнетения, которые наносят вред подавляющему большинству населения и обслуживают исключительно эгоистические классовые интересы маленькой группки эксплуататоров. Политические деятели, чьи основные достижения заключались в сокращении сельскохозяйственного производства и попытках затормозить технический прогресс в промышленности, поносят капитализм, называя его "экономикой нужды", и рассказывают об изобилии, которое принесет с собой социализм. Руководители профсоюзов, члены которых имеют собственные автомобили, восторженно расхваливают условия жизни босого и оборванного русского пролетариата и воспевают свободу, которой пользуются рабочие в России, где профсоюзное движение было подавлено, а забастовки являются уголовным преступлением. Нет необходимости углубляться в подробное изучение этих мифов. Мы не ставим себе целью ни восхвалять, ни осуждать. Мы хотим знать, что из себя представляют две рассматриваемые нами системы, как они работают и как служат интересам людей. Несмотря на всю неопределенность в использовании термина "бюрократия", все, похоже, согласны с тем, что существует два противоположных метода ведения дел: способ, применяемый частными гражданами, и способ, которым управляются правительственные и муниципальные учреждения. Никто не отрицает того, что принципы управления департаментом полиции существенным и коренным образом отличаются от принципов, применяемых при ведении дел на предприятии, стремящемся к получению прибыли. Уместно поэтому начать с исследования методов управления, которые используются в заведениях этих двух видов, и затем сравнить их друг с другом. Бюрократию, ее достоинства и недостатки, ее деятельность и принципы функционирования можно понять, лишь сопоставив их с функционированием управления на основе мотива прибыли в капиталистическом обществе с рыночной экономикой. -----

Управление во имя прибыли Действие рыночного механизма КАПИТАЛИЗМ -- или рыночная экономика -- это такая система социального взаимодействия и разделения труда, которая основана на частной собственности на средства производства. Материальные факторы производства находятся в собственности отдельных граждан, капиталистов и землевладельцев. Производство на заводах и фермах организуют предприниматели и фермеры, то есть индивиды или ассоциации индивидов, которые либо

сами являются собственниками капитала и земли, либо взяли их займы или в аренду у собственников. Характерной чертой капитализма является свободное предпринимательство. Цель любого предпринимателя -- будь то коммерсант или фермер - состоит в получении прибыли. Капиталисты, предприниматели и фермеры играют важную роль в сфере экономики. Они стоят у штурвала и ведут корабль. Но они не вольны определять его курс. Они не командуют кораблем, они всего лишь рулевые, обязанные беспрекословно подчиняться приказам капитана. Капитаном является потребитель. Ни капиталисты, ни предприниматели, ни фермеры не определяют, что должно производиться, -- это делают потребители. Производители производят не для своего собственного потребления, а на рынок. Их основная цель -- продать свою продукцию. Если потребители не покупают предлагаемые им блага, бизнесмен не может окупить сделанные им затраты. Он теряет свои деньги. Если он не сможет приспособить свое производство к пожеланиям потребителей, ему очень скоро придется расстаться со своим привилегированным положением у штурвала. Его заменят другие люди, которым лучше удастся удовлетворять запросы потребителей. Действительными хозяевами в капиталистической системе рыночной экономики являются потребители. Покупая или воздерживаясь от покупок, они решают, кто должен владеть капиталом и управлять предприятиями. Они определяют, что следует производить, а также, сколько и какого качества. Их отношение выливается либо в прибыли, либо в убытки для предпринимателя. Они делают бедняков богатыми, а богачей бедными. С такими хозяевами нелегко поладить. У них полно капризов и причуд, они непостоянны и непредсказуемы. Они ни в грош не ставят прежние заслуги. Как только им предлагают что-либо, что им больше по вкусу или же дешевле, они бросают своих старых поставщиков. Главное для них - их собственное удовлетворение. Их не волнуют ни имущественные права капиталистов, ни судьбы рабочих, которые теряют работу, если в качестве потребителей перестают покупать то, что покупали прежде. Что значит высказывание, когда мы говорим, что производство определенного товара А не окупается? Это свидетельствует о том, что потребители не хотят платить производителям А столько, сколько им нужно для покрытия затрат на необходимые факторы производства, тогда как в то же самое время доходы других производителей оказываются выше их издержек производства. Запросы потребителей играют важную роль в распределении различных факторов производства между различными отраслями производства потребительских товаров. Потребители, таким образом, решают, сколько сырья и труда должно идти на изготовление А и сколько -- на какой-то другой товар. Бессмысленно поэтому противопоставлять производство ради прибыли и производство ради потребления. Стремление к прибыли заставляет предпринимателя поставлять потребителям те блага, на которые они предъявляют спрос в первую очередь. Если бы предприниматель не должен был руководствоваться мотивом прибыли, он мог бы производить больше А, несмотря на то, что потребители предпочитают иметь что-то другое. Мотив прибыли -- это как раз тот фактор, который заставляет бизнесмена наиболее эффективным образом обеспечивать производство тех товаров, которые хотят использовать потребители. Таким образом, капиталистическая система производства -- это экономическая демократия, где каждый цент дает право голоса. Суверенным народом являются потребители. Капиталисты, предприниматели и фермеры -- это лица, получившие мандат народа. Если они не выполняют данные им поручения, если они не в состоянии производить с минимально возможными издержками то, чего требуют потребители, они теряют свои должности. Их обязанность заключается в обслуживании потребителей. Прибыли и убытки -- это те инструменты, посредством которых потребители держат весь бизнес под жестким контролем. Экономический расчет ПРЕВОСХОДСТВО капиталистической системы в том, что это единственная система социального взаимодействия и разделения труда, позволяющая рассчитывать оценки плановых проектов и уже работающих заводов, ферм и мастерских. Нежизнеспособность всех схем социализма и центрального планирования предопределена невозможностью

какого-либо экономического расчета в условиях, когда отсутствует частная собственность на средства производства и, как следствие, не существует рыночных цен на эти факторы. При руководстве экономической деятельностью необходимо решать следующую задачу. Существует бессчетное количество разновидностей материальных факторов производства, и внутри каждой из них факторы отличаются один от другого как по своим физическим свойствам, так и по тому месту, где они имеются в наличии. Существуют миллионы и миллионы рабочих, сильно отличающихся друг от друга по своим способностям к труду. Технические дисциплины предоставляют нам информацию о бесчисленном количестве вариантов производства потребительских благ при использовании имеющихся в наличии природных ресурсов, капитальных благ и рабочей силы. Какие из этих технологий и планов обладают наибольшими преимуществами? Какие из них следует претворить в жизнь, поскольку они смогут в наибольшей степени способствовать удовлетворению самых насущных нужд? Какие следует отложить или отвергнуть, поскольку их осуществление отвлечет факторы производства от других проектов, осуществление которых будет в наибольшей степени способствовать удовлетворению насущных нужд? Очевидно, что на эти вопросы нельзя ответить при помощи вычислений в натуральном выражении. В расчетах невозможно объединить множество различных вещей, если для них не существует общепринятого измерителя. В капиталистической системе все проектирование и планирование основывается на рыночных ценах. Без них все проекты и схемы, разрабатываемые инженерами, были бы просто академическими упражнениями. Они показывали бы, что и как можно сделать. Но с их помощью нельзя было бы определить, действительно ли реализация определенного проекта повысит материальное благосостояние или же, забирая дефицитные факторы производства из других отраслей, она поставит под угрозу удовлетворение более насущных нужд, то есть нужд, которые потребители считают более насущными. Основным фактором в процессе экономического планирования служит рыночная цена. Только рыночные цены позволяют ответить на вопрос, будет ли выручка от осуществления проекта N больше, чем затраты на него, то есть принесет ли оно больше пользы, чем осуществление других возможных планов, которые не могут быть реализованы из-за того, что необходимые факторы производства используются для проекта N . Часто возражают, что такая ориентация экономической деятельности в соответствии с мотивом получения прибыли, то есть в соответствии с критерием избытка выручки над затратами, не принимает во внимание интересы нации в целом и учитывает только эгоистические интересы индивидов, не совпадающие с национальными интересами, а часто даже противоположные им. Эта идея лежит в основе всего тоталитарного планирования. Государственный контроль над бизнесом, утверждают сторонники авторитарного управления, обеспечивает благосостояние нации, в то время как свободное предпринимательство, движимое только стимулом получения прибыли, угрожает интересам нации. В наши дни для иллюстрации этого положения ссылаются на проблему синтетического каучука. Германия при нацистском социализме наладила производство синтетического каучука, в то время как Великобритания и Соединенные Штаты, где господствовало свободное предпринимательство, ориентированное на получение прибыли, не позаботились о нерентабельном изготовлении такого дорогого Ersatz (заменителя). Таким образом, они пренебрегли важным элементом военной готовности и подвергли серьезной опасности свою независимость. Вряд ли можно привести более ошибочные доводы. Никто никогда не утверждал, что ведение войны или подготовка вооруженных сил страны к возможной войне могут или должны быть оставлены на попечение частных граждан. Защита национальной безопасности и достижений цивилизации от агрессии как со стороны внешних врагов, так и преступников внутри страны является первоочередным долгом любого правительства. Если бы все люди были славными и добродетельными, если бы никто не посягал на чужое, не было бы необходимости в правительстве, вооруженных силах, полиции, судах и тюрьмах.

Обеспечение готовности к войне есть обязанность правительства. Никакие частные граждане и никакие группы или классы граждан не могут нести ответственность за то, что правительство не справляется с этой задачей. Вина всегда остается за правительством, в демократической стране -- за большинством избирателей. Германия готовилась к войне и вооружалась. Поскольку в немецком генеральном штабе знали, что в случае войны Германия не сможет импортировать натуральный каучук, было решено наладить отечественное производство синтетического каучука. Нет необходимости выяснять, было ли британское и американское военное командование уверено в том, что их страны даже в случае новой мировой войны могут рассчитывать на каучуковые плантации Малайи и Нидерландской Индии. Как бы то ни было, они не сочли необходимым делать запасы натурального каучука или приступить к производству синтетического каучука. Некоторые британские и американские бизнесмены изучали достижения в производстве синтетического каучука в Германии. Но поскольку стоимость синтетического продукта была значительно выше стоимости натурального, они не могли последовать примеру немцев. Ни один предприниматель не может вложить деньги в дело, которое не сулит стать прибыльным. Именно это обеспечивает суверенитет потребителей и заставляет предпринимателя производить то, что, прежде всего, нужно потребителям. Потребители, то есть жители Америки и Великобритании, не были готовы принять такие цены на синтетический каучук, которые сделали бы его производство прибыльным. Самым дешевым способом получения каучука для англо-саксонских стран было производить другие товары, например, автомобили и различные станки, продавать их за границу и импортировать натуральный каучук из-за рубежа. Если бы правительства в Лондоне и Вашингтоне имели возможность предвидеть события декабря 1941 и января--февраля 1942 года [7 декабря 1941 г. Япония развязала войну против США и Великобритании; с этого момента до конца февраля 1942 г. японцы оккупировали Индонезию, Малайю, Таиланд -- главных поставщиков натурального каучука в мире], они предприняли бы в свое время меры для обеспечения внутреннего производства синтетического каучука. По отношению к нашей проблеме не имеет значения, какой метод финансирования этой части расходов на оборону они бы тогда выбрали. Они могли бы субсидировать соответствующие заводы или могли бы поднять, посредством тарифов, внутренние цены на каучук до такого уровня, чтобы производство синтетического каучука в их странах стало прибыльным. Как бы то ни было, людей заставили бы платить за все необходимое. Если государство не позаботится о мероприятиях в области обороны, никакой капиталист или предприниматель не сможет сделать это за него. Упрекать какие-либо химические корпорации за то, что они не занялись производством синтетического каучука, столь же бессмысленно, сколь обвинять автомобильную промышленность за то, что она сразу же после прихода Гитлера к власти не перешла на производство самолетов. С таким же успехом можно было бы обвинять ученого в том, что он потратил время на написание книги по американской истории или философии вместо того, чтобы направить все усилия на подготовку к выполнению своих будущих обязанностей в экспедиционных войсках. Когда правительство не справляется со своей задачей обеспечить страну всем необходимым для отражения агрессии, ни у одного частного гражданина не остается иных возможностей исправить это зло, кроме как критиковать власти, обращаясь к верховной инстанции -- избирателям -- в речах, статьях и книгах. <Эти замечания не означают какой-либо критики предвоенной политики правительства Великобритании и США. Только человек, который знал бы о военных событиях 1941--1943 гг. за много лет до того, как они произошли, имел бы право обвинять других людей в неспособности их предвидеть. Правительства отнюдь не всезнающи, в чем хотят убедить нас сторонники планирования.> Многие врачи утверждают, что их сограждане тратят деньги глупейшим и вредным для их здоровья образом. Люди, говорят они, должны изменить рацион своего питания, ограничить употребление алкогольных напитков и табака и использовать свое свободное время более разумным образом. Эти врачи, возможно, правы. Но улучшение

поведения "подданных" не входит в обязанности государства. Это не входит и в обязанности бизнесменов. Они не являются опекунами своих покупателей. Если потребители предпочитают крепкие напитки безалкогольным, предприниматели должны приравниваться к их пожеланиям. Тот, кто хочет изменить своих соотечественников, должен прибегнуть к убеждению. Это единственный демократический способ добиться изменений. Если человек терпит неудачу, пытаясь склонить людей на свою сторону, он должен обвинять в этом только самого себя. Он не должен требовать помощи закона, то есть насильственных и принудительных полицейских мер. Основой экономических расчетов является оценка всех потребительских благ всеми людьми. Верно, что потребители подвержены заблуждениям и могут ошибаться в своих суждениях. Мы можем допустить, что они по-другому оценили бы различные товары, если бы были лучше информированы. Но такова человеческая натура, и у нас нет возможности заменить поверхностные суждения людей мудростью непогрешимых властей. Рыночные цены не следует считать выражением вечной и абсолютной ценности. Нет абсолютных ценностей, не зависящих от субъективных предпочтений людей, которые могут ошибаться. Суждения о ценности выносятся людьми совершенно произвольно. Они отражают все слабости и недостатки их авторов. Однако единственной альтернативой определению цен на основе предпочтений всех потребителей является их определение на основе суждений каких-то небольших групп людей, в меньшей степени, чем большинство потребителей, подверженных ошибкам и промахам, несмотря на то, что они называются "властью". Как бы ни определялись цены потребительских товаров, устанавливаются ли они решением диктатора или предпочтениями всех потребителей -- всего народа, ценности всегда носят относительный, субъективный и земной характер, они никогда не бывают абсолютными, объективными и божественными. Необходимо ясно понимать, что в рыночном обществе, организованном на основе свободного предпринимательства и частной собственности на средства производства, цены потребительских благ находят верное и достаточно точное отражение в ценах различных факторов, требующихся для их производства. Таким образом, появляется возможность путем точного расчета обнаружить, какие из безграничного множества мыслимых процессов производства являются более, а какие -- менее выгодными. "Более выгодные" означает в этой связи использование этих факторов производства таким образом, что производство потребительских благ, более настоятельно требуемых потребителями, получает преимущество по сравнению с производством товаров, менее настоятельно требуемых потребителями. Экономический расчет дает бизнесу возможность приспособлять производство к запросам потребителей. Напротив, при любой из разновидностей социализма центральные органы управления окажутся не в состоянии производить экономические расчеты. Там, где нет рынка и, следовательно, нет рыночных цен, они не могут стать основой для расчетов. Чтобы полностью разобраться в затрагиваемых проблемах, мы должны попытаться понять природу и источник прибыли. В гипотетической системе, где все неизменно, вообще не было бы никаких прибылей и убытков. В таком статичном мире, где не происходит ничего нового и все экономические условия постоянно остаются одними и теми же, общая сумма издержек изготовителя на приобретение необходимых ему факторов производства была бы равна цене, которую он получает за свой продукт. Цены, которые нужно заплатить за материальные факторы производства, заработная плата и проценты на взятый в займы капитал поглощали бы всю цену продукта. На долю прибыли ничего не оставалось бы. Очевидно, что в такой системе не было бы нужды в предпринимателях и не существовало бы экономических функций для прибыли. Если сегодня производится то же, что и вчера, и десять лет назад, и если все то же самое будет продолжаться вечно, если ни в предложении, ни в спросе и на потребительские и на производственные блага, ни в технологических методах не происходит никаких изменений, если все цены стабильны -- для предпринимательской деятельности не остается места. Но реальный мир -- это мир постоянных изменений. Численность населения, вкусы и потребности, предложение факторов производства и

технологические методы непрерывно модифицируются. В такой ситуации необходимо постоянно приспосабливать производство к изменяющимся условиям. Именно здесь в дело вступает предприниматель. Те, кто стремится получить прибыль, всегда ищут благоприятные возможности. Как только они обнаруживают, что отношение цен факторов производства к ожидаемым ценам на продукцию обещает представить такую возможность, они принимаются за дело. Если их оценка всех элементов предприятия была правильной, они получают прибыль. Но немедленно начинает действовать и тенденция к исчезновению таких прибылей. В результате внедрения новых проектов цены используемых факторов производства поднимаются, и одновременно цены на продукцию начинают падать. Прибыли извлекаются постоянно только потому, что всегда происходят изменения в рыночных условиях и методах производства. Тот, кто хочет получить прибыль, должен постоянно следить за появлением новых благоприятных возможностей. И, стремясь получить прибыль, он приспосабливает производство к запросам потребителей. Мы можем рассматривать весь рынок материальных факторов производства и труда как публичные торги. Их участниками являются предприниматели. Потолок предлагаемых ими цен ограничен готовностью потребителей заплатить за их продукцию. В таком же положении другие участники торгов, их конкуренты, которые должны предложить более выгодные условия, если не хотят уйти с пустыми руками. Все участники этих торгов действуют, так сказать, как доверенные лица потребителей. Но каждый из них представляет отличный от других аспект потребительских запросов или другой товар, или другой способ производства того же самого товара. Конкуренция между различными предпринимателями -- это, по существу, конкуренция между различными возможностями, имеющимися у индивидов для того, чтобы избавиться, насколько это осуществимо, от присущего им состояния беспокойства путем приобретения потребительских товаров. [Пытаясь философски обосновать экономические закономерности, Л. Мизес в ряде своих работ обращается к анализу человеческой деятельности. Побудительным ее мотивом Мизес считает стремление человека избавиться от возникающего у него ощущения беспокойства. Наиболее детально и последовательно эти идеи изложены в вышедшей в 1949 г. книге Мизеса "Human Action" ("Человеческая деятельность").] Каждое отдельное решение купить холодильник и отложить покупку нового автомобиля является определяющим фактором формирования цен автомобилей и холодильников. Благодаря конкуренции между предпринимателями цены этих потребительских товаров отражаются в формировании цен факторов производства. Тот факт, что различные потребности индивида, вступающие в конфликт друг с другом вследствие жесткой дефицитности факторов производства, представлены на рынке различными конкурирующими друг с другом предпринимателями, приводит к установлению таких цен на эти факторы, которые делают экономический расчет не только возможным, но и обязательным. Предприниматель, не производящий экономических расчетов или игнорирующий их результаты, очень скоро обанкротится и лишится своей управленческой функции. Но в социалистическом обществе, где существует только один управляющий, нет ни цен факторов производства, ни экономического расчета. Предпринимателю в капиталистическом обществе фактор производства через свою цену посылает предупреждение: "Не трогай меня, я предназначен для удовлетворения другой, более насущной потребности". При социализме эти факторы производства немы. Они не могут дать никаких советов планисту. Технические знания предлагают ему огромное разнообразие возможных решений одной и той же задачи. Каждое из них требует затрат различных факторов производства и в различных количествах. Но поскольку социалистический управляющий не может привести их к общему знаменателю, он не в состоянии определить, какие из них приносят наибольшую выгоду. Это верно, что при социализме не будет ни очевидных прибылей, ни очевидных убытков. Где не ведутся расчеты, там невозможно ответить на вопрос: были ли задуманные или осуществленные проекты как раз теми, которые лучше других могли бы удовлетворить наиболее насущные

потребности, -- успехи и неудачи окутаны тьмой и никому не видны. Сторонники социализма глубоко заблуждаются, считая отсутствие очевидных прибылей и убытков положительным моментом. Это, напротив, главный порок любого социалистического управления. Это вовсе не преимущество -- не знать, использует ли человек подходящие средства для достижения искомых целей. Социалистический управляющий скорее похож на человека, который вынужден прожить всю жизнь с завязанными глазами. Приводилось возражение, что рыночная система совершенно непригодна в условиях крупномасштабной войны. Если бы рыночный механизм был предоставлен самому себе, правительство не смогло бы получить всю необходимую боевую технику. Дефицитные факторы производства, необходимые для производства вооружений, были бы растрчены на гражданские цели, которые во время войны следует рассматривать как менее важные, или даже как роскошь и расточительство. Необходимо было поэтому перейти к системе приоритетов, устанавливаемых правительством, и создать соответствующий бюрократический аппарат. Это рассуждение ошибочно, поскольку в нем не осознается, что необходимость передачи правительству всей полноты власти для определения того, какое сырье должно использоваться в различных отраслях производства, обусловлена не войной, а методами, применяемыми при финансировании военных расходов. Если бы все деньги, нужные для ведения войны, были собраны посредством налогов и займов у населения, каждый был бы вынужден резко ограничить свое потребление. Получая гораздо более низкие денежные доходы (после удержания налогов), потребители перестали бы покупать многие блага, которые они привыкли покупать до войны. Промышленники, как раз потому, что ими движет мотив получения прибыли, прекратили бы производство этих гражданских благ и переключились бы на производство тех благ, которые у них было бы готово покупать правительство, ставшее теперь за счет притока налогов самым крупным покупателем на рынке. Однако значительная часть военных расходов финансируется путем увеличения количества наличных денег в обращении и посредством займов в коммерческих банках. В то же время при ценовом контроле законодательно запрещено повышать цены товаров. При более высоких денежных доходах и при неизменных ценах на товары люди склонны не ограничивать, но увеличивать покупки благ для своего собственного потребления. Чтобы избежать этого, пришлось прибегнуть к нормированному распределению в системе вводимых правительством приоритетов. Эти меры потребовались потому, что предшествующее государственное вмешательство, которое парализовало действие рыночного механизма, привело к парадоксальным и в высшей степени неудовлетворительным результатам. Не ущербность рыночного механизма, а неадекватность предшествовавшего государственного вмешательства в рыночные явления сделала неизбежной систему приоритетов. В этом, как и во многих других случаях, в провале своих предыдущих мер бюрократы видят доказательство необходимости дальнейших посягательств на рыночную систему. Управление в системе, ориентированной на получение прибыли ВСЕ деловые операции внимательно изучаются путем искусного подсчета прибылей и убытков. Новые проекты подлежат тщательному исследованию с точки зрения предлагаемых ими возможностей. Каждый шаг к их реализации отражается записями в бухгалтерских книгах и на счетах. Счет прибылей и убытков показывает, было или не было прибыльным все дело или любая из его частей. Цифры бухгалтерской книги служат ориентирами для ведения как всего бизнеса, так и каждого из его подразделений. Некупающиеся подразделения закрывают, те, что приносят прибыль, -- расширяют. Не может быть никакой речи о том, чтобы сохранять убыточные производства, если отсутствуют перспективы в не слишком отдаленном будущем сделать их прибыльными. Детально разработанные методы современного бухгалтерского учета, отчетности и коммерческой статистики дают предпринимателю достоверную картину всех его дел. Он имеет возможность знать, насколько удачной или неудачной была каждая из его операций. С помощью этих подсчетов он может проверить деятельность всех интересующих его

структурных подразделений, какими бы крупными они ни были. Существует, конечно, некоторая свобода в принятии решений о распределении накладных расходов. Но в остальном цифры дают достоверное отражение всего, что происходит в каждом филиале и каждом структурном подразделении. Бухгалтерские книги и балансовые счета -- это совесть бизнеса. Это также и компас бизнесмена. Приемы бухгалтерского учета и отчетности настолько привычны для бизнесмена, что он и не замечает, какие же это изумительные инструменты. Нужен был гений великого поэта и прозаика для того, чтобы оценить их по достоинству. Гете назвал двойную бухгалтерию "одним из самых блестящих изобретений человеческого ума". С ее помощью, заметил он, бизнесмен может в любое время в общих чертах обозреть целое и не должен при этом ломать голову над деталями <см. "Годы учения Вильгельма Мейстера", книга 1, глава X>. Характеристика, данная Гете, отразила самое главное. Преимущество коммерческого управления заключается именно в том, что оно дает в распоряжение управляющего метод наблюдения за целым и всеми его частями, не заставляющий его погружаться в мелочи и детали. Предприниматель имеет возможность выделить расчеты, относящиеся к каждой составной части своего дела таким образом, что это позволит ему определить роль, которую она играет во всем предприятии. Для широкой публики каждая фирма или корпорация представляется неделимым целым. Но с точки зрения ее управляющего она состоит из нескольких подразделений, каждое из которых рассматривается как отдельная единица и оценивается по доле ее вклада в успех всего предприятия. В рамках системы коммерческих расчетов каждое подразделение представляет собой некий цельный организм, так сказать, гипотетически независимое дело. Предполагается, что это подразделение является "собственником" определенной части всего капитала, используемого предприятием, что оно покупает у других подразделений и продает им, что у него имеются свои собственные расходы и доходы, что его операции приносят прибыли или убытки, которые определяются ведением его собственных дел, рассматриваемых отдельно от результатов, достигнутых другими подразделениями. Таким образом, главный управляющий может предоставить управленческому аппарату каждого из подразделений значительную долю независимости. Главному управляющему не нужно беспокоиться о второстепенных деталях управления каждым из подразделений. Управляющие различных подразделений могут иметь полную свободу в ведении "внутренних" дел своего подразделения. Людям, которым доверяется управление различными подразделениями и филиалами, главный управляющий дает одно единственное указание: "Получайте как можно больше прибыли". А изучение отчетности показывает ему, насколько успешно они действовали, выполняя это указание. На крупном предприятии многие подразделения производят лишь детали или полуфабрикаты, которые не продаются непосредственно, а используются другими подразделениями при изготовлении конечной продукции. Этот факт не изменяет описанных выше условий. Главный управляющий сравнивает издержки на производство таких деталей и полуфабрикатов, с ценами, которые он должен был бы заплатить, если бы покупал их на других заводах. Он всегда сталкивается с вопросом: "Окупится ли производство этих вещей в наших собственных цехах? Не выгоднее ли было бы покупать их на других заводах, специализирующихся на их производстве?" Таким образом, в рамках ориентированного на прибыль предприятия ответственность может быть разделена. Каждый управляющий отвечает за работу своего подразделения. Это его заслуга, если отчеты свидетельствуют о получении прибыли, и его вина, если они свидетельствуют об убытках. Собственные эгоистические интересы понуждают его вести дела своего подразделения с предельным вниманием и усердием. В случае убытков, он окажется их жертвой. Его заменят другим человеком, от которого главный управляющий ждет больших успехов, или закроют все подразделение. Как бы то ни было, от его услуг откажутся, и он потеряет свою работу. Если же он добьется получения прибыли, его доход будет увеличен или, по крайней мере, ему не будет угрожать его потеря. Имеет или не

имеет управляющий права на часть прибыли своего подразделения, не так важно для его личной заинтересованности в результатах деятельности подразделения. Его судьба в любом случае тесно связана с судьбой его подразделения. Работая на него, он работает не только на своего хозяина, но и на самого себя. Было бы неразумно ограничивать свободу действий такого отвечающего за свои поступки управляющего слишком большим вмешательством в частности. Если он способный руководитель, такое вмешательство, в лучшем случае, излишне, а скорее всего, вредно, поскольку ограничивает его инициативу. Если он неспособный руководитель, оно не сделает его деятельность более успешной. Оно только предоставит в его распоряжение слабую отговорку, что причиной неудачи были неправильные указания сверху. Единственно необходимое указание самоочевидно и не нуждается в том, чтобы его специально отдавали: стремись к прибыли. Более того, большинство частных может и должно быть оставлено на попечение главы каждого из подразделений. Такая система сыграла важную роль в развитии современного бизнеса. Крупномасштабное производство в мощных производственных комплексах и создание филиалов в отдаленных частях страны и за рубежом, универмаги и сети небольших розничных магазинов -- все это построено на принципе ответственности управляющих подразделениями. Это никоим образом не ограничивает ответственности главного управляющего. Подчиненные ему управляющие отвечают только перед ним. Они не освобождают его от обязанности найти нужного человека на каждую должность. Если нью-йоркская фирма создает дочерние предприятия (магазины или заводы) в Лос-Анджелесе, Буэнос-Айресе, Будапеште и Калькутте, ее руководитель определяет отношения филиала с главной конторой фирмы или материнской компанией только в самых общих чертах. Решение всех второстепенных вопросов должно входить в обязанности местного управляющего. Ревизионно-контрольный отдел штаб-квартиры тщательно проверяет финансовые операции филиала и сообщает главному управляющему о каких-либо отклонениях от нормы тотчас, как они появляются. Меры предосторожности принимаются, чтобы предотвратить невосполнимый ущерб вложенному в филиал капиталу, чтобы не утратить доброжелательное отношение клиентуры и репутацию концерна в целом, чтобы избежать столкновения между политикой филиала и политикой штаб-квартиры. Но во всех остальных отношениях местному управленческому аппарату предоставляется полная свобода действий. Главе дочернего предприятия, отдела или более мелкого подразделения вполне можно доверять, потому что его интересы совпадают с интересами всего концерна. Если бы он потратил слишком много денег на текущие операции или упустил благоприятную возможность заключить выгодную сделку, он бы подверг опасности не только прибыли концерна, но и свое собственное положение. Он не просто наемный клерк, единственная обязанность которого состоит в добросовестном исполнении порученного ему определенного задания. Он сам является бизнесменом, так сказать, младшим партнером предпринимателя, какими бы ни были договорные и финансовые условия его найма. Он должен делать максимум того, на что способен, для успеха фирмы, с которой связан. Поскольку это так, можно без опасений оставлять важные решения на его усмотрение. Он не будет транжирить деньги, покупая товары и услуги, не будет нанимать некомпетентных помощников и работников, не будет увольнять способных сотрудников, чтобы заменить их некомпетентными друзьями или родственниками. Его поступки судит хладнокровный неподкупный трибунал -- счета прибылей и убытков. В бизнесе только одно имеет значение -- успех. Неудачливый управляющий подразделением обречен, независимо от того, был ли он сам виноват в своем провале или нет и независимо от того, мог ли он достичь лучшего результата. Не приносящий прибыли филиал рано или поздно должен быть закрыт, и его управляющий потеряет место. Суверенитет потребностей и демократизм рыночного механизма не кончаются у дверей крупной коммерческой фирмы. Они пронизывают все ее подразделения и филиалы. Ответственность перед потребителем -- это источник жизненной силы бизнеса и предпринимательства в свободном рыночном обществе. Мотив

получения прибыли, который побуждает предпринимателей как можно лучше обслуживать потребителей, является в то же время первым принципом внутренней организации любого торгового или промышленного предприятия. Он соединяет предельную централизацию фирмы в целом с почти что полной автономией ее частей, согласует безусловную ответственность центрального управленческого аппарата с высокой степенью заинтересованности и инициативности нижестоящих управляющих филиалами, отделами и другими подразделениями. Это делает систему свободного предпринимательства подвижной и легко приспособляемой, что обуславливает неуклонную тенденцию к ее совершенствованию. Управление кадрами при свободном рынке труда ШТАТ современного крупного предприятия нередко включает сотни тысяч рабочих и служащих. Они образуют в высшей степени дифференцированную группу людей -- от главного управляющего до уборщиц, курьеров и учеников. При управлении такой многочисленной группой возникает множество проблем. Они, однако, вполне разрешимы. Каким бы большим ни был концерн, центральный управленческий аппарат всегда имеет дело только с дочерними предприятиями, филиалами, отделами и другими подразделениями, чью роль можно точно оценить на основе данных, предоставляемых отчетами и статистикой. Конечно, отчеты не всегда показывают, что именно может быть не в порядке в каком-либо структурном подразделении. Они показывают только, что что-то не в порядке, что подразделение не окупает себя и должно быть либо преобразовано, либо закрыто. Приговоры, которые выносятся в отчетах, обжалованию не подлежат. Они выявляют денежную ценность каждого подразделения. А на рынке только денежная ценность имеет значение. Потребители безжалостны. Они никогда не покупают для того, чтобы принести выгоду менее умелому производителю и защитить его от последствий его неспособности лучше вести дела. Они хотят, чтобы их обслуживали как можно лучше. И действие капиталистической системы заставляет предпринимателя подчиняться приказу, отданному потребителями. Он не имеет возможности раздавать щедрые подарки за счет потребителей. Он растратил бы свой капитал, если бы должен был использовать деньги на эти цели. Он просто не может никому платить больше того, что в состоянии реализовать при продаже продукта. Те же самые отношения, которые существуют между главным управляющим и его непосредственными подчиненными, руководителями различных структурных подразделений, пронизывают и всю деловую иерархию. Руководитель каждого структурного подразделения оценивает своих непосредственных подчиненных по тем же принципам, по которым главный управляющий оценивает его самого, а бригадир применяет те же методы при оценке своих подчиненных. Разница лишь в том, что в более простых условиях низовых хозяйственных звеньев для определения денежной ценности каждого человека нет необходимости в детально разработанных системах учета. Не важно также, как выплачивается заработная плата -- сдельно или повременно. В конечном итоге, рабочий никогда не может получить больше, чем позволяет потребитель. Ни один человек не безупречен. Часто случается так, что начальник ошибается в оценке подчиненного. Одно из качеств, необходимых руководящей должности, -это способность правильно оценивать людей. Кто этого не умеет, у того сокращаются шансы на успех. Своим собственным интересам он наносит не меньший ущерб, чем интересам людей, чьи способности он недооценил. При таком положении дел нет необходимости как-нибудь специально защищать наемных работников от произвола нанимателей или их доверенных лиц. В неискаженной рыночной системе произвол в обращении с кадрами является проступком, который бьет по тому, кто его совершает. В неискаженной рыночной экономике оценка усилий каждого индивида отделена от каких-либо соображений личного характера и может быть поэтому свободной как от пристрастия, так и от неприязни. Рынок выносит приговор товарам, а не людям. Оценка производителя автоматически вытекает из оценки его продукции. Каждый сотрудник оценивается в соответствии с ценностью его вклада в процесс производства благ и услуг. Жалование и заработная плата не зависят от произвольных решений. На рынке труда работа

определенного количества и качества вознаграждается в соответствии с тем, сколько потребители готовы заплатить за произведенную продукцию. Выплата жалования и заработной платы - это не милость со стороны нанимателя, а деловая операция, покупка фактора производства. Цена труда -- рыночное явление, зависящее от спроса потребителей на блага и услуги. Практически каждый наниматель постоянно занят поисками более дешевого труда, а каждый наемный работник -- поисками работы с более высоким вознаграждением. Тот факт, что труд при капитализме является товаром и продается и покупается как товар, освобождает рабочего, получающего заработную плату, от какой-либо личной зависимости. Так же, как владельцы капитала, предприниматели и фермеры, получатель заработной платы зависит от капризов потребителей. Но выбор потребителей направлен на вещи, а не на людей. Наниматель не может позволить себе пристрастий и предубеждений по отношению к своим работникам. Если же он это себе позволяет, то сам поступок влечет за собой наказание. Именно это, а не только конституции и билли о правах, в неискаженной капиталистической системе делает получателей жалования и заработной платы свободными людьми. Они суверенны в своем качестве потребителей, а как производители они, как и все другие граждане, безоговорочно подчиняются закону рынка. Продавая фактор производства, а именно свой труд и усилия, на рынке по рыночной цене всякому, кто готов его купить, они не ставят под угрозу свое собственное положение. Они не обязаны рассыпаться в благодарностях и раболепствовать перед своим нанимателем, они обязаны предоставлять ему труд определенного качества и в определенном количестве. Наниматель, в свою очередь, ищет не симпатичных ему людей, а умелых работников, которые стоят тех денег, что он им платит. Эта холодная рациональность и объективность капиталистических отношений, конечно, не проявляется в равной степени во всех областях бизнеса. Чем ближе к потребителю, тем большее влияние оказывают факторы личного характера. В отраслях услуг важны симпатии и антипатии; здесь отношения более "субъективны". Упрямые доктринеры и непреклонные критики капитализма готовы назвать это преимуществом. На самом деле это ограничивает личную свободу бизнесменов и наемных работников. Мелкий лавочник, парикмахер, хозяин гостиницы и актер не так свободны в выражении своих политических или религиозных убеждений, как владелец хлопчатобумажной фабрики или рабочий сталелитейного завода. Но указанные моменты не лишают рыночную систему ее главных черт. Это система, автоматически оценивающая каждого человека по услугам, которые он оказывает суверенным потребителям, своим соотечественникам. -----

Бюрократическое управление Бюрократия при деспотическом правлении ВОЖДЬ маленького первобытного племени имеет, как правило, возможность сосредоточить в своих руках всю законодательную, исполнительную и судебную власть. Его воля является законом. Он и судья, он же исполнитель приговора. Но ситуация изменяется, когда деспоту удастся расширить сферу своего владычества. Поскольку он не вездесущ, ему приходится делегировать часть своих полномочий подчиненным. Во вверенных им областях они являются его представителями, действующими от его имени и под его покровительством. На деле, они становятся местными деспотами, лишь формально подвластными могущественному владыке, который их назначил. Они правят своими провинциями как пожелают; они становятся сатрапами. Верховный владыка может избавиться от них и назначить преемника. Но это не поможет делу. Вскоре новый правитель также становится почти независимым сатрапом. То, что некоторые критики - несправедливо -- утверждают по отношению к представительной демократии, а именно, что народ обладает верховной властью только в день выборов, в самом буквальном смысле верно по отношению к такой деспотической системе; монарх обладает верховной властью в провинциях только в тот день, когда он назначает нового правителя. Чем положение такого наместника провинции отличается от положения управляющего

филиалом деловой фирмы? Управляющий всей фирмой передает филиал в распоряжение вновь назначенному управляющему и сопровождает это одним единственным указанием: "Получай прибыль". Этому распоряжению, выполнение которого постоянно контролируется посредством отчетности, вполне достаточно для того, чтобы подчинить филиал интересам всей фирмы и придать действиям его управляющего то направление, которое считает необходимым центральный управляющий. Но если деспот, для которого единственным принципом правления является его собственное произвольное решение, назначает правителя и говорит ему: "Будь моим представителем в этой провинции", -- он делает его произвол высшим законом в этой провинции. Он отказывается, по крайней мере, временно, от своей собственной власти в пользу наместника. Чтобы избежать этого, монарх пытается ограничить полномочия наместника, отдавая различные директивы и указания. Кодексы, указы и акты говорят наместникам провинций и их подчиненным, что следует делать, если возникнет та или иная проблема. Их свобода принимать решения теперь ограничена; их первоочередный долг теперь состоит в том, чтобы соблюдать предписания. Верно, что их произвол, в той мере, в какой должны действовать предписания, теперь ограничен. Но в то же время изменяется и весь характер управления. Они больше не стараются, как можно тщательнее рассмотреть каждый случай; они больше не стремятся найти наиболее подходящее решение для каждой проблемы. Их главная забота -- соблюдать правила и предписания, независимо от того, разумны ли они или могут привести к результатам, противоположным тому, что было задумано. Главное достоинство должностного лица -- исполнять законы и указы. Он становится бюрократом. Бюрократия в демократической системе ТО же самое, в основном, справедливо и для демократического правления. Часто утверждают, что бюрократия несовместима с демократическим правлением и институтами. Это заблуждение. Демократия предполагает верховенство закона, в противном случае должностные лица были бы неограниченными и своевольными деспотами, а судьи -- непостоянными и капризными кади [духовное лицо в ряде стран, где мусульманство признано государственной религией, осуществляющее единоличное судопроизводство на основе шариата -- свода религиозно-этических и правовых предписаний ислама]. Двумя основными опорами демократического правления являются главенство закона и бюджет. <Это не определение демократического правления, а описание административных методов демократического правления. Определение демократического правления таково: это система правления, при которой управляемые имеют право регулировать прямо, через плебисцит, или косвенно, через выборы, осуществление законодательной и исполнительной власти и подбор высших должностных лиц.> Главенство закона означает, что ни судья, ни какое-либо должностное лицо не имеет права вмешиваться в дела и обстоятельства жизни частного гражданина, если только действующий закон не требует от них этого или не дает им на это полномочий. *Nulla poena sine lege* -- "никаких наказаний, кроме санкционированных законом". Именно неспособность нацистов понять важность этого фундаментального принципа делает их антидемократичными. В тоталитарной системе гитлеровской Германии судья должен выносить свои решения исходя из *das gesunde Volksempfinden*, то есть исходя из здравых представлений народа. Поскольку судье приходится решать, какие представления народа здравы, в суде он обладает такой же неограниченной властью, как вождь первобытного племени. Действительно опасно, если негодяй избегает наказания потому, что закон несовершенно. Но это меньшее зло по сравнению с судебным произволом. Если законодатели признают закон неполноценным, они могут заменить менее удачный закон на более удачный. Они являются доверенными лицами верховного правителя -- народа; в таком качестве они обладают верховной властью и ответственны перед избирателями. Если избиратели не одобряют методы, применяемые их представителями, они на следующих выборах выберут других людей, лучше знающих, как приспособить свои действия к воле большинства. Аналогичным образом обстоят дела и с исполнительной властью. Здесь также существует только одна альтернатива -- деспотическое правление

своевольных чиновников или правление народа, осуществляемое посредством соблюдения законов. Это эвфемизм -- называть правление, при котором высшие руководители вольны делать все, что они сами сочтут наиболее полезным для общества государством, благосостояния и противопоставлять его государству, в котором, исполнительная власть связана законом и граждане могут в суде защитить свои права от незаконных посягательств властей. Так называемое "государство благосостояния" в действительности является тиранией тех, кто находится у власти. (Следует, между прочим, отдавать себе отчет в том, что даже деспотичное государство не может обойтись без предписаний и бюрократических указаний, если оно не хочет выродиться в хаотический режим местных царьков и распасться на множество мелких деспотий.)

Целью конституционного государства также является общественное благосостояние. Характерная черта, отличающая его от деспотии, состоит в том, что не власти, а законно избранные народные представители должны решать, что более всего полезно для общества. Только эта система обеспечивает верховенство народа и гарантирует его право на свободное волеизъявление. При такой системе граждане обладают верховной властью не только в день выборов, но также и между выборами. Исполнительная власть в демократическом обществе ограничена не только законом, но и бюджетом

Демократический контроль -- это бюджетный контроль. Ключи от казначейства находятся в руках у народных представителей. Ни одного цента не должно быть истрачено без согласия парламента. Использовать государственные средства на цели, не санкционированные парламентом, запрещено законом. В условиях демократии бюрократическое управление означает управление в строгом соответствии с законом и бюджетом. В обязанности служащих администрации и судей не входит выяснение того, что следует делать для обеспечения общественного благосостояния и как должны расходоваться государственные средства. Это задача верховной власти, народа и его представителей. Суды, различные административные учреждения, армия и военно-морской флот выполняют то, что им предписывают закон и бюджет. Политику определяют не они, а те, кто обладает верховной властью. Большинство тиранов, деспотов и диктаторов искренне убеждены, что их правление выгодно народу, что их власть существует для народа. Нет необходимости заниматься изучением того, насколько хорошо обоснованы эти заявления господ Гитлера, Сталина и Франко. Тем не менее, их система -- это не правление народа, не правление, осуществляемое народом. Она не демократична, а авторитарна. Утверждение, что бюрократическое управление является обязательным инструментом демократического правления, парадоксально. Многие с ним не согласятся. Они привыкли считать демократическое правление наилучшей системой правления, а бюрократическое управление -- одним из самых больших зол на земле. Как же эти две вещи, одна -- хорошая, другая -- плохая, могут быть связаны друг с другом? Более того, Америка -- это старая демократия, и разговоры об опасностях бюрократии представляют собой новое явление для этой страны. Только в последние годы люди осознали угрозу, исходящую от бюрократии, и стали считать ее не инструментом демократического правления, а, напротив, злейшим врагом свободы и демократии. В ответ на эти возражения мы должны вновь повторить, что бюрократия сама по себе не является ни плохой, ни хорошей. Это метод управления, который может применяться в различных сферах человеческой деятельности. Существует область, а именно, аппарат государственного управления, где бюрократические методы являются необходимостью. То, в чем многие люди в наши дни видят зло, -- не бюрократия как таковая, а расширение сферы, в которой применяется бюрократическое управление. Такое расширение -- неизбежное следствие прогрессирующего ограничения свободы частного гражданина, тенденции к замене частной инициативы государственным контролем, характерной для современной экономической и социальной политики. Люди обличают бюрократию, но на самом деле они имеют в виду попытки превратить государство в социалистическое и тоталитарное. В Америке всегда существовала бюрократия. Управление таможенной и

дипломатической службой всегда осуществлялось в соответствии с бюрократическими принципами. Для нашего же времени характерно расширение государственного вмешательства в сферу бизнеса и во многие другие сферы деятельности граждан. А это приводит к замене управления, основанного на мотиве получения прибыли, бюрократическим управлением. Основные черты бюрократического управления

ЮРИСТЫ, философы и политики смотрят на верховенство закона иначе, чем это делается в настоящей книге. С их точки зрения, основная функция закона состоит в том, чтобы ставить предел праву властей и судов в нанесении ущерба частному гражданину и ограничении его свободы. Если власти наделяются правом заключать в тюрьму и даже убивать людей, необходимо ограничить и четко определить это право. В противном случае чиновник или судья превратились бы в не отвечающих за свои поступки деспотов. Закон определяет, при каких обстоятельствах судья имеет право и обязан вынести приговор, а полицейский -- применить оружие. Закон защищает людей от произвола должностных лиц. Угол зрения в этой книге несколько иной. Мы имеем здесь дело с бюрократией, как принципом административной техники и организации. Правила и предписания рассматриваются не просто как средства защиты людей и обеспечения гражданских прав и свобод, но как средства исполнения воли верховной власти. Необходимость ограничивать свободу действий подчиненных существует во всякой организации. Любая организация распалась бы в отсутствие таких ограничений. Наша задача состоит в том, чтобы выявить характерные черты бюрократического управления, отличающие его от коммерческого управления. Бюрократическое управление -- это управление, которое должно следовать детально разработанным правилам и предписаниям, установленным властью вышестоящего органа. Обязанность бюрократа -- выполнять то, что велят ему эти правила и предписания. Его свобода действовать в соответствии с собственными убеждениями ограничена. Коммерческим управлением движет мотив получения прибыли. Цель коммерческого предприятия -- добиться прибыли. Поскольку при помощи бухгалтерского учета успех или неудача в достижении этой цели могут быть установлены для любой из его частей, появляется возможность децентрализовать как управление, так и отчетность, не ставя под угрозу единство деловых операций и достижение их целей. Ответственность может быть разделена. Нет необходимости ограничивать свободу действий подчиненных какими-либо правилами и предписаниями кроме тех, которые лежат в основе всей деловой активности, а именно: все операции должны приносить прибыль. Цели государственного управления не могут быть выражены в денежных единицах и не поддаются проверке методами бухгалтерского учета. Возьмите такую общенациональную полицейскую систему как ФБР [Федеральное бюро расследований -- одно из ведомств Министерства юстиции США, основанное в 1908 году для расследования нарушений федеральных законов, в том числе преступлений, подлежащих наказанию по федеральным законам]. Нет критерия, чтобы определить, не были ли излишними затраты, сделанные каким-либо из его региональных или местных подразделений. Расходы полицейского участка не возмещаются в результате успешного управления его деятельностью и не изменяются в зависимости от достигнутых успехов. Если глава всего Бюро предоставил бы руководителям подчиненных ему подразделений полную свободу в отношении денежных расходов, результатом стало бы крупное увеличение затрат, поскольку каждый из них с энтузиазмом взялся бы улучшать работу своего подразделения. Глава Бюро был бы не в состоянии удержать расходы в рамках сумм, выделенных народными представителями, или вообще в каких-либо рамках. Вовсе не педантичность порождает административные предприятия, устанавливающие, сколько именно каждое местное государственное учреждение может истратить на уборку помещения, ремонт мебели, освещение и отопление. В рамках коммерческой фирмы такие вещи без колебаний можно оставить на усмотрение управляющего, отвечающего за местное отделение фирмы. Он не истратит больше, чем нужно, поскольку это, так сказать, его деньги; если он будет попусту тратить деньги фирмы, он поставит под угрозу прибыль

данного филиала и тем самым, косвенным образом, нанесет ущерб своим собственным интересам. Другое дело -- местный руководитель государственного учреждения. Расходуя больше денег, он может, зачастую очень часто, улучшить результаты своей деятельности. Быть экономным его можно заставить только строгими предписаниями. В сфере государственного управления не существует связи между доходами и расходами. Государственные службы только расходуют деньги; незначительный доход, извлекаемый из некоторых специальных источников (например, от продажи печатной продукции государственной типографии), носит более или менее второстепенный характер. Доход, извлекаемый в виде таможенных тарифов и налогов, не "производится" административным аппаратом. Его источником является закон, а не деятельность таможенников и сборщиков налогов. Нет никакой заслуги сборщика внутренних государственных доходов в том, что жители его округа богаче и платят более высокие налоги, чем жители другого округа. Время и усилия, нужные для сбора налогов, не зависят от объема облагаемого налогами дохода, с которым имеет дело государственная служба. В сфере государственного управления достижения нельзя выразить в рыночных ценах. Поэтому в управлении государственными учреждениями приходится использовать принципы, совершенно отличные от тех, которые применяются в системе, ориентированной на прибыль. Теперь мы можем дать определение бюрократического управления. Бюрократическое управление -- это метод, применяемый при ведении административных дел, результаты которых не имеют денежной ценности на рынке. Запомните: мы не говорим, что успешное управление государственными делами не имеет никакой ценности, мы говорим, что оно не имеет цены на рынке, что его ценность не может быть выявлена путем операций на рынке и, соответственно, не может быть выражена в деньгах. Если мы сравним положение двух стран, скажем, Атлантиды и Туле, мы сможем привести немало важных статистических показателей по каждой из них: размер территории и численность населения, уровень рождаемости и смертности, число неграмотных, количество совершенных преступлений и много других демографических данных. [Атлантида и Туле -- мифические страны, о которых повествовали античные авторы. Атлантида, согласно Платону, находилась до своей гибели к западу от Гибралтара; Туле, по утверждениям древних географов, -остров, лежащий к северу от Британии.] Мы сможем определить сумму денежных доходов всех их жителей, денежную ценность годового общественного продукта, денежную ценность импортированных и экспортированных товаров и множество иных экономических показателей. Но мы не сможем придать никакой количественной ценности правительственной и административной системе. Это не означает, что мы отрицаем роль или ценность хорошего правительства. Это означает только, что нет такой единицы, при помощи которой можно было бы их измерить. Они не поддаются выражению в цифрах. Вполне возможно, что самое замечательное в Атлантиде -- это ее прекрасная система правления. Возможно, что своим процветанием Атлантида обязана именно конституционным и административным институтам. Но мы не можем сравнить их с институтами Туле подобно тому, как сравниваем, например, уровни заработной платы или цены на молоко. Бюрократическое управление -- это управление такими делами, которые невозможно контролировать при помощи экономических расчетов. Суть бюрократического управления ПРОСТОЙ гражданин сравнивает деятельность бюрократических учреждений с функционированием более знакомой ему системы, ориентированной на прибыль. Затем он обнаруживает, что бюрократическое управление расточительно, неэффективно, неповоротливо и утопает в бумажках. Он просто не может понять, как здравомыслящие люди позволяют сохраняться такой вредной системе. Почему бы не перейти на хорошо проверенные методы, используемые в частном бизнесе? Такая критика, однако, неразумна. Она неправильно истолковывает свойства государственного управления. Она не учитывает принципиального различия между государственным учреждением и стремящимся к прибыли частным предприятием. То, что она называет изъянами и

недостатками управления административными учреждениями, является его необходимыми свойствами. Бюрократическое учреждение -- это не стремящееся к прибыли предприятие; оно не может воспользоваться какими-либо экономическими расчетами; оно должно решать задачи, которые не стоят перед коммерческим управлением. Не может быть и речи о том, чтобы улучшить бюрократическое управление, реорганизовав его по образцу частного бизнеса. Было бы ошибкой судить об эффективности государственного ведомства, сравнивая его с результатом деятельности предприятия, подвластного игре рыночных сил. В государственном управлении любой страны существуют, конечно, очевидные недостатки, бросающиеся в глаза любому наблюдателю. Иногда степень неэффективности управления бывает просто поразительной. Но если попытаться отыскать коренные причины этих недостатков, то часто можно убедиться, что они вовсе не являются результатом заслуживающей порицания небрежности или отсутствия компетентности. Иногда они оказываются результатом особых политических и институциональных условий или попытки урегулировать проблему, для которой невозможно было найти более удовлетворительное решение. Тщательное изучение всех имеющихся трудностей может убедить добросовестного исследователя в том, что при данном общем соотношении политических сил он сам не знал бы, как решить эту проблему более приемлемым образом. Тщетно пытаться реформировать бюрократическое управление путем назначения бизнесменов на руководящие должности в различные ведомства. Способность быть предпринимателем не является неотъемлемым свойством личности предпринимателя; она является неотъемлемым свойством того положения, которое он занимает в структуре рыночного общества. Бывший предприниматель, поставленный во главе государственного учреждения, является уже не бизнесменом, а бюрократом. Его задача уже не получение прибыли, а соблюдение правил и предписаний. Как глава учреждения он имеет возможность изменить некоторые второстепенные правила и некоторые элементы внутренней организации. Но внешние условия деятельности учреждения определяются правилами и предписаниями, находящимися за пределами его компетенции. Широко распространена иллюзия, что эффективность государственных учреждений может быть повышена при помощи специалистов по организации управления и разрабатываемых ими научных методов управления. Как бы то ни было, такие планы проистекают из принципиального непонимания задач государственного управления. Как любой вид техники, техника управления требует наличия определенного метода расчетов. Такой метод существует в сфере бизнеса, целью которого является получение прибыли. Здесь главенствующую роль играет баланс прибылей и убытков. Трудность бюрократического управления как раз и состоит в отсутствии такого метода расчетов. В сфере предпринимательства, ориентирующегося на получение прибыли, цель деятельности специалиста по организации управления четко определена главенствующей ролью мотива получения прибыли. Его задача состоит в том, чтобы сократить издержки, не нанося ущерба рыночной ценности производимого продукта, или сократить издержки в большей степени, чем вследствие этого сократится рыночная ценность продукта, или повысить рыночную ценность продукта в большей степени, чем возрастут требуемые для этого затраты. Но в сфере государственного управления произведенный продукт не имеет цены на рынке. Его нельзя ни купить, ни продать. Рассмотрим три примера. + Департамент полиции получает задание -- оградить оборонный завод от саботажа. Он выделяет для этого тридцать полицейских. Отвечающий за это комиссар не нуждается в советах эксперта по эффективности организации, чтобы выяснить, что он смог бы сэкономить деньги, уменьшив охрану до двадцати человек. Но вопрос заключается в следующем. Оправдывается ли такая экономия увеличением риска? На карту поставлены серьезные вещи: национальная оборона, моральное состояние вооруженных сил и гражданского населения, возможные последствия для международных отношений, жизни многих честных работников. Все эти ценные вещи невозможно выразить в деньгах.

Ответственность полностью ложится на Конгресс, делающий необходимые ассигнования, и на органы исполнительной власти правительства. Они не могут уйти от нее, предоставляя право решения не отвечающему за свои советы консультанту. + Одной из задач Налогового управления является окончательное определение причитающейся суммы налогов. Его обязанность состоит в истолковании и применении закона. Это не просто канцелярская работа; это своего рода судебная функция. Любой налогоплательщик, не согласный с тем как истолковал закон руководитель Налогового управления, волен обратиться в федеральный суд, чтобы получить обратно выплаченную сумму. Какой толк для ведения таких дел может быть от специалиста по организации производства с его системой нормативов времени на трудовые движения? Его секундомер был бы совершенно неуместен в служебных помещениях управления. Очевидно, что при прочих равных условиях, служащий, работающий быстро, предпочтительнее того, кто работает медленнее. Но основная проблема -- в качестве этой работы. Только опытные старшие служащие в состоянии должным образом оценить достижения своих помощников. Умственный труд нельзя измерять и оценивать при помощи механических приспособлений. + Рассмотрим, наконец, пример, который не связан ни с проблемами "высокой" политики, ни с проблемами правильного применения законов. Одному из учреждений поручено закупать все необходимое для технического ведения канцелярской работы. Это сравнительно простая деятельность, но никоим образом не механическая. Лучшим служащим будет не тот, кто выписывает наибольшее количество заказов в час. Наиболее успешным исполнением обязанностей будет покупка самых подходящих принадлежностей по минимальным ценам. Поэтому в той мере, в какой это касается государственного управления, неправильно утверждать, что хронометрирование, изучение трудовых движений и другие инструменты научной организации управления "с достаточной точностью показывают, сколько времени и усилий требует каждый из имеющихся методов" и что поэтому они "могут показать, какие из возможных методов и технологий требуют наименьшего количества времени и усилий" <J. M. Juran, *Bureaucracy, a Challenge to Better Management* New York, 1944, p. 75>. Все эти данные совершенно бесполезны, потому что их нельзя соотносить с качеством выполненной работы. Одна только скорость не является мерилom умственной деятельности. Вы не можете "измерить" врача временем, которое он затрачивает на рассмотрение одного случая. И вы не можете "измерить" судью временем, которое требуется ему для вынесения приговора по одному делу. Если бизнесмен изготавливает какое-то изделие, предназначенное на экспорт, он стремится сократить количество человеко-часов, затрачиваемых на производство различных деталей данного товара. Но лицензия, необходимая для отправки этого товара за границу, не является одной из таких деталей. Выдавая лицензию, государство ничего не вкладывает в производство, организацию сбыта и транспортировку товара. Соответствующее государственное учреждение -- это не цех, выпускающий одну из деталей, нужных для завершающей отделки товара. Ставя экспорт в зависимость от выдачи лицензий, государство стремится ограничить экспортную торговлю. Оно хочет сократить общий объем экспорта или ту его часть, которая вывозится нежелательными экспортерами или продается нежелательным покупателям. Выдача лицензий -- не цель, а техническое средство ее достижения. С точки зрения государства, лицензии, в которых было отказано, или за которыми даже и не обращались, имеют гораздо большее значение, чем те, которые были выданы. Было бы поэтому совершенно некстати использовать "общее количество человеко-часов, затрачиваемых на одну лицензию", в качестве критерия для оценки деятельности данного бюрократического учреждения. Было бы неуместно выполнять "операцию выдачи лицензий ... на базе конвейера" <J. M. Juran, loc. cit., pp. 34, 76>. Существуют и другие различия. Если в ходе производственного процесса изделие портится или пропадает, это приводит к точно определяемому увеличению издержек производства. Если в бюро пропадает заявка на выдачу лицензии, гражданину может быть нанесен весьма серьезный ущерб. Закон может

не позволять пострадавшему подать на учреждение в суд и требовать компенсации, но политическая и моральная обязанность государства обращаться с этими заявками самым внимательным образом остается в любом случае. Ведение государственных дел так же отличается от промышленного производства, как обвинение и осуждение убийцы от выращивания хлеба или изготовления обуви. Эффективность государственного управления и эффективность промышленности -это совершенно разные вещи. Нельзя улучшить управление фабрикой, взяв в качестве модели департамент полиции, а учреждение, занимающееся сбором налогов, не может увеличить свою эффективность, приняв на вооружение методы, применяемые на автомобилестроительном заводе. Ленин ошибся, выдвинув государственные учреждения в качестве образца для промышленных предприятий. [Л. Мизес имеет в виду ленинские высказывания в "Государстве и революции" (1917 г.) о том, что государственная почта является "образом социалистического хозяйства" и "все народное хозяйство, организованное как почта... -- вот наша ближайшая цель" (Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 33, с. 50).] Но тот, кто хочет, чтобы бюрократические учреждения управлялись так же, как фабрики, делает не меньшую ошибку. Многие в государственном управлении нуждаются в реформировании. Конечно же, все общественные институты должны вновь и вновь приспосабливаться к изменяющимся условиям. Но никакая реформа не может превратить государственное учреждение в нечто подобное частному предприятию. Правительство -- это не предприятие, ориентирующееся на получение прибыли. Его деятельность невозможно контролировать при помощи баланса прибылей и убытков. Его достижения невозможно оценить в денежных единицах. Это принципиально важно для любого рассмотрения проблем бюрократии. Бюрократическое управление кадрами БЮРОКРАТ отличается от небюрократа именно тем, что он работает в области, где результат человеческих усилий невозможно оценить в денежном выражении. Страна расходует деньги на содержание бюрократических учреждений, на выплату жалованья и заработной платы, на покупку всего необходимого оборудования и канцелярских принадлежностей. Но то, что она получает в обмен на свои затраты -- оказанные услуги -- невозможно оценить в денежном выражении, каким бы важным и ценным ни был этот "продукт". Его оценка зависит от произвольного решения государства. Это верно, что оценка различных товаров, продаваемых и покупаемых на рынке, в неменьшей степени зависит от произвольных решений, а именно, от произвольных решений потребителей. Но поскольку потребители представляют собой многочисленную группу самых разных людей, анонимную и аморфную массу, суждения, которые они выносят, кристаллизуются в безличное явление, рыночную цену, и, таким образом, лишаются своей произвольной природы. Более того, они относятся к товарам и услугам как таковым, а не к тем, кто их предоставляет. Взаимосвязь "продавец--покупатель", так же как и взаимоотношение "работодатель--наемный работник" в бизнесе, ориентированном на получение прибыли, носят чисто практический и безличный характер. Это сделки, из которых обе стороны извлекают выгоду. Они помогают друг другу зарабатывать средства к жизни. Но в бюрократической организации дело обстоит иначе. Там взаимосвязь между начальником и подчиненным носит личный характер. Подчиненный зависит от того, как начальник оценивает его самого, а не его работу. До тех пор, пока конторский служащий может рассчитывать на получение работы в частном бизнесе, эта зависимость не может стать настолько гнетущей, чтобы определять весь характер поведения служащего. Но современная тенденция к общей бюрократизации меняет дело. До последних лет бюрократ как особый тип человеческого существа не был известен в Америке. Различные бюрократические учреждения существовали всегда и по необходимости они управлялись бюрократическими методами. Однако не существовало многочисленного класса людей, считающих работу в государственных учреждениях своим исключительным призванием. Шел постоянный обмен кадрами между государственными и частными заведениями. С появлением законов о гражданской службе государственная служба стала

профессиональной карьерой. [В США, как и в некоторых других англоязычных странах, работа в государственном аппарате именуется гражданской службой (civil service).] Назначение на должность стало основываться на экзаменах и перестало зависеть от политической принадлежности претендентов. Многие оставались в государственных учреждениях на протяжении всей жизни. Но они сохраняли свою личную независимость, поскольку всегда могли рассчитывать на возвращение в частный бизнес. В континентальной Европе дело обстояло по-другому. Там бюрократы давно оформились в единую группу. Только для немногих выдающихся людей был практически возможен возврат к частной деятельности. Большинство из них оказывалось на всю жизнь связанными со своими учреждениями. В их среде сформировался характер, типичный для человека, который навсегда ушел из мира бизнеса, ориентированного на получение прибыли. Их интеллектуальным горизонтом была иерархия с ее правилами и предписаниями. Их судьба полностью зависела от милости вышестоящих должностных лиц, от чьих капризов они были во власти не только на службе: подразумевалось, что их частная жизнь и даже занятия жен также должны соответствовать их положению и особому -- неписанному -- кодексу поведения, приличествующего Staatsbeamter или fonctionnaire [Staatsbeamter (нем.), fonctionnaire (фр.) -- государственный служащий]. Ожидалось, что они будут одобрять политическую линию того кабинета министров, который в этот момент окажется у власти. Как бы то ни было, их возможности поддерживать партию оппозиции были существенно ограничены. Возникновение многочисленного класса таких людей, зависевших от государства, создало серьезную угрозу сохранению конституционных институтов. Были предприняты попытки защитить отдельного служащего от произвола его начальников. Но единственным результатом, которого удалось достичь, стало ослабление дисциплины и все большая небрежность при исполнении служебных обязанностей. Америка -- новичок в области бюрократии. В этом деле она накопила гораздо меньше опыта, чем страны классической бюрократии -- Франция, Германия, Австрия и Россия. В Соединенных Штатах все еще склонны переоценивать пользу от правил, регулирующих гражданскую службу. Такие правила требуют, чтобы желающие работать в ней достигли определенного возраста, закончили определенные учебные заведения и сдали определенные экзамены. Для получения более высоких должностей и более высоких окладов необходимо в течение определенного времени занимать более низкие должности и сдавать новые экзамены. Очевидно, что все эти требования касаются вещей более или менее поверхностных. Нет необходимости указывать на то, что посещение определенных учебных заведений, экзамены и годы, проведенные на младших должностях, совершенно необязательно подготавливают человека к работе на более высоких должностях. Этот механизм отбора иногда не позволяет получить место наиболее компетентным людям и не всегда предотвращает назначение абсолютно некомпетентного человека. Но самым неблагоприятным последствием является то, что основной заботой служащего становится соблюдение этих и других формальностей. Они забывают, что их работа заключается в том, чтобы как можно лучше выполнять порученные им обязанности. В надлежащем образом организованной системе государственной гражданской службы получение более высоких должностей зависит, главным образом, от выслуги лет. Руководители государственных учреждений -- это, в основном, пожилые люди, которые знают, что через несколько лет их уволят на пенсию. Проведя большую часть жизни в положении подчиненных, они лишились энергии и инициативы. Они избегают нововведений и улучшений и на любой проект преобразований смотрят как на нарушение своего спокойствия. Их непреклонный консерватизм сводит на нет все попытки правительства приспособить данную службу к изменившимся условиям. На министра они глядят свысока как на непрофессионала, не имеющего никакого опыта. Во всех странах с прочно утвердившейся бюрократией люди обычно говорили: "Правительства приходят и уходят, а учреждения остаются". Было бы ошибкой объяснять несостоятельность европейской бюрократии интеллектуальными и

нравственными недостатками служащих. Во всех этих странах было немало добропорядочных семей, отпрыски которых выбирали бюрократическую карьеру потому, что искренне желали служить своему народу. Поступление на государственную службу было пределом мечтаний для одаренного бедного юноши, стремившегося улучшить свое положение в жизни. Многие из самых талантливых и благородных представителей интеллигенции служили в государственных учреждениях. По престижу и социальному положению государственные служащие были значительно выше всех других слоев населения, за исключением армейских офицеров и представителей старейших и богатейших аристократических семей. Многие государственные служащие написали превосходные труды по проблемам административного права и статистики. Некоторые из них были блестящими писателями или музыкантами. Другие вступали в сферу политики и становились выдающимися партийными деятелями. В своем большинстве бюрократы были, конечно, достаточно посредственными людьми. Но нет сомнений, что в рядах государственных служащих находилось немало людей одаренных. Несостоятельность европейской бюрократии, безусловно, нельзя объяснить неспособностью служащих. Она предопределена неизбежными недостатками любого руководства государственными делами. Отсутствие критериев, которые могли бы безусловным образом подтвердить успех или неудачу при исполнении служебных обязанностей, создает неразрешимые проблемы. Это убивает амбиции, уничтожает инициативу и стимулы делать больше необходимого минимума. Это заставляет бюрократа следить за инструкциями, а не за материальным и реальным успехом. -----

Бюрократическое управление государственными предприятиями
Неосуществимость всестороннего государственного контроля СОЦИАЛИЗМ, т. е. полный государственный контроль над всеми видами экономической деятельности, неосуществим, потому что социалистическое общество не будет обладать необходимым интеллектуальным инструментом экономического планирования и проектирования -- экономическим расчетом. Сама идея централизованного государственного планирования содержит внутреннее противоречие. В социалистическом обществе центральный орган управления производством окажется беспомощным перед лицом тех проблем, которые он должен решать. Он никогда не будет знать, выгодны ли рассматриваемые проекты, не станет ли их реализация напрасной тратой имеющихся средств. Социализм должен привести к полному хаосу. Осознанию этой истины долгое время препятствовали табу марксизма. Основной вклад, внесенный марксизмом в просоциалистическую пропаганду, состоял в том, что он объявил вне закона исследование экономических проблем социалистического общества. Такие исследования, по мнению Карла Маркса и его секты, были признаком иллюзорного "утопизма". "Научный социализм", как Маркс и Энгельс называли придуманную ими разновидность науки, не должен заниматься подобными бесполезными изысканиями. [К. Маркс и, особенно, Ф. Энгельс неоднократно высказывались против попыток построения скольнибудь конкретизированной модели функционирования грядущего социалистического общества. "Мудрствования о том, как станет будущее общество регулировать распределение пищи и жилья, ведут прямо в область утопии -- писал Энгельс. -- Самое большее, что мы можем утверждать ... это то, что с падением капиталистического производства известные формы присвоения, характерные для старого общества, станут невозможны" (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т.18, с. 282).] "Научные" социалисты довольствуются прозрением, что социализм непременно наступит и превратит всю землю в рай. Они не должны впадать в такой абсурд, чтобы спрашивать, как будет работать социалистическая система. Одним из примечательных фактов интеллектуальной истории девятнадцатого и начала двадцатого веков было то, что это марксово "Verboten" строго соблюдалось [Verboten (нем.) -- запрещено]. На тех немногих экономистов, которые осмеливались его нарушать, не обращали внимания, и вскоре они

были преданы забвению. Только около двадцати пяти лет назад чары рассеялись. Невозможность экономического расчета при социализме была доказана неопровержимым образом. [В 1920 г. была опубликована статья Л. Мизеса "Хозяйственный расчет в социалистическом обществе". Ее основная идея нашла свое развитие в вышедшей через два года книге Мизеса "Социализм", впоследствии многократно переиздававшейся.] Некоторые упрямые марксисты, конечно, пытались возражать. Они не могли не признать, что проблема экономического расчета -- один из наиболее серьезных вопросов социализма, и то, что социалисты на протяжении восьмидесяти лет фанатичной пропаганды тратили время на всякие пустяки, не догадываясь, в чем заключается главная проблема, было настоящим скандалом. Но они заверили своих встревоженных сторонников, что удовлетворительное решение найти будет совсем не трудно. И действительно, многие социалистические профессора и писатели как в России, так и в западных странах предложили различные системы экономического расчета при социализме. Эти системы оказались совершенно несостоятельными. Для экономистов не представило никакого труда вскрыть их недостатки и противоречия. Социалисты полностью провалились в своих отчаянных попытках опровергнуть доказательства того, что никакой экономической расчет невозможен ни в какой социалистической системе. <Более глубокое исследование этой основополагающей проблемы см.: L. Mises, *Socialism, an Economic and Sociological Analysis*, translated by Kahane, New York, 1936, pp. 113--122, 131--142, 516--521; L. Mises, *Nationaloekonomie*, Geneva, 1940, pp. 188--223, 634--645; F. A. Hayek, *Collectivist Economic Planning*, London, 1935; F. A. Hayek, *Socialist Calculation: The Competitive Solution*, -- *Economica*, VII, pp. 125--149.> Очевидно, что целью социалистического управления также будет обеспечение общества наибольшим количеством наилучших благ, которые могут быть произведены при данном уровне технических знаний и при существующей обеспеченности факторами производства. Социалистическое государство также будет стремиться использовать наличные ресурсы для производства тех благ, которые, по его мнению, более всего необходимы, и отказываться от производства тех благ, которые оно сочтет менее необходимыми. Но невозможность экономического расчета не позволит выяснить, какие методы производства будут наиболее экономичными. Социалистические правительства России и Германии действуют в мире, большая часть которого все еще привержена рыночной экономике. Они поэтому имеют возможность использовать для своих экономических расчетов цены, устанавливающиеся за границей. Только потому, что они могут обращаться к этим ценам, они в состоянии производить расчеты, вести бухгалтерский учет и разрабатывать планы. Дело обстоит бы совершенно иначе, если бы все страны ввели у себя социализм. Тогда уже больше не существовало бы цен, и экономической расчет стал бы невозможным <L. Mises, *Omnipotent Government* New Haven, 1944, pp. 55--58>. Государственное предприятие при рыночной экономике ТАК же обстоит дело и с предприятиями, находящимися в собственности и под управлением центрального правительства или муниципалитетов страны, в которой большая часть экономической деятельности осуществляется на основе свободного предпринимательства. Для них экономический расчет также не представляет трудностей. Нам нет необходимости задаваться вопросом, возможно или нет управлять подобными предприятиями, принадлежащими центральному правительству, штатам и муниципалитетам, так же как и частными предприятиями. Практика показывает, что власти, как правило, склонны отступать от системы, ориентированной на получение прибыли. Они не хотят вести дела на своих предприятиях, руководствуясь принципом получения как можно большей прибыли. Они считают более важным решение других задач. Они готовы отказаться от прибыли или, по крайней мере, от части прибыли, или даже понести убытки ради достижения других целей. Какими бы ни были эти другие преследуемые властями цели, конечным результатом такой политики всегда является субсидирование одних людей за счет других. Если государственное предприятие убыточно или приносит только часть той

прибыли, которую оно могло бы получить, если бы руководствовалось исключительно мотивом прибыли, то сокращение его доходов оказывает воздействие на бюджет и, следовательно, на налогоплательщика. Если, например, в принадлежащей городу транспортной системе с пассажиров взимается низкая плата за проезд, невозмещающая эксплуатационные издержки, значит налогоплательщики фактически субсидируют тех, кто ездит в поездах. Однако в книге, касающейся проблем бюрократии, нет необходимости беспокоиться об этих финансовых аспектах. С нашей точки зрения важно рассмотреть другое следствие. Как только предприятие перестает управляться в соответствии с мотивом прибыли, появляется необходимость принять другие принципы ведения его дел. Городские власти не могут просто сказать управляющему. "Не беспокойся о прибыли". Они должны дать ему более определенные и точные распоряжения. Какими могут быть эти распоряжения? Сторонники национализированных и муниципализированных предприятий обычно отвечают на этот вопрос достаточно наивно: "Задачей государственного предприятия является предоставление обществу полезных услуг". Но проблема не так проста. Предоставление полезных услуг является единственной задачей любого предприятия. Но что означает этот термин? Кто, применительно к государственному предприятию, должен решать, является ли услуга полезной? И что еще важнее, как мы узнаем, не слишком ли много заплачено за предоставленные услуги, т.е. не отвлечены ли факторы производства, израсходованные при выполнении этих услуг, из других сфер, где их использование могло бы обеспечить предоставление более ценных услуг? Для частного предприятия, стремящегося к получению прибыли, критерием является отношение людей. Полезность предоставляемых услуг доказана тем, что достаточно большое число граждан готово платить запрашиваемую за них цену. Не может быть никакого сомнения в том, что покупатели считают полезными услуги, предоставляемые булочниками. Они готовы платить цену, запрашиваемую за хлеб. При этой цене производство хлеба обычно расширяется до тех пор, пока не наступит насыщение, т.е. до тех пор, пока дальнейшее расширение не станет отвлекать факторы производства из отраслей промышленности, на продукцию которых существует более интенсивный спрос потребителей. Взяв в качестве ориентира мотив получения прибыли, свободное предпринимательство приспосабливает свою деятельность к пожеланиям людей. Мотив получения прибыли заставляет каждого предпринимателя оказывать те услуги, которые потребители считают наиболее необходимыми. Ценовая структура рынка говорит предпринимателям, насколько они свободны в выборе той или иной отрасли для своих капиталовложений. Но если государственным предприятием станут управлять, не обращая внимания на прибыль, поведение людей перестанет служить критерием его полезности. Если центральные или муниципальные власти полны решимости продолжать производство, независимо от того, что эксплуатационные затраты не окупаются денежными поступлениями от покупателей, то где может быть найден критерий полезности оказываемых услуг? Как мы можем узнать, не слишком ли велик дефицит, связанный с этими услугами? И как выяснить, нельзя ли сократить дефицит, не снижая ценности услуг? Частный бизнес обречен, если его деятельность приносит одни убытки и нет способов исправить ситуацию. Его нерентабельность является доказательством ненужности. Частное предприятие не может пренебречь этим приговором и продолжать дело. Управляющий убыточным заводом, может объяснить свою неудачу и попросить за нее прощения. Но такие извинения бесполезны; они не могут предотвратить того, что от неудачного проекта, в конце концов, откажутся. С государственным предприятием дело иное. Здесь появление дефицита не считается доказательством несостоятельности. Управляющий не несет за это ответственности. Его хозяин, государство, поставило себе целью продавать по такой низкой цене, что убытки стали неизбежными. Но если государство ограничивает свое вмешательство установлением фиксированной продажной цены, а все остальное предоставляет управляющему, то это дает ему полную свободу доступа к фондам казначейства. Важно

понимать, что наша проблема не имеет никакого отношения к предотвращению преступных злоупотреблений властью со стороны управляющего. Мы исходим из того, что центральное правительство и муниципалитет назначили честного и способного управляющего, и что моральный климат в стране или городе и организация интересующего нас заведения обеспечивают удовлетворительную защиту от каких-либо преступных действий. Перед нами совершенно иная проблема. Она возникает в связи с тем, что любая услуга может быть усовершенствована путем увеличения затрат. Какими бы отличными ни были больница, метро или система водоснабжения, управляющий всегда знает, как он мог бы усовершенствовать услуги при доступе к необходимым фондам. Ни одна из человеческих потребностей не может быть удовлетворена столь полно, что какое-либо дальнейшее усовершенствование станет невозможным. Каждый специалист стремится обеспечить более полное удовлетворение потребностей только в своей особой сфере деятельности. Он не должен и не может думать об ограничениях, которые расширение его предприятия наложит на удовлетворение других видов потребностей. Директор муниципальной больницы не обязан отказываться от какого-либо улучшения своего учреждения, если это будет препятствовать улучшению работы метрополитена, и наоборот. Честный и умелый управляющий как раз и должен стремиться к максимальному улучшению качества услуг, предоставляемых его предприятием. Но поскольку он не связан соображениями финансового успеха, осуществляемые им затраты лягут тяжелым бременем на государственную казну. Он превратится в своего рода безответственного растратчика денег налогоплательщиков. Поскольку этого нельзя допустить, государство должно позаботиться о подробной регламентации управления. Оно должно точно определить качество и объем предоставляемых услуг и продаваемых товаров, оно должно разработать подробные инструкции относительно того, какие методы следует использовать при покупке материальных факторов производства, при найме и вознаграждении рабочей силы. Поскольку счет прибылей и убытков не служит критерием успеха или неудачи управления, единственным способом заставить управляющего отвечать перед его хозяином, т. е. перед казначейством, будет ограничить свободу его действий правилами и предписаниями. Если он считает целесообразным истратить больше, чем позволяют инструкции, он должен подать заявку на дополнительное выделение денег из бюджета. В этом случае право решения остается за его хозяином - правительством или муниципалитетом. Как бы то ни было, такой управляющий является не администратором коммерческого предприятия, а бюрократом, т. е. должностным лицом, которое обязано соблюдать многочисленные инструкции. Критерием хорошего управления будет не одобрение покупателей, выражающееся в избытке выручки над затратами, а строгое соблюдение определенного набора бюрократических правил. Верховным законом управления является подчинение этим правилам. Правительство или городской совет будут, конечно, стремиться разрабатывать такие правила, которые сделали бы предоставляемые услуги максимально полезными, а дефицит -- не выше максимально допустимой, с их точки зрения, величины. Но это не отменяет бюрократического характера руководства делами. Управляющие обязаны подчиняться определенному набору инструкций; только это имеет значение. Управляющий не отвечает за результаты своей деятельности, если его поступки правильны с точки зрения инструкций. Его основной целью не может быть эффективность как таковая, ею является эффективность в рамках соблюдения определенных предписаний. Его положение не похоже на положение администратора предприятия, стремящегося к получению прибыли, он скорее напоминает государственного служащего, например, начальника полицейского управления. Единственной альтернативой бизнесу, стремящемуся к получению прибыли, является бюрократическое управление. Было бы абсолютно недопустимо наделять отдельное лицо или группу лиц правом свободного распоряжения государственными средствами. Власть управляющих национализированными или муниципализированными предприятиями необходимо ограничить бюрократическими средствами, если мы не

хотим, чтобы они сделались безответственными растратчиками государственных денег, а их управление расстроило весь бюджет. -----

Бюрократическое управление частными предприятиями Как государственное вмешательство приводит к бюрократизации бизнеса ЧАСТНОЕ предприятие никогда не станет жертвой бюрократических методов управления, если единственной целью его деятельности является получение прибыли. Мы уже подчеркивали, что при наличии мотива прибыли в любом промышленном комплексе, как бы велик он ни был, бизнес в целом и все его составные части могут быть организованы таким образом, чтобы дух капиталистической наживы пронизывал его сверху донизу. Но мы живем в век всеобщей атаки на мотив получения прибыли. Общественное мнение считает, что он в высшей степени аморален и наносит огромный ущерб общему благу. Политические партии и правительства стремятся уничтожить его и заменить тем, что они называют точкой зрения "государственного служащего", за чем в действительности скрывается бюрократическое управление. Нам нет необходимости подробно рассматривать то, чего в этом отношении достигли нацисты. Нацисты преуспели в полном уничтожении мотива прибыли в сфере управления производством. В нацистской Германии больше нельзя говорить о свободном предпринимательстве. Здесь больше не существует предпринимателей. Бывшие предприниматели сведены к положению Betriebsführer (руководителей предприятий). Они не вольны в своих действиях: они обязаны безоговорочно выполнять распоряжения Центрального бюро производственного управления, именуемого Reichswirtschaftsministerium [Reichswirtschaftsministerium (нем.) -- имперское министерство хозяйства] и подчиненных ему территориальных и отраслевых органов. Правительство не только определяет соответствующие цены и процентные ставки, величину заработной платы рабочих и служащих, объем производимой продукции и методы, применяемые в производстве, оно назначает определенный доход каждому руководителю предприятия, превращая его, таким образом, в получающего жалование государственного служащего. Эта система, за исключением использования некоторых терминов, не имеет ничего общего с капитализмом и рыночной экономикой. Это просто социализм "немецкого образца", Zwangswirtschaft [Zwangswirtschaft (нем.) -- принудительное хозяйство; термин, выступающий в западной литературе как синоним понятия "централизованно управляемая экономика"]. От социализма "русского образца", т. е. системы прямой национализации всех предприятий, он отличается только технически. И так же, как "русская система", он, конечно, является чисто авторитарным способом организации общества. В остальных частях мира дело не зашло так далеко. В англо-саксонских странах по-прежнему существует частное предпринимательство. Но общая тенденция нашего времени заключается в том, чтобы позволять государству вмешиваться в частный бизнес. А такое вмешательство во многих случаях навязывает частным предприятиям бюрократическую форму управления. Ограничение размеров прибыли ГОСУДАРСТВО может использовать различные методы ограничения прибыли, которую предприятие вправе зарабатывать. Наиболее часто используют следующие методы: 1. Ограничиваются прибыли определенных видов предприятий. Избыток должен либо передаваться властям (например, городским), либо распределяться в виде премий среди наемных работников или должен быть ликвидирован путем снижения тарифов или цен, взимаемых с покупателей. 2. Власти имеют право определять цены и тарифы, которые предприятие может назначать на продаваемые товары или предоставляемые услуги. Они используют это право для предотвращения того, что они называют избыточными прибылями. 3. Предприятие не имеет права за продаваемые товары и предоставляемые услуги взимать больше, чем сумма фактических издержек и определяемой властями прибыли в форме либо процента от издержек, либо фиксированной надбавки. 4. Предприятие имеет право зарабатывать столько, сколько

позволяют рыночные условия; но налоги поглощают всю прибыль или ее большую часть сверх определенной суммы. Во всех этих случаях предприятие не заинтересовано более в увеличении своих прибылей. Оно теряет стимул к снижению издержек и к ведению своих дел как можно более эффективными и дешевыми средствами. Одновременно все трудности, связанные с усовершенствованием технологии и попытками снизить издержки производства, остаются. Риск, сопряженный с внедрением новых методов, позволяющих сократить издержки производства, ложится на предпринимателя. На нем остается и обязанность разрешать конфликты, связанные с требованиями работников о повышении заработной платы. Общественное мнение, введенное в заблуждение лживыми баснями социалистов, торопится во всем обвинить предпринимателей. Именно их безнравственность, говорят нам, приводит к снижению эффективности. Если бы они были такими же сознательными и преданными делу повышения общественного благосостояния, как бескорыстные государственные служащие, они бы неуклонно стремились делать все, что только в их силах, для усовершенствования предоставляемых ими услуг, даже если бы это не имело отношения к их эгоистическим корыстным интересам. Именно их подлое стремление к наживе срывает работу предприятия в условиях ограничения прибылей. Почему человек не должен стараться работать как можно лучше, даже если он не ждет никакой личной выгоды от добросовестного исполнения своих обязанностей? Не может быть ничего более нелепого, чем вот так ставить бюрократа в пример предпринимателю. Бюрократ не стремится к улучшениям по собственной воле. Он обязан подчиняться правилам и предписаниям вышестоящих органов. Он не имеет права внедрять нововведения, если их не одобрило начальство. Его долг и главное достоинство -- быть послушным. Давайте возьмем в качестве примера условия армейской жизни. Армии, безусловно, являются самыми идеальными и совершенными бюрократическими организациями. В большинстве стран ими командуют офицеры, искренне преданные единственной цели: сделать вооруженные силы своей страны как можно более эффективными. Тем не менее, руководство военными делами характеризуется упрямой враждебностью по отношению к любой попытке произвести улучшения. Говорят, что генеральный штаб всегда готовится к прошедшей войне и никогда -- к войне будущей. Всякая новая идея неизменно сталкивается с непримиримой оппозицией со стороны тех, кто отвечает за управление. Сторонники прогресса оказывались в самых неприятных ситуациях. Нет необходимости упорствовать в доказательствах -- факты известны каждому. Причина этого неудовлетворительного положения очевидна. Любой прогресс всегда вступает в противоречие со старыми, устоявшимися идеями и, следовательно, с созданными на их основе правилами. Каждый прогрессивный шаг представляет собой изменение, сопряженное с огромным риском. Лишь немногие люди, наделенные исключительными и редкими способностями, обладают даром планировать нововведения и видеть их преимущества. При капитализме новатор имеет возможность приступить к осуществлению своего плана, несмотря на нежелание большинства признать его достоинства. Достаточно будет, если ему удастся убедить нескольких разумных людей дать ему займы деньги для начала дела. В бюрократической системе необходимо убедить тех, кто находится наверху, - как правило, пожилых людей, привыкших вести дела строго предписанным образом и неспособных более к восприятию новых идей. Никакого прогресса или реформ нельзя ожидать при таком положении дел, когда первым шагом должно быть получение согласия стариков. Первооткрывателей новых методов считают бунтарями и относятся к ним соответствующим образом. Для бюрократического ума следование законам, т. е. приверженность привычному и устаревшему, является главной из всех добродетелей. Сказать предпринимателю, у которого ограничены возможности получения прибыли: "Веди себя так, как поступают добросовестные бюрократы", -- это все равно, что приказывать ему избегать каких бы то ни было реформ. Никто не может быть одновременно исправным бюрократом и новатором. Прогресс -- это как раз то, чего не могли предвидеть правила и предписания; он всегда достигается за пределами сферы

деятельности бюрократии. Преимущество системы, основанной на получении прибыли, состоит в том, что она обещает за усовершенствования награду достаточно высокую, чтобы она оправдала большой риск. Если эта награда устраняется или серьезно урезается, о прогрессе не может быть и речи. Крупные компании расходуют значительные суммы на научные исследования, поскольку они стремятся получить прибыль от новых методов производства. Каждый предприниматель постоянно ищет возможности для усовершенствования; он хочет получить выгоду или от снижения издержек, или от улучшения продукции. Потребители видят только успешные нововведения. Они не осознают, что многие предприниматели потерпели неудачу из-за того, что ошиблись, пытаясь внедрить новые технологии. Тщетно требовать, чтобы предприниматель принялся, несмотря на отсутствие стимула прибыли, за все те усовершенствования, которые он осуществил бы, если бы ожидаемая прибыль должна была обогатить его самого. Свободный предприниматель принимает решения после того, как тщательно и внимательно изучит все за и против и взвесит все шансы на успех. Он соизмеряет возможный выигрыш и возможные потери. Потери или выигрыш коснутся его собственного богатства. В этом все дело. Соизмерять риск потери собственных денег с шансами правительства или каких-то других людей получить прибыль -- значит смотреть на вещи с совершенно иной точки зрения. Но есть еще более важный момент. Неудачное нововведение не только наносит урон вложенному капиталу, но и сокращает будущую прибыль. Большая часть этой прибыли, если бы она была получена, поступила бы в казну. Теперь же ее сокращение отрицательно скажется на доходах государства. Государство не позволит предпринимателю рисковать тем, что оно считает своим собственным доходом. Оно решит, что неразумно оставлять за предпринимателем право подвергать риску то, что фактически является государственными деньгами. Оно ограничит свободу предпринимателя вести свое "собственное" дело, которое фактически является не его собственным, а государственным. Мы уже являемся свидетелями начала такого политического курса. Заключая контракты "с оплатой издержек плюс определенная надбавка", государство пытается заручиться уверенностью не только в том, что указанные фирмой издержки действительно имели место, но также и в том, что они необходимы в рамках данного контракта. Государство считает любое сокращение издержек само собой разумеющимся, но оно не признает расходов, которые, по мнению его служащих, т. е. бюрократов, не являются обязательными. Результатом этого становится следующее. Фирма-исполнитель расходует некоторую сумму денег в расчете снизить издержки производства. Если это ей удастся, следствием -- при использовании метода "оплата издержек и некоторого процента от издержек" -- будет сокращение прибыли. Если она терпит неудачу, государство не возмещает ее затрат и она несет убытки. Любая попытка изменить что-либо в традиционной производственной рутине оборачивается для нее потерями. Единственный способ избежать наказания -- это просто ничего не менять. В области налогообложения отправным пунктом нового подхода являются ограничения, накладываемые на оплату труда. В настоящее время они затрагивают только максимум оплаты. [В целях борьбы с инфляцией в условиях военного времени президентом США в апреле 1943 г. принято решение "заморозить" заработную плату на верхнем достигнутом пределе.] Однако вряд ли на этом все остановится. Раз принят принцип, предполагающий, что налоговое управление США имеет право объявлять, что определенные издержки, вычеты или убытки являются обоснованными или необоснованными, со временем свобода действий предпринимателя будет ограничена и в отношении других элементов издержек. Тогда управляющие, прежде чем приступить к каким-либо преобразованиям, должны будут убедиться в том, что руководители налоговой службы одобряют необходимые для этого расходы. Директора департаментов государственных сборов станут верховной властью в вопросах промышленного производства. Вмешательство в подбор кадров ЛЮБОЙ вид государственного вмешательства в дела частного предприятия ведет к одинаково катастрофическим последствиям. Оно парализует

инициативу и порождает бюрократизм. Мы не можем рассмотреть все применяемые методы вмешательства. Достаточно будет остановиться на одном наиболее отвратительном явлении. Даже в девятнадцатом веке, в период расцвета европейского либерализма в Европе, частные предприятия никогда не пользовались там такой свободой, как некогда в США. В континентальной Европе любое предприятие и любая корпорация всегда во многих отношениях зависели от произвола государственных органов. Бюрократические учреждения обладали возможностями причинить серьезный ущерб любой фирме. Чтобы избежать таких убытков, управляющие должны были поддерживать хорошие отношения с теми, кто находился у власти. Наиболее часто используемым методом было удовлетворение пожеланий правительства относительно состава совета директоров. Даже в Великобритании совет директоров, куда не входило несколько лордов, считался недостаточно респектабельным. На континенте, в особенности, в Восточной и Южной Европе, в советах было полно бывших министров и генералов, политиков и двоюродных братьев, зятьев, школьных товарищей и прочих друзей этих высокопоставленных лиц. От таких директоров не требовалось никаких коммерческих способностей или опыта работы в сфере бизнеса. Присутствие несведущих людей в советах директоров было более или менее безвредным. Вся их деятельность состояла в получении дивидендов и премий. Но у власть имущих были и другие родственники и друзья, которые не подходили для директорских постов. Для них в штате компаний находили должности с фиксированными окладами. Эти люди приносили гораздо больше вреда, чем пользы. По мере усиления государственного вмешательства в бизнес появилась нужда в администраторах, основной обязанностью которых было улаживать различные конфликты с властями. Сначала существовал только один вице-президент, отвечавший за "вопросы, связанные с государственным управлением". Затем от президента и всех вице-президентов стали в первую очередь требовать, чтобы у них была хорошая репутация в правительстве и политических партиях. В конце концов, уже ни одна корпорация не могла позволить себе "роскошь" иметь руководителя, неугодного правительству, профсоюзам и крупным политическим партиям. Бывшие правительственные чиновники, помощники и советники министров считались наиболее удачными кандидатурами на руководящие должности в корпорациях. Такие администраторы ни в малейшей степени не заботились о процветании компании. Они привыкли к бюрократическим методам управления и изменили в соответствии с ними руководство делами корпораций. К чему беспокоиться о разработке лучшей и более дешевой продукции, если можно рассчитывать на поддержку со стороны государства? Для них основным предметом заботы были правительственные контракты, более действенная тарифная защита и другие привилегии, предоставляемые государством. И они платили за такие льготы взносами в партийные фонды и фонды государственной пропаганды, назначая на руководящие должности людей, угодных властям. Давно прошли те времена, когда работники в штат крупных немецких корпораций отбирались по их деловым и техническим способностям. Бывшие члены фешенебельных и политически благонадежных студенческих клубов имеют больше шансов устроиться на работу и продвигаться по службе, чем способные специалисты. В Америке положение дел, во многом, иное. Как и во всех областях бюрократии, Америка "отстала" и в сфере бюрократизации частного предпринимательства. Трудно сказать, были ли прав министр Иккес [Иккес Гарольд Леклер (1874--1952) -- секретарь по внутренним вопросам (министр внутренних дел) в правительстве США с 1933 по 1946 год], заявив: "Всякий большой бизнес -- это бюрократия" <The New York Times Magazine, January 16, 1944, p. 9>. Но если министр внутренних дел прав или в той мере, в какой он прав, это результат не эволюции частного бизнеса, а растущего государственного вмешательства в бизнес. Зависимость от произвола государственных учреждений ВСЕ американские бизнесмены, имевшие возможность познакомиться с экономической ситуацией в Южной и Восточной Европе, сводят свои наблюдения к двум моментам: предприниматели в этих странах не заботятся об эффективности производства, а правительства находятся в руках

продажных группировок. [В период написания Мизесом книги американским бизнесменам практически были доступны Португалия, Испания, Италия, Греция, в определенной степени -- Югославия. Видимо, Мизес имеет ввиду и довоенные оценки обстановки в Румынии, Болгарии, Венгрии, поскольку политические и экономические системы в этих странах к 1944 году существенно не изменились.] Это в общем и целом верная характеристика. В ней не учитывается, однако, что как неэффективность промышленности, так и продажность являются следствием тех методов государственного вмешательства в бизнес, которые применяются в этих странах. В такой системе государство обладает неограниченными возможностями разорить любое предприятие или одарить его привилегиями. Успех или неудача каждого дела полностью зависят от произвола должностных лиц. Если бизнесмен не является гражданином могущественной иностранной державы, дипломатические и консульские представители которой обеспечивают ему защиту, то он оказывается во власти государственных чиновников и правящей партии. Они могут отнять у него всю собственность и заключить его в тюрьму. С другой стороны, они могут обогатить его. Государство определяет величину таможенных пошлин и фрахтовых тарифов. Оно выдает экспортные и импортные лицензии и отказывает в их выдаче. Каждый гражданин или человек, постоянно проживающий в стране, обязан продавать все свои поступления в иностранной валюте государству по цене, установленной государством. В то же время государство является единственным продавцом иностранной валюты; оно может по своему усмотрению отказывать в удовлетворении заявок на иностранную валюту. В Европе, где почти все виды производства зависят от импорта машин и оборудования, сырьевых материалов и полуфабрикатов из-за границы, такой отказ равносителен закрытию предприятия. Окончательное определение размера налогов оставлено на практически ничем не ограниченное усмотрение властей. Государство может использовать любой предлог для конфискации любого завода или магазина. Парламент является марионеткой в руках правителей; суды тенденциозно подобраны. В такой среде предприниматель вынужден прибегать к двум средствам: дипломатии и подкупу. Он должен использовать эти методы не только по отношению к правящей партии, но также и по отношению к поставленным вне закона и преследуемым оппозиционным группам, которые могут в один прекрасный день захватить власть. Это опасная разновидность двойной игры; только люди, не ведающие страха и запретов, могут выжить в такой прогнившей среде. Бизнесмены, выросшие в условиях более либерального времени, были вынуждены уйти, и на их место пришли авантюристы. Западноевропейские и американские предприниматели, привыкшие к среде, где господствует законность и корректность, терпят крах, если они не прибегают к услугам местных посредников. Эта система, разумеется, не создает особых стимулов для технического усовершенствования. Предприниматель задумывает дополнительные капиталовложения, только если он может купить оборудование в кредит у иностранной фирмы. Быть должником корпорации одной из стран Запада считается большим преимуществом, поскольку предполагается, что дипломаты соответствующей страны будут стремиться обеспечить защиту кредитора и тем самым помогут и должнику. К новым видам производства приступают, только когда государство предоставляет льготы, которые позволяют надеяться на огромные прибыли. Было бы ошибкой вину за эту коррупцию возлагать на систему государственного вмешательства в бизнес и бюрократизм как таковые. Это бюрократизм, выродившийся в рэкет, в организованное вымогательство развращенных политиков. Все же мы должны осознавать, что рассматриваемые страны избежали бы этого порока, если бы не отошли от системы свободного предпринимательства. Послевоенное восстановление хозяйства должно начаться в этих странах с радикальных изменений в политике. -----

Социальный и политический смысл бюрократизации
Философия бюрократизма
ПРОТИВОСТОЯНИЕ, с которым люди сталкивались раньше в борьбе за свободу, было простым и понятным каждому. На одной стороне были тираны и те, кто их поддерживал, на другой -- сторонники народного правления. Политические конфликты представляли собой борьбу различных групп за свое господство. Решался вопрос, кто должен править? Мы или они? Меньшинство или большинство? Деспот, аристократия или народ? Сегодня модная философия "государствопоклонства" сбивает всех с толку. Политические конфликты больше не рассматриваются как столкновения между различными группами людей. В них видят войну двух принципов, добра и зла. Добро воплощено в великом боге Государстве, материализации нетленной идеи нравственности, а зло -- в "грубом индивидуализме" эгоистичных людей. <Таково политическое толкование проблемы. О современном экономическом толковании см. ниже.> В этом противостоянии Государство всегда право, а индивиды всегда не правы. Государство представляет общественное благо, справедливость, цивилизацию и высшую мудрость. Индивид -- всегда лишь жалкий негодяй, порочный глупец. Когда немец говорит "der Staat" [Der Staat (нем.) -- государство] или когда марксист говорит "общество", их охватывает благоговейный страх. Как же человек может быть столь безнадежно испорченным, чтобы восставать против Бога? Людовик XIV был совершенно прям и откровенен, когда сказал: "Государство -это я". [Эту фразу якобы произнес в апреле 1655 г. на заседании французского парламента король Людовик XIV (1643--1715). Хотя, как считают историки, это -легенда, она точно передает дух абсолютизма, достигшего апогея при Людовике XIV.] Современный эстатист скромнее. Он говорит: "Слуга Государства -- это я". Но он имеет в виду. "Государство -- это Бог". Можно было восстать против короля династии Бурбонов, что и сделали французы. Это, разумеется, была борьба человека с человеком. Но нельзя восстать против божественного Государства и против его смиренного помощника, бюрократа. Не будем ставить под сомнение искренность благонамеренного чиновника. Он весь проникнут идеей, что его священный долг состоит в том, чтобы отстаивать своего идола от эгоизма народа. В своих собственных глазах он является борцом за вечный божественный закон. Он не чувствует моральных обязательств перед законами, созданными человеком, перед сводами законов, разработанными защитниками индивидуализма. Люди не могут изменить подлинно божественных законов, законов Государства. Гражданин, нарушивший один из законов своей страны, является преступником, заслуживающим наказания. Он поступил так ради собственной выгоды. Но совершенно другое дело, если чиновник обходит должным образом принятые законы, действуя на благо "Государства". С точки зрения "реакционных" судов, он, возможно, формально виновен в нарушении закона. Но в более высоком нравственном смысле он был прав. Он преступил законы, созданные человеком, чтобы не нарушить божественного закона. В этом суть философии бюрократизма. В глазах должностных лиц писанные законы являются барьерами, возведенными для защиты разных негодяев от справедливых требований общества. Как преступник может избежать наказания только потому, что "Государство", преследуя его в судебном порядке, нарушило какие-то пустые формальности? Как люди могут платить более низкие налоги только потому, что они смогли найти лазейку в налоговом законодательстве? Как юристы могут зарабатывать себе на жизнь, советуя людям, как воспользоваться изъянами в законах? Какой толк от всех этих ограничений, которые писанный закон накладывает на искренние попытки государственных чиновников осчастливить людей? Если бы только не было никаких конституций, биллей о правах, законов, парламентов и судов! Никаких газет и адвокатов! Каким прекрасным стал бы мир, если бы "Государство" имело полную свободу лечить все недуги! От такого мировоззрения до полного тоталитаризма Сталина и Гитлера всего один шаг. Ответ, который следует дать этим бюрократическим радикалам, вполне очевиден. Гражданин может ответить: Вы, возможно, превосходные и благородные люди, гораздо лучше, чем все мы, остальные граждане. Мы не ставим под сомнение вашу компетентность и ум. Но вы не являетесь заместителями Бога, которого

зовут "Государство". Вы -- слуги закона, должным образом принятых законов нашей страны. В ваши обязанности не входит критика законов, а тем более их нарушение. Когда вы нарушаете закон, вы, возможно, ничем не лучше многих вымогателей, какими бы хорошими не были ваши намерения. Ведь вы были назначены на должность, приняли присягу и вам платят за то, чтобы вы проводили законы в жизнь, а не нарушали их. Самый плохой закон лучше бюрократической тирании. Главное различие между насильно задерживающим человека полицейским и похитителем людей, между сборщиком налогов и грабителем заключается в том, что полицейский и сборщик налогов подчиняются закону и обеспечивают его выполнение, тогда как похититель людей и грабитель нарушают его. Устраните закон, и общество будет разрушено анархией. Государство -- это единственный институт, имеющий право применять насилие и принуждение и причинять зло индивидам. Эта огромная власть не может быть предоставлена отдельным людям, какими бы компетентными и умными они себя ни считали. Ее применение необходимо ограничить. Эту задачу выполняют законы. Должностные лица и бюрократы -- это не Государство. Это люди, выбранные для осуществления законов. Такие взгляды могут счесть ортодоксальными и доктринерскими. Они действительно выражают вековую мудрость, ибо альтернативой правлению закона, может быть только правление деспотов. Бюрократическое самодовольство ЗАДАЧА должностного лица -- служить людям. Его должность была учреждена -прямо или косвенно -- законодательным актом и выделением из бюджета средств, необходимых для ее осуществления. Государственный служащий проводит в жизнь законы своей страны. Исполняя свои обязанности, он оказывается полезным членом общества, даже если законы, которые он должен осуществлять, причиняют ущерб общественному благосостоянию. Ведь он не отвечает за их несостоятельность. Виновником в этом случае является суверенный народ, а не преданный исполнитель воли народа. Как винокуры не несут ответственности за то, что люди напиваются, так и государственные служащие не несут ответственности за нежелательные последствия неразумных законов. С другой стороны, нет никакой заслуги бюрократов в том, что их действия приносят большую пользу. То, что департамент полиции работает настолько эффективно, что граждане достаточно хорошо защищены от убийств, грабежа и насилия, не обязывает остальных людей испытывать к полицейским больше благодарности, чем к любым другим согражданам, предоставляющим им полезные услуги. Полицейский или пожарник не может претендовать на большую благодарность людей, чем врачи, машинисты поездов, сварщики, моряки или производители любых полезных товаров. У регулировщика уличного движения не больше оснований для тщеславия, чем у производителя светофоров. Нет никакой заслуги регулировщика в том, что вышестоящие лица наделили его обязанностью, исполняя которую он каждый день и час предотвращает несчастные случаи и спасает жизни многих людей. Это верно, что общество не смогло бы обойтись без услуг полицейских, сборщиков налогов и судебных чиновников. Но также верно и то, что каждый испытал бы большие неудобства от отсутствия мусорщиков, трубочистов и дезинсекторов. В рамках социального взаимодействия каждый гражданин зависит от услуг, предоставляемых всеми его согражданами. Великий хирург и выдающийся музыкант никогда не смогли бы сосредоточить все свои усилия на операциях и музыке, если бы разделение труда не освободило их от необходимости заботиться о многочисленных мелочах, занимаясь которыми они не сумели бы стать прекрасными специалистами. У посла или смотрителя маяка не больше оснований претендовать на звание столпов общества, чем у проводника спального вагона или уборщицы. Ведь при разделении труда общественное здание покоится на плечах всех мужчин и женщин. Существуют, конечно, мужчины и женщины, которые действуют из альтруистических побуждений и совершенно бескорыстно. Человечество никогда не достигло бы современного уровня цивилизации, если бы не героизм и самопожертвование лучших представителей общества. Каждый шаг вперед на пути к улучшению нравственного климата совершался людьми, которые были готовы

пожертвовать своим благосостоянием, здоровьем и жизнью ради дела, которое они считали справедливым и благотворным. Они делали то, что считали своим долгом, не думая о том, что сами они могут подвергнуться преследованиям. Эти люди не работали ради вознаграждения, они были готовы умереть ради дела своей жизни. Немецкие философы-государствопоклонники умышленно запутали дело, окружив ореолом такого альтруистического самопожертвования всех людей, состоящих на государственной службе. В трудах немецких этактистов государственный служащий предстает святым существом, кем-то вроде монаха, презревшего все земные радости и личное счастье ради того, чтобы как можно лучше служить наместнику Бога на земле -- когда-то королю династии Гогенцоллернов [Гогенцоллерны были прусской королевской династией с 1701 по 1918 г., а с 1871 по 1918 г. -одновременно и германской императорской династией], а сегодня -- фюреру. Staatsbeamte работает не за плату, потому что никакое жалование, каким бы большим оно ни было, не может считаться достойным вознаграждением за те бесценные выгоды, которые общество получает благодаря его самоотречению. Общество обязано не просто платить ему, но предоставлять содержание в соответствии с его рангом в должностной иерархии. Было бы неправильно называть это содержание жалованием <см. P. Laband, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, 5-ed., Tubingen, 1911, s. 500>. Только либералы, находящиеся во власти торгашеских предрассудков и заблуждений, пользуются таким неправильным термином. Если бы Beamtengelt (жалование гражданского служащего) являлось настоящим жалованием, было бы только справедливо и естественно обеспечить человеку, занимающему самую скромную должность, больший доход, чем кому бы то ни было за пределами должностной иерархии. Каждый государственный чиновник является, в служебное время, доверенным лицом суверенного и непогрешимого государства. Его свидетельство в суде значит больше, чем показания обычного человека. Все это было полнейшей чепухой. Во всех странах большинство людей поступало на службу в государственные учреждения, потому что оклады и пенсии там были выше, чем в других сферах занятости. Они ничем не жертвовали, служа государству.

Государственная служба была самой выгодной работой, которую они могли найти. В Европе преимущества государственной службы, сводились не только к уровню жалования и пенсий; многих, и не самых лучших, претендентов привлекала легкость работы и обеспеченность существования. Как правило, работа в государственных учреждениях требовала от человека меньше усилий, чем работа в деловых фирмах. Кроме того, место было пожизненным. Служащего могли уволить только после судебного разбирательства, которое признало бы его виновным в позорном пренебрежении своими обязанностями. В Германии, России и Франции каждый год многие тысячи мальчиков, чей жизненный путь был с самого начала полностью определен, поступали в низший класс школ системы среднего образования. Потом им выдадут аттестаты, они получают должности в одном из многочисленных департаментов, прослужат тридцать или сорок лет и уйдут на пенсию. Жизнь не готовила им никаких сюрпризов и сенсаций, все было просто и известно заранее. Различие в социальной престижности государственной службы в континентальной Европе и Америке можно проиллюстрировать следующим примером. В Европе социальная и политическая дискриминация какого-либо меньшинства принимала форму запрещения таким людям занимать любые должности в государственных учреждениях, какими бы скромными и низкооплачиваемыми они ни были. В Германии, Австро-Венгерской империи и многих других странах все эти низшие должности, не требовавшие особых способностей или подготовки, -- такие как должности служителей, швейцаров, глашатаев, посыльных, судебных приставов, курьеров, сторожей -- были официально зарезервированы за бывшими солдатами, которые добровольно отдали действительной военной службе больше лет, чем обязывал закон. Эти должности считались весьма ценной наградой для бывших сержантов и унтер-офицеров. В глазах людей, получить место служителя в каком-либо учреждении было большой привилегией. Если бы в Германии существовал класс с социальным статусом американских негров,

такие люди никогда бы не посмели претендовать на подобные должности. Они знали бы, что эти притязания для них совершенно непомерны. Бюрократ как избиратель БЮРОКРАТ не только наемный работник государства. При демократической конституции он в то же время является и избирателем и в этом качестве - частью суверена, то есть своего нанимателя. Он находится в своеобразном положении: он одновременно и наниматель, и наемный работник. И его денежные интересы, как наемного работника, заметно превышают его интересы, как нанимателя, поскольку он получает из общественных фондов гораздо больше, чем вносит в них. Это двойственное отношение приобретает все большее значение по мере того, как растет количество людей, находящихся на государственной службе. Бюрократ как избиратель больше обеспокоен получением прибавки к жалованью, чем сохранением сбалансированного бюджета. Его основная забота -- раздуть ведомость на заработную плату. На политическую структуру Германии и Франции, в последние годы, предшествовавшие падению их демократических конституций, существенное влияние оказывало то, что для значительной части электората источником доходов было государство. [Принятая в июле 1919 г. так называемая Веймарская германская конституция с приходом к власти нацистов в 1933 г. формально не была отменена, но фактически потеряла всякое значение. Демократическая Конституция Франции перестала действовать на неоккупированной немцами территории страны в июле 1940 г., когда к власти пришло профашистское правительство А. Ф. Петена.] Это были не только многочисленные государственные служащие и люди, занятые в национализированных отраслях промышленности (таких, как железные дороги, почта, телеграф и телефон), но и получатели пособий по безработице и социальному обеспечению, а также фермеры и некоторые другие группы, прямо или косвенно субсидировавшиеся государством. Их главной заботой было получить как можно больше денег из государственных средств. Их не волновали такие "идеальные" вопросы, как свобода, справедливость, верховенство закона, безупречное правительство. Они требовали больше денег, и все. Ни один кандидат в парламент, законодательное собрание провинции или городской совет не мог позволить себе пойти наперекор стремлению государственных служащих получить прибавку к жалованью. Различные политические партии старались превзойти друг друга в щедрости. В XIX веке парламенты настойчиво стремились максимально ограничивать расходы. Но вот бережливость начала вызывать всеобщее презрение. Ничем не ограниченное расходование средств стали считать мудрой политикой. И правящая партия, и оппозиция стремились завоевать популярность своей щедростью. Создание новых учреждений с новыми служащими называли "позитивной" политикой, а любую попытку предотвратить разбазаривание государственных средств пренебрежительно именовали "негативизмом". Представительная демократия не может существовать, если значительная часть избирателей получает плату от государства. Если члены парламента считают себя уже не доверенными лицами налогоплательщиков, а представителями тех, кто получает жалованье, заработную плату, субсидии, пособия по безработице и другие доходы от государственного казначейства, демократии приходит конец. Это одно из противоречий, заложенных в современных конституционных проблемах. Оно заставило многих людей разувериться в будущем демократии. Поскольку они убедились в том, что тенденция к усилению государственного вмешательства в бизнес, росту числа учреждений и служащих, увеличению количества пособий и субсидий неизбежна, они не могли не потерять веру в правление, осуществляемое народом. Бюрократизация сознания СОВРЕМЕННАЯ тенденция к всемогуществу государства и тоталитаризму была бы подавлена в зародыше, если бы ее сторонникам не удалось внушить свои принципы молодежи и воспрепятствовать ее знакомству с положениями экономической науки. Экономическая наука -- это теоретическая дисциплина, и, как таковая, она не говорит человеку, каким ценностям ему следует отдавать предпочтение и к каким целям он должен стремиться. Она не устанавливает конечных целей. Это задача не думающего, а действующего человека. Наука -- продукт мысли, действие - продукт

воли. В этом смысле мы можем сказать, что экономика, как наука, нейтральна по отношению к конечным целям человеческих усилий. Но все обстоит по-другому в отношении средств, применяемых для достижения социальных целей. Здесь экономическая теория является единственным надежным ориентиром для действий. Если люди хотят добиться успеха в достижении каких бы то ни было социальных целей, они должны приспособлять свое поведение к результатам экономических исследований. Примечательным явлением интеллектуальной истории последнего столетия стали нападки на экономическую теорию. Адвокаты всемогущего государства не вступают в дискуссии по соответствующим вопросам. Они называют экономистов обидными именами, бросают тень подозрения на их мотивы, высмеивают их и призывают проклятия на их головы. Исследование этого явления не входит, однако, в задачи нашей книги. Мы должны ограничиться описанием той роли, которую бюрократия сыграла при таком развитии событий. В большинстве стран континентальной Европы университеты находятся в собственности и под управлением государства. Они подчинены контролю со стороны Министерства образования так же, как полицейский участок подчинен контролю руководителя полицейского департамента. Преподаватели -- такие же государственные служащие, как полицейские и таможенники. Либерализм XIX века пытался ограничить право Министерства образования покушаться на свободу университетских профессоров преподавать то, что они считают истинным и правильным. Но поскольку профессоров назначало государство, оно назначало только надежных и верных людей, то есть людей, разделявших точку зрения правительства и готовых изничтожить экономическую науку и излагать доктрину всемогущего государства. Как во всех других областях бюрократизации, Германия XIX века далеко опередила все страны и в этом вопросе. Вряд ли что-либо может лучше охарактеризовать дух немецких университетов, чем отрывок из торжественной речи, которую физиолог Эмиль Дюбуа-Реймон произнес в 1870 году в своем двойном качестве ректора Берлинского университета и президента Прусской Академии наук: "Мы, Берлинский университет, который расположен напротив королевского дворца, самым актом нашего основания являемся интеллектуальными телохранителями дома Гогенцоллернов". [Дюбуа-Реймон Эмиль Генрих (1818--1896) -- видный немецкий естествоиспытатель, один из основоположников электрофизиологии, швейцарец по происхождению.] Сама мысль, что такой верный сторонник короля может исповедовать взгляды, противоположные убеждениям правительства -- его работодателя, непостижима для прусского разума. Отстаивать теорию о том, что существуют такие вещи, как экономические законы, считалось чем-то вроде бунта. Ведь если существуют экономические законы, государство нельзя считать всемогущим: его политика может оказаться успешной только, если она будет учитывать действие этих законов. Поэтому главной заботой немецких профессоров было опровержение скандальной ереси, утверждавшей, что в экономических явлениях существует повторяемость. [Л. Мизес имеет в виду сложившуюся в середине XIX в. в Германии так называемую историческую школу в политической экономии. Ее видные представители В. Рошер, Б. Гильдебранд, К. Книс и др. отрицали самую возможность общей экономической теории, поскольку каждая страна развивается своим особым путем и каких-либо единых закономерностей экономической жизни вообще нет. Эти идеи в несколько модернизированном виде пропагандировались затем и новой (молодой) исторической школой (Г. Шмоллер, А. Брентано, К. Бюхер и др.), господствовавшей в германской экономической науке до 30-х годов нашего столетия.] Преподавание экономической теории было предано анафеме, а на ее место были поставлены *wirtschaftliche Staatswissenschaften* (экономические аспекты политической науки). Единственное, что требовалось от университетского преподавателя общественных наук, -- это поносить рыночную систему и энергично поддерживать государственный контроль. При кайзере радикальных марксистов, открыто призывавших к революционному восстанию и насильственному свержению правительства, не назначали на штатные профессорские должности. Веймарская республика практически уничтожила

такую дискриминацию. [Германию периода 1919--1933 гг. принято именовать Веймарской республикой, поскольку ее конституция была принята заседавшим в г. Веймаре Германским Национальным собранием.] Экономическая наука изучает всю систему социального взаимодействия с учетом взаимовлияния всех решающих факторов и взаимозависимости различных отраслей производства. Ее нельзя разбить на несколько отдельных областей, в которых специалисты могли бы вести исследования, не обращая внимания на остальные области. Просто нелепо изучать деньги, труд или внешнюю торговлю с той же степенью специализации, которая принята у историков, разбивающих историю человечества на отдельные фрагменты. Историю Швеции можно рассматривать почти без всякой связи с историей Перу. Но вы не сможете заниматься ставками заработной платы, не занимаясь в то же самое время товарными ценами, процентными ставками и прибылями. Любое изменение одного из экономических элементов оказывает воздействие на все остальные элементы. Ученый никогда не сможет узнать, к чему приведет определенная политика или какое-либо изменение, если он ограничит свои исследования отдельным сегментом всей системы. Именно этой взаимозависимости не хочет видеть государство, когда оно вмешивается в дела экономики. Государство делает вид, что оно наделено мистической способностью раздавать дары из неистощимого рога изобилия. Оно одновременно всеведуще и всемогуще. По мановению волшебной палочки оно может сотворить счастье и изобилие. Истина заключается в том, что государство не может давать, если оно не берет у кого-то. Субсидия никогда не выплачивается государством из его собственных средств; государство выдает субсидии только за счет налогоплательщика. Инфляция и кредитная экспансия -- излюбленные методы проявления щедрости современным государством -- ничего не добавляют к объему имеющихся ресурсов. Они делают некоторых людей более обеспеченными, но только в той же самой мере, в какой других они делают беднее. Вмешательство в рынок, в установленные спросом и предложением цены товаров, ставки заработной платы и нормы процента в краткосрочном плане достигает целей, к которым стремилось государство. Но в долгосрочном плане эти меры всегда приводят к ситуации, являющейся -- с точки зрения государства -- еще более неудовлетворительной, чем прежнее положение дел, которое они должны были изменить. Государство не обладает возможностями сделать всех людей более обеспеченными. Оно может поднять доходы фермеров, насильственным путем ограничив внутреннее сельскохозяйственное производство. Но более высокие цены за продукцию сельского хозяйства платят потребители, а не государство. Обратной стороной повышения уровня жизни фермеров явится понижение уровня жизни всего остального населения. Государство может защитить маленькие магазины от конкуренции универсагов и цепных магазинов. [Цепные магазины -- множество однотипных торговых точек, принадлежащих какой-либо одной крупной торговой фирме, устанавливающей единые цены, условия продажи и т. п.] Но по счету здесь вновь заплатит потребитель. Государство может улучшить условия жизни части наемных работников, приняв законы, якобы действующие в интересах рабочих, или перестав оказывать сопротивление давлению и принуждению со стороны профсоюзов. Но если такая политика не вызовет соответствующего повышения цен потребительских товаров, возвратив тем самым реальную заработную плату на прежний рыночный уровень, то она приведет к значительной безработице среди тех, кто хочет работать по найму. Изучение такой политики с точки зрения экономической теории неизбежно должно показать ее тщетность. Вот почему бюрократия наложила табу на экономическую науку. Но государство поощряет тех специалистов, которые ограничивают свои наблюдения узкой областью, не заботясь об отдаленных последствиях проводимой политики. Специалист по экономике труда рассматривает только непосредственные результаты прорабочей политики, специалист по экономике сельского хозяйства -- только повышение цен на сельскохозяйственные товары. И один и другой смотрят на проблемы только с точки зрения тех групп давления, которые получают непосредственные выгоды от принимаемых

мер и не обращают внимания на их конечные социальные последствия. Это не экономисты, а пропагандисты мероприятий государства в определенной сфере управления. В условиях государственного вмешательства в бизнес целостная государственная политика давно распалась на плохо скоординированные части. Прошли те времена, когда еще можно было говорить о государственной политике. Сегодня в большинстве стран каждое министерство придерживается собственного курса, противодействуя усилиям других министерств. Министерство труда стремится повысить ставки заработной платы и снизить стоимость жизни. Но подчиняющееся тому же правительству министерство сельского хозяйства стремится повысить цены на продовольственные товары, а министерство торговли пытается при помощи таможенных тарифов поднять внутренние цены на товары. Одно министерство борется с монополиями, а другие стараются -- при помощи тарифов, патентов и других средств -- создать условия, необходимые для существования монополистических ограничений. И каждое министерство ссылается на мнение эксперта, специализирующегося на изучении соответствующей сферы. Итак, студентов более не посвящают в тайны экономической науки. Они изучают бессвязные и разрозненные факты о различных мероприятиях государства, противоречащих друг другу. Их диссертации и дипломные работы посвящены не экономической теории, а различным сюжетам из экономической истории и различным примерам государственного вмешательства в бизнес. Эти подробные и хорошо документированные статистические исследования ближайшего прошлого (ошибочно называемые исследованиями современного положения) представляют большую ценность для будущего историка. Они не менее важны для профессионального обучения юристов и конторских служащих. Но они, конечно, не могут компенсировать отсутствие теоретического экономического образования. Поразительно, что докторская диссертация Штреземана была посвящена условиям торговли бутылочным пивом в Берлине. [Штреземан Густав (1878--1929) -германский политический деятель, один из основателей и руководителей немецкой народной партии; в августе-ноябре 1923 г. -- глава правительства (рейхсканцлер), одновременно с августа 1923 г. -- министр иностранных дел.] Учитывая, как строится расписание учебного времени в немецких университетах, можно с уверенностью сказать, что значительную часть своих университетских трудов Штреземан посвятил изучению организации сбыта пива и состояния потребления его населением. Таков интеллектуальный багаж, которым прославленная университетская система Германии снабдила человека, ставшего рейхсканцлером в самые критические годы немецкой истории. После того, как старые профессора, получившие свои кафедры во время краткого расцвета немецкого либерализма, умерли, в университетах рейха стало невозможно услышать что-либо об экономической науке. Немецких экономистов больше не было, а книги иностранных авторов нельзя было найти в библиотеках, обслуживавших университетские семинары. Обществоведы не последовали примеру профессоров теологии, знакомивших своих студентов с принципами и догматами других церквей и сект и с философией атеизма, потому что стремились доказать несостоятельность убеждений, которые считали еретическими. Все, что студенты, изучающие общественные дисциплины, узнавали от своих преподавателей, сводилось к тому, что экономическая теория -- ложная наука, а так называемые экономисты являются, как сказал Маркс, сикофантами-апологетами несправедливых классовых интересов буржуазных эксплуататоров [Сикофанты -- профессиональные доносчики и клеветники. Мизес, очевидно, имеет в виду следующее место из предисловия ко второму изданию I тома "Капитала": "Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теория, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна... Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой" (К. Маркс, Ф. Энгельс, т. 23, с. 17). Сикофантами именовал Маркс современных ему экономистов в ряде своих работ.], готовыми продать людей крупному бизнесу и финансовому капиталу <см. L. Pohle, Die gegenwartige Krise

der deutschen Volkswirtschaftslehre, 2-ed., Leipzig, 1921>. Выпускники покидали университеты убежденными сторонниками тоталитаризма нацистского или марксистского толка. Аналогичным было положение и в других странах. Наиболее престижным учебным заведением Франции являлась Ecole Normale Supérieure в Париже [Ecole Normale Supérieure (фр.) -- Высшая педагогическая школа. Основанное после Великой французской революции, это высшее учебное заведение неизменно стоит очень высоко по академическому уровню и престижу]; ее выпускники занимали большинство важных постов в сферах государственного управления, политики и высшего образования. Господствующую роль в этом учебном заведении играли марксисты и другие сторонники полного государственного контроля. В России царское правительство не допускало на университетские кафедры никого, кто был заподозрен в сочувствии либеральным идеям "западной" экономической науки. Но в то же время оно приглашало на эти кафедры многих марксистов, принадлежавших к "легальному" крылу марксизма, то есть тех, кто не разделял убеждений революционных фанатиков. Таким образом, цари сами способствовали последовавшему триумфу марксизма. Европейский тоталитаризм является результатом господства бюрократии в области образования. Университеты подготовили почву для диктаторов. Сегодня как в России, так и в Германии университеты являются главными оплотами однопартийной системы. Не только общественные науки, история и философия, но и все другие отрасли знания, искусства и литературы строго регламентированы или, как говорят нацисты, gleichgeschaltet [gleichgeschaltet (нем.) - унифицированный]. Даже такие наивные и доверчивые поклонники Советов, как Сидней и Беатриса Вебб, были шокированы, когда обнаружили, что "Журнал марксистско-ленинских естественных наук" выступает "за партийность в математике" и "за чистоту марксистско-ленинской теории в хирургии", и что "Советский вестник венерологии и дерматологии" стремится рассматривать все обсуждаемые проблемы с точки зрения диалектического материализма <Sidney and Beatrice Webb, Soviet Communism: A New Civilization? N. Y., 1936, II, p. 1000>.[Вебб Сидней (1859--1947) и его супруга Беатриса (1858--1943) -английские социалисты, стоявшие у истоков "умеренного", так называемого фабиарского социализма. В 1932 г. Веббы посетили СССР и в 1935 г. опубликовали двухтомную работу "Советский коммунизм -- новая цивилизация?", в целом дружественную по отношению к большевистскому государству, хотя и критичную в частностях.] Кто должен быть хозяином? В любой системе разделения труда необходим определенный принцип координации деятельности людей различных профессий. Усилия специалиста будут бессмысленными и противоречащими поставленной цели, если ориентиром для него не станет верховенство народа. Разумеется, единственной целью производства является обслуживание потребителей. В рыночном обществе направляющим принципом является мотив получения прибыли. В условиях государственного контроля им является строгая регламентация. Третьей возможности не существует. Для человека, которым не движет стремление делать деньги на рынке, должен быть разработан свод правил, которые говорили бы ему, что и как делать. Один из доводов, чаще всего приводимых против либерально-демократической системы капитализма, заключается в том, что она в основном подчеркивает права индивида, забывая о его обязанностях. Люди настаивают на своих правах и не помнят о своих обязанностях. Однако с точки зрения общества права граждан имеют большее значение, чем их обязанности. Нам нет необходимости останавливаться на политических и конституционных аспектах антидемократической критики. Права человека, систематизированные в различных биллях о правах, были провозглашены для защиты индивида от произвола государства. Если бы не они, люди были бы рабами деспотических правителей. В экономической сфере право приобретения собственности и владения ею не является привилегией. Это принцип, обеспечивающий наиболее полное удовлетворение нужд потребителей. Тот, кто хочет зарабатывать, приобретать и владеть богатством, непременно должен служить потребителям. Мотив получения прибыли является

средством, обеспечивающим верховенство народа. Чем лучше человеку удастся обслужить потребителя, тем больше его заработок. Каждый получает выгоду от того, что предприниматель, производящий хорошие ботинки с минимальными затратами, становится богатым; большинство людей понесли бы те или иные потери, если бы закон ограничил его право становиться богаче. Такой закон был бы выгоден только его менее умелым конкурентам. Это бы не снизило, а подняло цены на ботинки. Прибыль -- вознаграждение за наилучшее выполнение каких-либо добровольно взятых обязательств. Это средство, обеспечивающее верховенство масс. Простой человек является потребителем, на которого работают капитаны промышленности и все те, кто им помогает. Возражают, что это не соответствует действительности в случае крупной промышленности. У потребителя нет выбора: либо пользоваться услугами данной компании, либо отказаться от удовлетворения жизненно важной потребности. Он, таким образом, вынужден соглашаться на любую цену, запрашиваемую предпринимателем. Крупная компания является уже не поставщиком и партнером, а хозяином. Ничто не заставляет ее совершенствоваться и удешевлять свои услуги. Давайте рассмотрим пример железной дороги, соединяющей два города, между которыми нет никакой другой железнодорожной линии. Мы можем даже не принимать во внимание тот факт, что с железными дорогами конкурируют другие транспортные средства: автобусы, легковые автомобили, самолеты и речные суда. При таких допущениях каждый, кто захочет путешествовать, действительно будет вынужден обратиться к услугам железной дороги. Но это не ликвидирует заинтересованности компании в хорошем и дешевом обслуживании. Не каждый, кто задумывает поездку, вынужден ехать на любых условиях. Число пассажиров, едущих по делу или ради удовольствия, зависит от эффективности обслуживания и платы, взимаемой за проезд. Часть людей поедет в любом случае. Другие поедут, только если качество, быстрота обслуживания и невысокая плата сделают поездку привлекательной. От поведения именно этой второй группы будет зависеть, как пойдут дела компании -- вяло или даже плохо, или же она будет высокорентабельной. Если это верно для железной дороги при таких крайних допущениях, которые были сделаны выше, то это тем более верно для любой другой отрасли бизнеса. Все специалисты, будь то бизнесмены или люди, обладающие определенной профессией, прекрасно осознают свою зависимость от директив потребителей. Каждодневный опыт учит их тому, что при капитализме их основной обязанностью является обслуживание потребителей. Те специалисты, которые не в состоянии понять основополагающие социальные проблемы, глубоко презирают это "рабство" и хотят освободиться от него. Бунт специалистов с ограниченным мировоззрением является мощной силой, подталкивающей ко всеобщей бюрократизации. Архитектор должен приспособлять свои проекты к пожеланиям тех, для кого он строит дома, или -- применительно к многоквартирным домам -- к запросам домовладельца, желающего иметь здание, которое понравилось бы будущим квартиросъемщикам и в котором поэтому легко было бы сдать квартиры. Нет нужды выяснять, прав ли архитектор, считающий, что он лучше знает, как должен выглядеть красивый дом, чем невежественные непрофессионалы, которым недостает хорошего вкуса. Возможно, он бесится от ярости, когда бывает вынужден портить свои великолепные проекты, чтобы угодить заказчику. И он мечтает о таком идеальном состоянии дел, при котором он мог бы строить дома, соответствующие его собственным художественным стандартам. Он грезит о государственном Управлении жилищного строительства и в своих мечтах видит себя во главе этого учреждения. Тогда-то он будет строить жилье по-своему. Этот архитектор был бы чрезвычайно обижен, если бы кто-то назвал его будущим диктатором. Моя единственная цель, -- мог бы возразить он, -- приносить людям радость, предоставляя в их распоряжение более красивые дома; эти люди слишком невежественны, чтобы знать, что больше всего будет способствовать повышению их благосостояния; о них должен позаботиться специалист, находящийся под покровительством государства; следует принять закон, запрещающий строительство

некрасивых зданий. Но давайте зададимся вопросом, кто должен решать, какой архитектурный стиль следует считать хорошим, а какой плохим? Наш архитектор ответит: "Конечно, я, знаток своего дела". Он смело отмечает тот факт, что даже среди архитекторов существуют значительные расхождения относительно стилей и их художественной ценности. Мы не хотим специально подчеркивать, что наш архитектор при бюрократической диктатуре, и особенно -- при тоталитаризме, не будет волен строить в соответствии со своими собственными идеями. Ему придется подчиняться вкусам своего бюрократического начальства, а те будут зависеть от капризов верховного диктатора. В нацистской Германии архитекторы не свободны. Они должны приспособливаться к замыслам неудавшегося художника Гитлера. Гораздо важнее следующее. В сфере эстетики, так же как и во всех других сферах приложения человеческих сил, не существует абсолютных критериев, определяющих, что прекрасно, а что нет. Если человек заставляет своих сограждан подчиняться его представлениям о ценностных нормах, он вовсе не делает их счастливее. Они сами решают, что приносит им счастье и что им нравится. Вы не сделаете более счастливым человека, который хочет пойти на представление "Ирландской розы", если вместо этого заставите его пойти на великолепную постановку "Гамлета". Вы можете издеваться над его плохим вкусом. Но только сам он является верховным судьей в том, что касается его собственного удовлетворения. Диетолог с диктаторскими замашками хочет, чтобы его сограждане ели в соответствии с его собственными представлениями об идеальном питании. Он хочет обращаться с людьми так же, как животновод обращается со своими коровами. Он не в состоянии понять, что питание не самоцель, а средство достижения других целей, фермер кормит свою корову не для того, чтобы сделать ее счастливее, а ради определенной цели, которой может служить хорошо откормленная корова. Существуют различные системы кормления коров. Которую из них он выберет, будет зависеть от того, хочет ли он получить как можно больше молока, или мяса, или чего-то еще. Каждый диктатор намеревается разводить, выращивать, кормить и приучать своих сограждан так же, как животновод обращается со своими коровами. Его цель не сделать людей счастливее, а привести их в такое состояние, которое сделает его, диктатора, счастливым. Он хочет превратить их в домашних животных, перевести на положение скота. Животновод тоже является доброжелательным диктатором. Итак, вопрос таков: кто должен быть хозяином? Должен ли человек свободно выбирать свой путь к тому, что, как он считает, сделает его счастливым? Или же диктатор должен пользоваться своими соотечественниками как пешками, стремясь сделать себя, диктатора, счастливее? Можно признать, что некоторые специалисты правы, когда говорят нам, что большинство людей ведет себя глупо, пытаясь добиться счастья. Но вы не сделаете человека счастливее, поместив его под чью-либо опеку. Эксперты различных государственных учреждений, безусловно, прекрасные люди. Но они не правы, если возмущаются всякий раз, когда законодательные органы расстраивают их тщательно продуманные замыслы. Какая польза от представительного правления, спрашивают они, -- ведь оно только препятствует выполнению наших добрых намерений. Но вопрос стоит только так: кто должен править страной? Избиратели или бюрократы? Любой полудурок может взять кнут и заставить других людей подчиниться. Но для того, чтобы служить народу, нужны голова и кропотливый труд. Лишь немногим удастся производить ботинки дешевле и лучше конкурентов. Неумелый специалист всегда будет стремиться к бюрократическому господству. Он прекрасно знает, что не может добиться успеха в рамках конкурентной системы. Всесторонняя бюрократизация -- это его спасение. Опираясь на властные полномочия своего учреждения, он будет добиваться выполнения своих решений при помощи полиции. В основе всей этой фанатичной пропаганды планирования и социализма часто нет ничего, кроме внутреннего осознания своей неполноценности и никчемности. Человек, который знает, что не способен выдержать конкуренцию, издевается над "этой безумной системой конкуренции". Тот, кто

не в состоянии служить своим согражданам, хочет управлять ими. -----

Психологические последствия бюрократизации Немецкое молодежное движение ОТ философии Горацио Олджера "интеллектуалы" воруют нос. [Олджер Горацио (1832--1899) -- американский церковный писатель, автор нравоучительных рассказов для подростков.] И все же Олджеру лучше, чем кому бы то ни было, удалось выделить наиболее характерные черты капиталистического общества. Капитализм -- это система, в которой у каждого есть шанс приобрести богатство; она предоставляет каждому неограниченные возможности. Конечно, удача сопутствует не каждому. Очень немногие становятся миллионерами. Но каждый знает, что энергичные усилия, и только они, приносят успех. Для сообразительного юноши открыты все дороги. Он с оптимизмом смотрит в будущее, осознавая свою собственную силу. У него есть уверенность в себе, и он полон надежд. А когда он становится старше и понимает, что многие из его замыслов не сбылись, у него нет оснований для отчаяния. Его дети вновь вступят в это соревнование, и он не видит никаких причин, которые помешали бы им победить там, где он потерпел поражение. Жизнь стоит того, чтобы ее прожить: ведь она так много обещает. Это без преувеличений было верно для Америки. В старой Европе еще сохранялись многие ограничения, унаследованные от ancien regime. [L'ancien regime (фр.) - букв. "старый режим". Термин широко использовался для обозначения феодальных порядков, существовавших до Великой французской революции.] Даже в период расцвета либерализма аристократия и чиновничество боролись за сохранение своих привилегий. В Америке не было таких пережитков средневековья. В этом смысле она была молодой страной, и это была свободная страна. Здесь не было ни цеховых ограничений, ни гильдий. Томас Алва Эдисон и Генри Форд не должны были преодолевать преграды, возведенные недалёковидными правительствами и общественным мнением, находящимся во власти предрассудков. [Эдисон Томас Алва (1847--1931) -- автор более чем 1000 изобретений, организатор первой в США промышленно-исследовательской лаборатории. Генри Форд (1863--1947) -- один из создателей американской автомобильной промышленности, идеолог конвейерного производства. Оба они не имели образования и происходили из бедных семей.] В таких условиях побудительным мотивом для подрастающего поколения служит дух первооткрывательства. Молодые люди приходят в бурно развивающееся общество и понимают, что должны внести и свой собственный вклад в улучшение жизни человека. Они изменяют мир, устроят его в соответствии со своими собственными представлениями. У них нет времени на пустяки, завтрашний день принадлежит им и они должны подготовиться к великим делам, которые их ждут впереди. Они не рассуждают о своей молодости и о правах молодежи -- они поступают так, как должны поступать молодые люди. Они не кичатся своим "динамизмом" -- они действительно динамичны и им не нужно особо подчеркивать это качество. Они не бросают вызов старшему поколению своими надменными разговорами -- они хотят превзойти его своими делами. Но все обстоит совершенно по-другому в условиях нарастающей бюрократизации. Служба в государственном учреждении не предоставляет человеку возможностей для проявления талантов и способностей. Жесткая регламентация губит инициативу. У молодого человека нет никаких иллюзий относительно своего будущего. Он знает, что его ждет впереди. Он получит место в одной из бесчисленных контор. Он будет всего лишь винтиком в огромной машине, работа которой носит, в основном, механический характер. Рутинная бюрократическая практика изуродует его разум и свяжет ему руки. Его положение будет надежным. Но эта надежность скорее похожа на то, что ощущает заключенный в стенах тюрьмы. Он никогда не будет волен принимать решения и определять свою собственную судьбу. Он всегда будет человеком, о котором заботятся другие люди. Он никогда не станет настоящим человеком, полагающимся на свои собственные силы. Он содрогается при виде огромных

административных зданий, в которых ему предстоит похоронить себя. В десятилетие перед первой мировой войной Германия, которая далее других стран продвинулась по пути бюрократической регламентации, стала свидетельницей появления ранее неизвестного феномена -- молодежного движения. Буйные компании неопрятных мальчишек и девчонок носились по стране, производя много шума и прогуливая занятия в школе. В напыщенных словах они провозгласили евангелие золотого века. Люди всех предшествовавших поколений, провозглашали они, были просто идиотами; их никчемность превратила землю в ад. Но подрастающее поколение не желает дольше терпеть геронтократию -- господство бессильных и слабоумных стариков. Отныне будут править блестящие молодые люди. Они разрушат все старое и бесполезное, они откажутся от всего, что было дорого их родителям, они заменят устаревшие и ложные ценности капитализма и буржуазной цивилизации новыми, подлинными и реальными ценностями и идеологиями, и они построят новое общество гигантов и суперменов. Напыщенная речь этих юношей была лишь плохим прикрытием отсутствия у них каких-либо идей и какой-либо определенной программы. Им было нечего сказать, кроме следующего: мы молоды и поэтому являемся избранными; мы изобретательны, потому что молоды; мы носители будущего; мы смертельные враги прогнивших буржуа и филистеров. И если кто-либо не боялся спросить, каковы их планы, они знали только один ответ: "Наши вожди решат все проблемы". Побуждать к изменениям всегда было делом нового поколения. Но характерной чертой этого молодежного движения было то, что у его участников не было ни новых идей, ни новых замыслов. Они и назвали свою деятельность "молодежным движением" именно потому, что у них не было никакой программы, именем которой они могли бы назвать свои начинания. На деле они полностью поддержали программу своих родителей. Они не выступили против тенденции к всемогуществу государства и бюрократизации. Их революционный радикализм был ничем иным, как дерзостью возраста между детством и зрелостью; он был проявлением, затянувшегося полового созревания. Он был лишен какого-либо идеологического содержания. Лидеры молодежного движения были психически неуравновешенными неврастениками. Многие из них страдали болезненной сексуальностью; они были или развратниками, или гомосексуалистами. Никто из них не отличился в какой-либо сфере деятельности и не внес никакого вклада в прогресс человечества. Их имена давно забыты; единственный след, который они оставили, -- это несколько книжек и стихотворений, проповедовавших сексуальные извращения. Но большинство их последователей были совершенно другими. У них была только одна цель -- как можно скорее получить работу на государственной службе. Те, кого не убили в войнах и революциях, сегодня стали педантичными и робкими бюрократами в бесчисленных учреждениях немецкого *Zwangswirtschaft*. Это послушные и преданные рабы Гитлера. Но они будут не менее послушными и преданными подручными того, кто придет после Гитлера, будет ли он немецким националистом или марионеткой Сталина. Из Германии молодежное движение распространилось на другие страны. Под маской молодежного движения скрывал себя итальянский фашизм Песня его партии "Giovinezza" -- это гимн молодежи [Giovinezza (ит.) -- буквально "молодость" -- гимн итальянских фашистов]. Его шутовской дуче, когда ему было уже далеко за пятьдесят, все еще гордился своей юношеской энергией и скрывал свой возраст, как кокетливая дама. Но единственной заботой рядового фашиста было получить работу на государственной службе. Во время эфиопской войны [в октябре 1935 г. итальянские войска вторглись в Эфиопию; к июню 1936 г. оккупация Эфиопии была завершена и правительство Италии объявило о включении Эфиопии в состав колонии "Итальянская Восточная Африка"] автор этих строк попросил нескольких выпускников одного из крупнейших университетов Италии объяснить причины их враждебности по отношению к Франции и Великобритании. Ответ был поразительным. "Италия, -- сказали они, -- не предоставляет достаточно возможностей своей интеллигенции. Мы хотим завоевать британские и французские колонии, чтобы получить в административных

службах этих территорий места, которые сейчас находятся в руках британских и французских бюрократов". Молодежное движение было выражением неуверенности, ощущавшейся молодыми людьми перед лицом мрачной перспективы, которую готовила им общая тенденция к строгой регламентации жизни. Но это был фальшивый бунт, обреченный на провал, потому что они не осмеливались всерьез бороться с нараставшей угрозой всестороннего государственного контроля и тоталитаризма. Шумные лжебунтари были бессильны, потому что сами находились во власти тоталитаристских предрассудков. Они занимались подстрекательской болтовней и распевали провокационные песни, но, прежде всего, они хотели получить должности на государственной службе. Сегодня в странах, дальше других продвинувшихся по пути к тоталитаризму, молодежное движение мертво. В России, Германии и Италии дети и подростки прочно интегрированы во всеохватывающую систему государственного контроля. С самого нежного возраста дети становятся членами политических организаций. С колыбели до могилы все граждане зависят от механизма однопартийной системы; они обязаны подчиняться, не задавая вопросов. Не разрешены никакие "частные" ассоциации или собрания. Официальный аппарат не терпит никакой конкуренции. Официальная идеология не терпит никакого инакомыслия. Такова реальность бюрократической утопии. Судьба подрастающего поколения МОЛОДЕЖНОЕ движение было бессильным и бесплодным бунтом юношества против угрозы бюрократизации. Оно было обречено, потому что не было направлено против корня зла -- тенденции к социализации. Фактически оно было ничем иным, как выражением смутной тревоги, без каких-либо ясных идей и определенных планов. Восставшие юноши были настолько зачарованы социалистическими идеями, что просто не знали, чего они хотели. Очевидно, что молодежь становится первой жертвой тенденции к бюрократизации. Молодые люди лишаются всякой возможности определять свою собственную судьбу. Им не оставлено никаких шансов. Фактически они являются "потерянным поколением", поскольку у них нет самого драгоценного права любого подрастающего поколения -- права внести что-то новое в старую копилку цивилизации. Лозунг "Человечество достигло стадии зрелости" обрекает их на гибель. Что это за молодые люди, которым больше нечего изменять и улучшать, единственная перспектива для которых -- начав службу с низшей ступеньки бюрократической лестницы, медленно карабкаться вверх, строго соблюдая правила, сформулированные начальниками? С их точки зрения, бюрократизация означает подчинение молодых господству стариков. Это равносильно возврату к чему-то вроде кастовой системы. У всех народов и цивилизаций во времена, предшествовавшие подъему современного либерализма и его детища -- капитализма, -- основанием общества был социальный статус. Народ был разделен на касты. Существовали привилегированные касты - короли и знать и непривилегированные касты -- крепостные и рабы. Человек рождался в определенной касте, оставался в ней на протяжении всей своей жизни и передавал свой кастовый статус детям. Тот, кто рождался в одной из низших каст, был навсегда лишен права достичь того положения в жизни, которое было предназначено для привилегированных. Либерализм и капитализм отменили все виды подобной дискриминации и сделали всех людей равными перед законом. Теперь практически каждый мог претендовать на любое место в обществе. Марксизм дает иное толкование достижений либерализма. Главной догмой Карла Маркса является теория существования непримиримого противоречия между экономическими классами. Капиталистическое общество разделено на классы, интересы которых антагонистичны. Классовая борьба поэтому неизбежна. Она исчезнет только в будущем бесклассовом социалистическом обществе. Наиболее примечательным моментом в этой теории было то, что она никогда не была ясно изложена. В "Коммунистическом манифесте" для иллюстрации классовой борьбы взяты конфликты между кастами. Затем Маркс добавляет, что в современном буржуазном обществе возникли новые классы. Но он так нигде и не сказал, что такое класс и что он имел в виду, говоря о классах с антагонистическими противоречиями между ними и соотнося классы с кастами. Все его сочинения

основываются на этих, так нигде и не определенных понятиях. Хотя Маркс неумышленно публиковал все новые книги и статьи, полные изощренных определений и схоластических тонкостей, он нигде не пытался четким языком объяснить, в чем же заключается отличительная черта экономического класса. Когда он умер, через тридцать пять лет после опубликования "Коммунистического манифеста", рукопись третьего тома его главного труда "Капитала" осталась незаконченной. Примечательно то, что рукопись обрывается как раз в том месте, где должно быть дано объяснение этого фундаментального понятия всей его философии. [Глава 52 третьего тома "Капитала" так и называется "Классы". Ближайший вопрос, на который мы должны ответить, -- писал здесь Маркс, -- таков: "что образует класс..." (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, с. 458). Но через четыре фразы рукопись обрывается.] Ни Маркс, ни один из его многочисленных последователей не смогли сказать нам, что же представляет собой общественный класс [Л. Мизес здесь не совсем справедлив. У Маркса и Энгельса действительно нет определения класса, но широко известно определение класса, данное Лениным: "большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают". (Полн. собр. соч., т. 39, с. 15)] и, тем более, действительно ли общественные классы играют в социальной структуре ту роль, которую приписывает им теория. Конечно, с логической точки зрения, допустима классификация явлений в соответствии с любым выбранным признаком. Вопрос лишь в том, будет ли классификация на основе выбранного признака полезной для дальнейшего исследования и для уточнения и пополнения наших знаний. Вопрос поэтому не в том, существуют ли на самом деле марксовы классы, а в том, имеют ли они то значение, которое приписывал им Маркс. Марксу не удалось дать точное определение понятия общественного класса, которое он использовал во всех своих сочинениях в весьма расплывчатом и нечетком виде, потому что ясное определение обнаружило бы никчемность и бесполезность этого понятия для изучения экономических и социальных проблем и абсурдность приравнивания его к социальным кастам. Характерной чертой касты является ее жесткая замкнутость. Для общественных классов, о которых говорил Маркс, назвавший капиталистов, предпринимателей и наемных рабочих особыми классами, характерна подвижность. В составе различных классов происходят постоянные изменения. Где сегодня потомки тех, кто во времена Маркса были предпринимателями? И где были предки современных предпринимателей во времена Маркса? В современном капиталистическом обществе каждый имеет возможность занять любое социальное положение. Мы можем назвать классом американских сенаторов, не нарушая никаких логических принципов. Но было бы ошибкой приравнивать их к наследственной аристократической касте, несмотря на то, что некоторые сенаторы могут быть потомками сенаторов прежних времен. Мы уже подчеркивали тот факт, что действующие на рынке анонимные силы постоянно заново определяют, кто должен быть предпринимателем и кто капиталистом. Потребители, так сказать, голосуют так, как будто они занимают высокопоставленные позиции, позволяющие регулировать экономическую структуру нации. При социализме же нет ни предпринимателей, ни капиталистов. В этом смысле, а именно в том, что класс, как его понимал Маркс, перестает существовать, социализм был правильно назван им бесклассовым обществом. Но это ничего не дает исследователю. Будут существовать другие различия в функциях социальных групп, которые мы сможем назвать классами, безусловно, с неменьшим основанием, чем то, которое было у Маркса. Будут существовать те, кто отдает приказания, и те, кто обязан их беспрекословно выполнять. Будут существовать те, кто разрабатывает планы, и те, чье дело эти планы выполнять. Действительное значение имеет только то, что при капитализме каждый является творцом своего будущего. Юноша, который хочет улучшить свою участь,

должен полагаться на свои собственные силы и усердие. При "голосовании" потребители выносят свой приговор, не взирая на личности. Ценятся достижения кандидата, а не его личность сама по себе. Хорошо выполненная работа и добросовестно предоставленные услуги -- единственное средство добиться успеха. При социализме, напротив, начинающий должен угодить тем, кто уже достиг положения в обществе. Они не любят слишком способных новичков (таких людей не любят и давно утвердившиеся предприниматели, но при суверенитете потребителей они не могут воспрепятствовать их конкуренции). В бюрократической машине социализма для повышения в должности нужны не достижения, а покровительство начальства. Молодежь полностью зависит от благосклонности стариков. Подрастающее поколение находится во власти пожилых людей. Этот факт бесполезно отрицать. В социалистическом обществе не существует марксовых классов. Но там существует непримиримое противоречие между теми, кто выступает в поддержку Сталина или Гитлера, и теми, кто выступает против. И чисто по-человечески можно понять диктатора, предпочитающего тех, кто разделяет его точку зрения и восхваляет его деятельность, тем, кто этого не делает. Напрасно итальянские фашисты сделали гимн молодежи своей партийной песней, а австрийские социалисты учили своих детей петь: "Мы молоды, и это прекрасно". Вовсе не прекрасно быть молодым в условиях бюрократического управления. Единственное право, которым молодые люди пользуются в этой системе, -- это быть покорными, смиренными и послушными. Здесь нет места для непокорных новаторов, у которых есть свои собственные идеи. Это больше, чем кризис молодежи. Это кризис прогресса и цивилизации. Человечество обречено, если молодые люди лишены возможности перестраивать общество на свой собственный лад. Авторитарная опека и прогресс ОТЕЧЕСКОЕ правление, проводимое орденом достойных и мудрых людей, любой элитой благородных бюрократов, может претендовать на особо выдающегося сторонника - Платона. Идеальным и совершенным государством Платона должны управлять бескорыстные философы. Это неподкупные судьи и беспристрастные должностные лица, строго соблюдающие вечные и неизменные законы справедливости. В этом и состоит характерная особенность философии Платона: он не обращает никакого внимания на эволюцию социальных и экономических условий и на изменения в представлениях людей относительно целей и средств. Существует неизменный образец хорошего государства, и любое отклонение реальной ситуации от этой модели не может быть ничем иным кроме коррупции и деградации. Проблема заключается просто в том, чтобы создать совершенное общество и затем оберегать его от каких бы то ни было изменений, поскольку изменения равносильны ухудшению. Социальные и экономические институты неизменны. Понятие прогресса в знаниях, технических приемах, методах организации производства и общества чуждо разуму Платона. И все более поздние утописты, создававшие свои проекты земного рая по образцу, данному Платоном, также верили в неизменность человеческих отношений. Платоновский идеал правления элиты был воплощен в жизнь Католической Церковью. Римско-католическая Церковь, в той ее организационной структуре, в какой она вышла из Контрреформации после Тридента, является совершенной бюрократией. [В первой половине XVI в. в Европе развернулось антикатолическое движение, получившее название реформации (от латинского reformatio -- преобразование). С середины века католицизм перешел в контрнаступление, началась контрреформация. В этом процессе большую роль сыграл Тридентский вселенский собор католической церкви, заседавший с 1545 по 1563 год (с перерывами) в итальянском городе Тренто (по латыни -- Тридентум). Тридентский собор признал непререкаемость папской власти и верховенство ее решений по отношению к Вселенским соборам, расширил права епископов по надзору за духовенством, ввел строгую цензуру.] Она успешно решила самую щекотливую проблему любого недемократического правления -- проблему отбора высших должностных лиц. Практически для каждого мальчика открыт доступ к самым высоким постам в церковной иерархии. Местный священник старается облепить путь к образованию для наиболее

одаренных юношей своего прихода; их обучают в епископской семинарии; после посвящения в духовный сан их карьера полностью зависит от их характера, рвения и интеллекта. Среди прелатов немало отпрысков знатных и богатых семей. Но этим положением они обязаны не своему происхождению. Они должны были конкурировать на почти что равных условиях с детьми крестьян, рабочих и крепостных. Кардиналы, настоятели монастырей и преподаватели теологических университетов -- это действительно выдающиеся люди. Даже в наиболее развитых странах они составляют достойную конкуренцию самым блестящим ученым, философам, естествоиспытателям и государственным деятелям. Этот изумительный пример имеют в виду авторы всех современных социалистических утопий. В явной форме это делали два предшественника нынешнего социализма: граф Анри де Сен-Симон и Огюст Конт. [Сен-Симон Клод Анри (1760--1825) -французский социалист-утопист. По Сен-Симону, в социалистическом обществе иерархия должна быть только иерархией способностей, предприниматели должны стать чем-то вроде общественных чиновников, а гарантом соблюдения правил нового общежития должна быть сила религиозного веления (концепция "нового христианства"). Конт Огюст (1798--1857) -- французский социолог и философ-позитивист, в молодости -- ученик и секретарь Сен-Симона, от которого он взял многое, и в частности, идею необходимости новой "очищенной религии". Разработанный Контом до подробностей идеал будущего общества предусматривает жесткую иерархию служителей культа человечества с верховным главою, подобную католической иерархии во главе с папой римским.] Но, по существу, то же самое было и у всех других социалистических авторов, хотя, по очевидным причинам, они не указывали на Церковь как на модель. Невозможно было найти никаких иных примеров совершенной иерархии, кроме того, что представил нам католицизм. Однако ссылка на Церковь ошибочна. Царство христианства, которым правит Папа и другие епископы, не подлежит никаким изменениям. Оно построено на вечной и непреложной доктрине. Символ веры установлен навеки. Здесь не существует прогресса и эволюции. Здесь есть только подчинение закону и догме. Методы отбора, принятые Церковью, весьма эффективны при управлении людьми, которые придерживаются неоспоримых, неизменных правил и установлений. Они идеальны при выборе хранителей вечного сокровища доктрины. Но с человеческим обществом и государственным управлением дело обстоит по-другому. Самое драгоценное право человека -- неустанно стремиться к улучшениям и более совершенными методами бороться с препятствиями, которые природа ставит на пути его жизни и благосостояния. Внутренние побуждения превратили потомков грубых обитателей пещер в, до некоторой степени, цивилизованных людей нашего времени. Но человечество отнюдь не достигло того состояния совершенства, когда всякий прогресс становится невозможным. Силы, создавшие нашу современную цивилизацию, не перестали существовать. Если их не сковать жесткой системой общественной организации, они будут продолжать действовать и принесут дальнейшие улучшения. Принципом, по которому Католическая Церковь отбирает своих будущих высших сановников, служит безусловная преданность символу веры и его догматам. Она не ищет новаторов и реформаторов, первооткрывателей новых идей, выступающих резко против старых представлений. Именно это и может обеспечить принцип назначения будущих высших должностных лиц старыми и хорошо проверенными сегодняшними правителями. Но ничего большего бюрократическая система достичь не может. И именно стойкий консерватизм делает бюрократические методы совершенно непригодными для управления социальными и экономическими процессами. Бюрократическая организация непременно должна быть жесткой, поскольку она предполагает соблюдение установленных правил и процедур. Но в жизни общества жесткость равносильна окаменению и смерти. Весьма важен тот факт, что стабильность и безопасность являются самыми любимыми лозунгами современных "реформаторов". Если бы первобытные люди руководствовались принципом стабильности, они никогда не обеспечили бы себе безопасности; их бы уже давно уничтожили хищные звери и микробы.

Немецкие марксисты ввели бы обиходное новое изречение: "Если социализм не соответствует природе человека, природа человека должна быть изменена". Они не понимали, что если природа человека изменится, то он перестанет быть человеком. Во всеохватывающей бюрократической системе ни бюрократы, ни их подчиненные уже не будут настоящими человеческими существами. Выбор диктатора ВСЕ сторонники спасения через господство благородных деспотов наивно полагают, что не может быть никаких сомнений в том, кто должен стать этим благородным правителем или классом правителей, а также в том, что все люди добровольно подчинятся господству этого диктатора-сверхчеловека или аристократии. Они не осознают, что многие люди и многочисленные группы людей могут претендовать на господство. Если право выбора из нескольких кандидатов не принадлежит большинству избирателей, не остается иного принципа отбора кроме гражданской войны. Альтернативой демократическому принципу отбора посредством всенародного голосования является захват власти безжалостными авантюристами. Во втором веке нашей эры принципом управления Римской империей служил утонченный вариант "вождизма". Императором становился в высшей степени способный и выдающийся человек. Он не передавал свой высокий титул по наследству одному из членов своей семьи, но выбирал наследником человека, который, по его мнению, лучше других мог справиться с этими обязанностями. Эта система дала Риму одного за другим четырех великих императоров: Траяна, Адриана, Антонина Пия и Марка Аврелия. [Троян Марк Ульпий (53--117, император с 98) провел ряд успешных войн, значительно расширивших пределы империи, развернул широкое строительство городов, дорог, гаваней. Адриан Публий Элий (36--138, император с 117) провел важные административно-правовые реформы, в частности распространил юридические нормы Рима на народы, вошедшие в состав империи. Антонин Пий (86--161, император с 138) принял законодательные меры против жестокого обращения с рабами, укрепил границы империи. Марк Аврелий (121--180, император с 161) известен своей гуманностью и филантропией, много занимался философией; его перу принадлежит приобретший мировую известность философско-этический труд "Наедине с собой".] Но затем последовала эра преторианцев, непрекращающейся гражданской войны, анархии и быстрого упадка. [Преторианскими когортами именовалась гвардия древнего Рима, выполнявшая функции стражи императоров. Со временем преторианцы приобрели такую силу, что стали смещать и назначать императоров, и даже продавать императорский статус с аукциона (193 г.). Преторианцы были военной опорой всякого рода заговорщиков претендентов на престол.] На смену правлению лучших пришло правление худших. Амбициозный военачальник, опиравшийся на поддержку наемников, захватывал власть и правил до тех пор, пока его не побеждал другой авантюрист. Средствами отбора сделались предательства, мятежи и убийства. Историки обвиняют во всем Марка Аврелия, последнего из хороших императоров. Его вина, говорят они, была в том, что он отказался от практики своих предшественников и вместо того, чтобы выбрать самого достойного человека, возвел на трон своего неспособного сына Коммода. [Коммод Луций Элий Аврелий (161--192, император с 180) в пятнадцатилетнем возрасте был назначен Марком Аврелием соправителем империи. Пытался завоевать популярность низкопробными приемами, в частности выступал в гладиаторских боях. Убит заговорщиками-придворными.] Однако система, которая может быть разрушена из-за ошибки всего лишь одного человека, это плохая система, даже если бы ошибка была менее простительной и понятной, чем ошибка отца, переоценившего характер и способности своего отпрыска. Дело в том, что такая система "вождизма" неизбежно приводит к непрерывной гражданской войне, как только появляется несколько кандидатов на место верховного правителя. Все современные диктаторы пришли к власти путем насилия. Затем они должны были защищать свое господство от притязаний соперников. В политическом языке был введен специальный термин для обозначения таких действий: их называют чистками. Наследники нынешних диктаторов придут к власти, используя те же самые

методы, и будут также жестоки и беспощадны, пытаясь ее сохранить. Глубинной основой всеохватывающей бюрократической системы является насилие. Безопасность, которую она якобы обеспечивает, это потрясения нескончаемой гражданской войны. Исчезновение критического чувства СОЦИАЛИСТЫ утверждают, что капитализм деградирует, что он несовместим с человеческим достоинством, что он губит интеллектуальные способности человека и лишает его нравственной чистоты. При капитализме каждый вынужден смотреть на своего соотечественника как на конкурента. Врожденные инстинкты человеколюбия и товарищества превращаются, таким образом, в ненависть и безжалостное стремление к личному успеху за счет всех остальных людей. Но социализм возродит добродетели человеческой природы. Дружелюбие, братство и товарищество станут характерными чертами будущего человека. Но, прежде всего, необходимо уничтожить худшее из всех зол -- конкуренцию. Однако конкуренцию никогда нельзя будет уничтожить. Поскольку всегда будут должности, которые ценятся выше других, люди всегда будут стремиться получить их и обойти своих соперников. Не важно, назовем ли мы это соревнованием или конкуренцией. Как бы то ни было, тем или другим путем должно быть решено, следует ли человеку предоставлять место, на которое он претендует. Вопрос лишь в том, какая именно конкуренция должна существовать. Капиталистическая разновидность конкуренции состоит в том, чтобы превзойти других на рынке, предлагая лучшие и более дешевые блага. Бюрократическая разновидность заключается в интригах при "дворе" власть предержащих. При дворах всех деспотических правителей было достаточно лести, подхалимства, раболепия и низкопоклонства. Но всегда находилось, по крайней мере, несколько человек, которые не боялись сказать тирану правду. В наши дни дело обстоит по-другому. Политики и писатели превосходят друг друга в лести верховному правителю -- "простому человеку". Они не рискуют нанести ущерб своей популярности, высказывая непопулярные идеи. Придворные Людовика XIV никогда не заходили так далеко, как некоторые наши современники, восхваляющие вождя и их опору -- массы. Они, похоже, полностью утратили здравый смысл и самокритичность. На одном из съездов Коммунистической партии писатель Авдеенко обратился к Сталину с такими словами: "Пройдут века, и будущие поколения коммунистов будут считать нас самыми счастливыми из всех смертных, когда-либо живших на этой планете, потому что мы видели Сталина -- гениального вождя, Сталина -мудреца, улыбающегося, добродушного и совершенно простого человека. Когда я видел Сталина, даже на расстоянии, я весь трепетал от его мощи, обаяния и величия. Мне хотелось петь, кричать, вопить от счастья и восторга" <цит. по W. H. Chamberlin *Collectivism, a False Utopia*, New York, 1937, p. 43>. [Авдеенко А. О. (1908 г.) -- автор популярной в свое время книги "Я люблю" (1933 г.) о перевоспитании подростка-беспризорника в советском трудовом коллективе. Славословие не уберегло его от сталинской опалы, впрочем, по тем временам довольно мягкой. На съездах партии он не выступал. Цитируемое Л. Мизесом из вторых рук высказывание -- выдержка из речи Авдеенко на I съезде писателей СССР. В настоящем издании оно приводится по опубликованной стенограмме съезда.] Бюрократ, обращающийся к своему начальнику, от которого зависит его продвижение по службе, говорит менее поэтично, но ничуть не менее льстиво. Когда на праздновании бриллиантового юбилея Франца Иосифа некий статистик поставил в заслугу императору то, что после шестидесяти лет его правления в стране появились многие тысячи километров железных дорог, тогда как в начале правления их было гораздо меньше, все присутствовавшие (а, возможно, и сам император) просто посмеялись над этим образчиком раболепия. [Франц Иосиф I (1830--1916) -- император Австрии и король Венгрии (с 1848 г.). По католической традиции (с XV века) юбилейные годы кратны 25. Бриллиантовый юбилей -- распространенное название 75-летия.] Но никто не смеялся, когда на Всемирной выставке в Париже Советское правительство в цветистых выражениях похвалялось тем, что тогда как в царской России вообще не было тракторов, четверть века спустя Советская Россия уже смогла повторить это новое американское

достижение. [Всемирная выставка в Париже, на которой советский павильон был одним из самых представительных, состоялась в 1937 г.] Никто никогда не считал, что патерналистский абсолютизм Марии Терезии и ее внука Франца мог быть оправдан тем, что Моцарт, Гайдн, Бетховен и Шуберт написали бессмертную музыку. [Мария Терезия (1717--1780) -- с 1740 г. эрцгерцогиня австрийская, королева Венгрии и Богемии. Ее правление характеризовалось укреплением абсолютизма, усилением государственной централизации, частичной заменой феодально-сословного суда государственным, созданием чиновничьего аппарата управления и т. п. Мария Терезия проводила патерналистскую (покровительственную) политику по отношению к промышленности и торговле. Внук Марии Терезии Франц (1768--1835) был императором германским под именем Франца II (с 1792 г. по 1804 г.), а затем австрийским (с 1804 г.). Отличительной чертой его внутренней политики было резкое усиление полицейско-охранительного аппарата.] Но симфонию современного советского композитора, которого, возможно, забудут уже через несколько лет, приводят в доказательство преимуществ советского тоталитаризма. Вопрос заключается в том, какая система эффективнее -- бюрократического контроля или экономической свободы. На этот вопрос нельзя ответить только при помощи экономических доводов. Простая констатация того факта, что сигареты, произведенные Табачной монополией французского правительства, не были настолько плохими, чтобы заставить французов бросить курить, не является доводом в пользу государственного управления этой отраслью. Равно как и тот факт, что сигареты, произведенные Монополией греческого правительства, были наслаждением для курильщиков. Вовсе не заслуга греческих бюрократов, что климатические и природные условия их страны делают выращиваемый крестьянами табак изысканным и ароматным. Каждый немец считал само собой разумеющимся, что сама суть и природа вещей делают необходимым государственное управление университетами, железными дорогами, телеграфом и телефоном. Для русского мысль о том, что человек мог бы жить без паспорта, должным образом выданного и зарегистрированного в полиции, всегда казалась парадоксальной. В условиях, сложившихся за последние тридцать лет, граждане стран континентальной Европы превратились в простые дополнения к своим удостоверениям личности. Во многих странах стало опасно выходить на прогулку без этих документов. <Так, досье департаментов полиции многих европейских городов содержат полную информацию о временном месте пребывания каждого жителя и каждого приезжего, а также все изменения адресов за последние сто или даже сто пятьдесят лет. Поистине бесценный и интенсивно используемый источник сведений для биографов!> В большинстве европейских стран человек не имел права остановиться где-либо на ночь, немедленно не сообщив в полицейский участок о месте своего пребывания и любом изменении адреса. Не исключено, что такая строгая регламентация может принести какое-то благо. Но от нее, конечно, мало пользы для борьбы с преступностью и для розыска преступников. Скрывающийся убийца не побойится нарушить закон, требующий сообщать о любом изменении адреса. <Американцам кажется очень забавным, что в Европе на многих судебных процессах присяжных просят ответить на два следующих вопроса: Во-первых, виновен ли подсудимый в убийстве жертвы? Во-вторых, виновен ли подсудимый в том, что он своевременно не сообщил об изменении своего адреса?> Защищая свою систему, бюрократы впадают в мелодраматический тон. Они вопрошают, каким же образом бедные брошенные дети смогут вновь обрести своих бессовестных родителей. Они не упоминают о том, что их мог бы найти сообразительный сыщик. Более того, тот факт, что существует некоторое число негодяев, не может считаться достаточным основанием для ограничения свободы огромного большинства честных людей. Предприятия, стремящиеся к получению прибыли, опираются на добровольный выбор потребителей. Им не выжить, если у них нет большого числа покупателей. Но различные бюрократические управления насильно приобретают себе "постоянных клиентов". То, что в учреждение обращается множество людей, не является доказательством того, что оно

удовлетворяет насущные нужды этих людей. Это свидетельствует только о том, что учреждение вмешивается в дела, которые играют важную роль в жизни каждого человека. Исчезновение критического чувства является серьезной угрозой сохранению нашей цивилизации. Оно облегчает шарлатанам возможность обманывать людей. Примечательно то, что образованные слои более легковверны, чем необразованные. Наиболее восторженными сторонниками марксизма, нацизма и фашизма были представители интеллигенции, а не простые люди. Интеллигенция никогда не была достаточно проникательной для того, чтобы заметить явные противоречия в своих убеждениях. Популярности фашизма не наносило ни малейшего вреда то, что Муссолини в одной и той же речи воспевал итальянцев как представителей самой старой цивилизации Запада и как самую молодую из цивилизованных наций. Ни один немецкий националист не имел ничего против того, что темноволосый Гитлер, тучный Геринг и хромоусый Геббельс превозносились как блестящие представители высоких, стройных, светловолосых, героических арийцев -- расы господ. Не поразительно ли, что миллионы людей за пределами России твердо уверены в том, что в Советском Союзе существует демократический режим, даже более демократический, чем в Америке? Это отсутствие критического отношения позволяет убеждать людей, что они будут свободными в системе всесторонней жесткой регламентации. Люди представляют себе режим, при котором все средства производства принадлежат государству, а правительство является единственным работодателем, царством свободы. Они совершенно не учитывают возможности того, что всемогущее государство их утопии может преследовать цели, которые они абсолютно не одобряют. Они всегда молчаливо предполагают, что диктатор будет делать как раз то, чего они от него ожидают. -----

Есть ли выход? Прошлые неудачи МЫ должны признать тот факт, что до настоящего времени все попытки остановить дальнейшее наступление бюрократизации и социализации были тщетны. На протяжении 27 лет, прошедших с тех пор, как президент Вильсон привел Америку к войне, которая должна была устранить угрозу для демократии, демократия, напротив, сдавала все новые и новые позиции. Деспотизм торжествует в большинстве европейских стран. [Вильсон Томас Вудро (1856--1924) -- был президентом США в 1913--1921 гг. Вопреки сильным в стране настроениям изоляционизма Вильсон последовательно проводил курс на "готовность к войне". 6 апреля 1917 г. США объявили войну Германии.] Даже Америка взяла на вооружение политику, которую несколько десятилетий назад с пренебрежением называла "прусской". Человечество явно движется к тоталитаризму. Новое поколение жаждет полного государственного контроля над всеми сферами жизни. Ученые-юристы опубликовали превосходные труды, изображающие последовательную замену господства законов административным произволом.

<Достаточно сослаться на две самые блестящие работы этого типа: Lord Hewart of Bury, *The New Despotism*, N. Y., 1929 (автор -- Лорд -- главный судья Англии) и James M. Beck, *Our Wonderland of Bureaucracy*, N. Y., 1932 (автор -- бывший заместитель министра юстиции США) Важно отметить, что последняя книга была опубликована до введения "нового курса".> Они рассказали историю того, как подрыв самоуправления приводит к исчезновению всех личных прав граждан и возникновению сверхдеспотизма восточного образца. Но социалистам нет никакого дела до свободы и частной инициативы. Не большего успеха, чем увесистые тома юристов, достигли и сатирические произведения. Некоторые из самых выдающихся писателей девятнадцатого века - Бальзак, Диккенс, Гоголь, Мопассан, Куртэлин [ставя в один ряд с действительными мастерами посредственного французского юмориста Жоржа Куртелина (1858--1928), Мизес был явно под влиянием критики начала века, приравнивавшей его романы и комедии из жизни чиновничества к сатирам Мольера] -- нанесли сокрушительные удары по бюрократизму. Олдос Хаксли был даже настолько смел, что сделал вождьденный социалистический рай предметом своей сардонической иронии. [Имеется в виду антиутопия английского

писателя Олдоса Хаксли (1894--1963) "The brave New World", опубликованная в 1932 г. (в последних изданиях на русском языке она называется "О дивный новый мир").] Публика была в восторге. Но читатели все равно устремлялись в государственные учреждения, чтобы устроиться в них на работу. Некоторые любят посмеяться над наиболее нелепыми чертами бюрократии. Действительно забавно, что правительство самой мощной и богатой страны мира ведает учреждением -- Управлением домоводства при Министерстве сельского хозяйства США, одна из задач которого заключается в создании фасона брюк "для совсем маленького ребенка, который только учится самостоятельно одеваться". Но для большинства наших современников в этом нет ничего смешного. Они стремятся к такому способу правления, при котором производство чулок, нижнего белья и всех других полезных вещей должно быть обязанностью властей. Вся ученая критика и острая сатира бесполезны, потому что они не затрагивают существа проблемы. Бюрократизация является лишь одной из конкретных черт социализации. Главное -- капитализм или социализм? Кто из них? Сторонники социализма утверждают, что капитализм представляет собой несправедливую систему эксплуатации, что он наносит огромный ущерб благосостоянию масс, и что он приводит к страданиям, деградации и прогрессирующему обнищанию подавляющего большинства людей. В то же время они изображают свою социалистическую утопию как землю обетованную, где текут молочные реки в кисельных берегах и где все будут счастливы и богаты. Правы они или неправы? Вот в чем вопрос. Экономическая теория против планирования и тоталитаризма ЭТО чисто экономический вопрос. На него нельзя ответить, не обращаясь к подробному рассмотрению экономических проблем. Лживые лозунги и ошибочные доктрины защитников государственного контроля, социализма, коммунизма, планирования и тоталитаризма могут быть разоблачены только при помощи экономических доводов. Нравится это или нет, но основные проблемы современной политики действительно являются чисто экономическими и не могут быть поняты без знания экономической теории. Только человек, разбирающийся в основных вопросах экономической теории, в состоянии выработать независимое мнение по рассматриваемым проблемам. Все остальные просто повторяют то, что они случайно услышали. Они являются легкой добычей для демагогических мошенников и идиотических шарлатанов. Их легковерие представляет собой серьезнейшую угрозу для сохранения демократии и западной цивилизации. Первейшей обязанностью гражданина демократического общества является получение образования и знаний, необходимых для того, чтобы разбираться в гражданских проблемах. Избирательное право -- это не привилегия, а долг и моральная ответственность. Избиратель фактически является должностным лицом; он занимает самый высокий пост, налагающий на него огромнейшие обязательства. Гражданин, полностью поглощенный своей научной работой в других областях или своим призванием художника, может сослаться на это как на смягчающие обстоятельства, если он не исполняет свою обязанность по самообразованию. Возможно, эти люди правы, когда утверждают, что у них есть более важные обязанности. Но все другие разумные люди поступают не только легкомысленно, но и вредоносно, если не занимаются самообразованием и самовоспитанием для наилучшего исполнения своих обязанностей суверенных избирателей. Главный пропагандистский трюк сторонников якобы "прогрессивной" политики государственного контроля заключается в обвинении капитализма во всех недостатках нынешнего положения дел и превознесении благ, которые социализм принесет человечеству. Они никогда не пытались доказать свои ложные догмы или же опровергнуть возражения, выдвигаемые экономистами. Единственное, что они делали, это обзывали своих противников обидными прозвищами и ставили под сомнение их мотивы. И, к сожалению, средний гражданин не может разобраться в этих уловках. Рассмотрим, например, проблему массовой безработицы, затянувшейся на годы. "Прогрессисты" истолковывают ее как порок, внутренне присущий капитализму. Наивная публика с готовностью верит этому объяснению. Люди не

осознают, что на свободном рынке труда, где нет ни давления профсоюзов, ни установленных государством минимальных ставок заработной платы, безработица затрагивает лишь небольшие группы людей в течение коротких промежутков времени. При свободном капитализме безработица представляет собой сравнительно незначительное, временное явление; преобладает постоянно действующая тенденция к исчезновению безработицы. Экономические изменения могут вызвать новую безработицу. Но при ставках заработной платы, устанавливаемых свободным рынком труда, каждый, кто хочет зарабатывать, в конце концов, находит работу. Безработица как массовое явления -- это результат якобы "прорабочей" политики правительств и принуждения со стороны профсоюзов. Такое объяснение дают отнюдь не только те экономисты, которых "прогрессисты" называют "реакционерами". Сам Карл Маркс был полностью убежден в том, что профсоюзы не могут добиться повышения уровня заработной платы для всех рабочих. [В изложении позиции Маркса Мизес неточен. Не отрицая возможности добиться с помощью тредюнионов повышения заработной платы над минимумом, физически необходимым для поддержания жизни рабочих, Маркс считал, что "общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению, а к понижению среднего уровня заработной платы... Тредюнионы успешно действуют в качестве центров сопротивления наступлению капитала... В общем же они терпят неудачу, поскольку ограничиваются партизанской борьбой против следствий существующей системы, вместо того, чтобы одновременно стремиться изменить ее" (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 16, с. 155).] Последователи Маркса в течение многих лет резко выступали против любых попыток установить минимальный уровень заработной платы. Они считали, что такие меры противоречат интересам подавляющего большинства наемных рабочих. Иллюзорно полагать, что правительственные расходы могут создать рабочие места для безработных, то есть для тех, кто не может найти работу из-за политики, проводимой профсоюзами или правительством. Если правительственные расходы финансируются неинфляционными методами, то есть путем налогообложения граждан или путем займов у населения, они ликвидируют в одном месте ровно столько рабочих мест, сколько создают в другом. Если они финансируются при помощи инфляции, то есть путем увеличения количества наличных денег и банковских билетов в обращении или путем займов в коммерческих банках, они сокращают безработицу только в том случае, если заработная плата в денежном выражении растет медленнее, чем цены товаров, то есть если и только в той мере, в какой падает уровень реальной заработной платы. Существует один единственный способ повысить уровень реальной заработной платы для всех тех, кто хочет работать по найму: непрерывное накопление нового капитала и совершенствование технологии производства, которое обеспечивается новым капиталом. Подлинные интересы рабочих совпадают с интересами бизнесменов. Чтобы разобраться в экономических проблемах, не нужно неразборчиво усваивать более или менее разрозненные факты и цифры. Напротив, следует тщательно анализировать и изучать ситуацию посредством логических рассуждений. Прежде всего, необходимы здравый смысл и логическая ясность. Главное правило -- доходить до глубинных корней всех явлений. Не довольствуйтесь поверхностными объяснениями и решениями. Используйте свои мыслительные способности и критические возможности. Было бы серьезным заблуждением считать, что эта рекомендация заняться изучением экономики преследует цель на место пропаганды различных правительств и партий поставить другой вид пропаганды. Пропаганда -- это одно из наибольших зол бюрократии и социализма. Пропаганда -- это всегда пропаганда лжи, заблуждений и предрассудков. Истина не нуждается ни в какой пропаганде, она сама может постоять за себя. Отличительная черта истины в том, что она верно отображает действительность, то есть такое положение дел, которое существует независимо от того, признается это кем-либо или нет. Признание и провозглашение истины само по себе уже является опровержением всего того, что неистинно. Истина продолжает существовать просто благодаря тому, что является истиной. Пусть поэтому лжепророки продолжают

свое дело. Не старайтесь подражать их методам. Не старайтесь, по их подобию, заставить замолчать или поставить вне закона инакомыслящих. Лжецы должны бояться истины и стремиться поэтому подавить ее проявления. Но защитники истины возлагают надежды на свою собственную правоту. Правда не страшится лжецов. Она может выдержать их конкуренцию. Пропагандисты могут продолжать распространять свои выдумки и внушать их молодежи. Они придут к печальному концу. Ленин и Гитлер прекрасно знали, почему они отменили свободу мысли, слова и прессы и почему они закрыли границы своих стран для всякого притока идей из-за рубежа. Их системы не могли выжить без концентрационных лагерей, цензоров и палачей. Их главными инструментами служат ГПУ и Гестапо. [ГПУ - Государственное политическое управление при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) РСФСР. Создано в 1922 г. при реорганизации Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) как орган охраны государственной безопасности; фактически выполняло функции политической полиции. Термин "ГПУ" сохранялся в бытовой речи для обозначения аналогичных организаций при их неоднократных преобразованиях в 20--40-е годы. Гестапо -- Geheime staatspolizei (нем.), тайная государственная полиция. Создана в Германии с приходом Гитлера к власти. После крушения нацизма была признана Международным военным трибуналом преступной организацией.] Британские сторонники социализации и бюрократизации прекрасно осознают -- не хуже, чем большевики и нацисты -- тот факт, что при свободе слова и мысли они никогда не достигнут своих целей. Профессор Гарольд Ласки [Ласки Гарольд Джозеф (1893--1950) -- один из теоретиков "демократического социализма", с 1936 по 1949 г. член исполкома английской Лейбористской партии] достаточно откровенно заявляет, что для обеспечения перехода к социализму необходимо ограничить власть парламента <Laski, Democracy in Crisis, London, 1933, p. 87; мастерское опровержение антидемократических идей Ласки см.: Rappard, The Crisis of Democracy, Chicago, 1938, pp. 213--216>. Сэр Стаффорд Криппс, излюбленный кандидат самозванных либералов на пост премьер-министра, предложил некий "Акт о планировании и предоставлении чрезвычайных полномочий", который, будучи однажды принят парламентом, не мог бы подлежать обсуждению или, тем более, отмене. [Криппс Ричард Стаффорд (1889--1952) -- английский государственный деятель: с 1931 по 1950 г. занимал министерские посты. В тридцатые годы -- лидер левого крыла лейбористов. Ратовал за единый фронт с коммунистами, за что был исключен из лейбористской партии в 1939 г. (восстановили в 1945 г).] Посредством такого акта, который должен был бы носить весьма общий характер и оставлять все "частности" на усмотрение Кабинета министров, правительство наделялось бы абсолютными правами. Его распоряжения и декреты никогда не должны были бы рассматриваться парламентом; нельзя было бы и прибегнуть к суду. На все должности следовало бы назначить "верных членов партии", "лиц известных своими социалистическими убеждениями" <см. блестящую статью Джеймса Траслоу Адамса "Плановики видят, куда ведет планирование" (James Truslow Adams, Planners See Where Planning Leads, -- In: "Barron's National Business and Financial Weekly", January 31, 1944. p. 3)>. Британский "Совет священнослужителей за общественную собственность" в брошюре, предисловие к которой написал епископ Бадфордский, заявляет, что установление подлинного и перманентного социализма требует, "чтобы вся принципиальная оппозиция была ликвидирована, то есть сделана политически пассивной, посредством лишения избирательных прав и, если необходимо, заключения в тюрьму" <Джеймс Траслоу Адамс, указан. соч.>. Профессор Джоан Робинсон из Кембриджского университета, занимающая среди лидеров кейнсианской школы второе место после самого лорда Кейнса, проявляет такую же нетерпимость в своем рвении воплотить социализм в жизнь. [Кейнс Джон Мейнард (1883--1946) -английский экономист, основоположник одной из наиболее влиятельных концепций XX века, получившей его имя. По Кейнсу, для предотвращения кризисов, поддержания эффективного спроса и полной занятости рабочей силы требуется активное государственное воздействие на

хозяйство через заказы, налоги, регулирующую инфляцию и т. д. Робинсон Джоан Вайолетт (1903--1983) -английский экономист, последователь Кейнса. В начале 30-х годов выдвинула теорию несовершенной конкуренции, согласно которой возникновение монополий привело к нарушению действия стихийных регуляторов экономики, вследствие чего становится необходимостью государственное вмешательство в хозяйственную жизнь.] По ее мнению, "понятие свободы весьма неопределенно". "Полная свобода слова может быть без опасений разрешена только тогда, когда не существует серьезных врагов, внешних и внутренних". Миссис Робинсон опасается не только независимых церквей, университетов, научных обществ и издательств, но также и независимых театров и филармонических обществ. Все подобные институты, утверждает она, могут быть разрешены только "при условии, что режим чувствует себя достаточно уверенно, чтобы решиться допустить критику". <Joan Robinson, Private enterprise or Public Control (Handbooks for Discussion Groups, published for the Association for Education in Citizenship by the English Universities Press Ltd.), pp. 13--14. Странно, что в предисловии к этой брошюре "Ассоциация содействия просвещению в области прав гражданства" заявляет, что "выступает за демократию", и подчеркивает, что ее целью является воспитание у граждан "уважения к равным правам и свободам других".> А другой прославленный защитник коллективизма в Великобритании Дж. Кроусер не останавливается даже перед воспеванием благ инквизиции <J. В. Crowther, Social Relations of Science, Macmillan, 1941, pp. 331, 333>. Как жаль, что Стюарты не дожили до торжества своих принципов! [Представители шотландской и английской королевской династии Стюарты отличались католическим фанатизмом. Превратить католицизм в государственную религию пытался, в частности, Яков II Стюарт -последний король-католик, сместивший со всех сколько-нибудь значительных государственных должностей инаковерующих.] Таким образом, наиболее выдающиеся защитники социализма косвенно признают, что их убеждения и замыслы не могут выдержать критики со стороны экономической науки и поэтому в свободном обществе обречены на провал. Поскольку, к счастью, на земле еще остается несколько свободных стран, существует еще и надежда на восстановление истины. Простой гражданин против профессионального пропагандиста бюрократизации ЦЕЛЬЮ популяризации экономических исследований не является превращение каждого человека в экономиста. Идея состоит в том, чтобы подготовить его к выполнению гражданских функций в общественной жизни. Конфликт между капитализмом и тоталитаризмом, от исхода которого зависит судьба цивилизации, не будет разрешен гражданскими войнами и революциями. Это война идей. Общественное мнение определит победу и поражение. Где бы и когда бы люди ни встречались для обсуждения проблем своего муниципалитета, штата или страны, общественное мнение при этом постоянно эволюционирует или изменяется, каким бы незначительным ни был непосредственный предмет обсуждения. На общественное мнение оказывает влияние все, что говорится или происходит при сделках между покупателями и продавцами, работодателями и наемными работниками, кредиторами и должниками. Общественное мнение формируется дебатами в бесчисленных представительных органах, комитетах и комиссиях, ассоциациях и клубах, редакционными статьями и письмами редактору, выступлениями адвокатов и решениями судей. Во всех этих дискуссиях профессионалы имеют преимущество перед неспециалистами. Перевес всегда на стороне тех, кто посвящает все свои усилия только одному делу. Хотя они не обязательно являются настоящими знатоками и, конечно же, часто бывают ничуть не умнее любителей, они пользуются преимуществами положения специалистов. Их полемические приемы, равно как и их подготовка более совершенны. Они приходят на встречи, отдохнувшими умом и телом, а не уставшими после долгого рабочего дня, как любители. Далее, почти все эти профессионалы -- усердные адвокаты бюрократизма и социализма. Это, прежде всего, масса работников правительственных учреждений и пропагандистских служб различных партий. Это преподаватели разных высших учебных заведений, где на полном серьезе

признание бюрократического, социалистического или марксистского радикализма считается штемпелем, удостоверяющим научное совершенство. Это издатели и сотрудники "прогрессивных" газет и журналов, профсоюзные руководители и организаторы, и, наконец, досужие честолюбцы, жаждущие попасть в газетные заголовки в выразительном радикальном образе. Обыкновенный бизнесмен, юрист или живущий на заработную плату -- не из их компании. Неспециалист может блестяще доказать свое утверждение. Но это бесполезно. Потому что его противник, воплощающий все величие своей должности или профессорского звания, крикнет ему в ответ: "Ошибочность доводов этого джентельмена уже давно вскрыта известными немецкими профессорами Майером, Мюллером и Шмидтом. Только идиот может все еще придерживаться этих устаревших и ни на что не годных идей". Неспециалист будет дискредитирован в глазах присутствующих, которые безгранично верят в профессиональную непогрешимость. Он не знает, как отвечать. Он никогда не слышал имен этих выдающихся немецких профессоров. Поэтому он не знает, что их книги -- это просто вздор и чепуха, и что они и не затрагивали поставленных их проблем. Он может узнать об этом позже. Но это не изменит того факта, что в споре он потерпел поражение. Или же неспециалист может умело доказать неосуществимость какого-либо предложенного проекта. Тогда профессионал возразит: "Этот джентельмен настолько невежествен, что не знает о том, что предложенный план прекрасно удался в социалистической Швеции или красной Вене". И вновь нашего непрофессионала заставят замолчать. Откуда он может знать, что почти все англоязычные книги о Швеции и Вене являются продуктами пропаганды, серьезно искажающими факты? У него не было возможности получить достоверную информацию из первоисточников. Вершиной ораторского искусства профессионалов, конечно, всегда является упоминание о России, рае для рабочих и крестьян. На протяжении почти тридцати лет в Россию допускались только коммунисты-фанатики и попутчики. Их рассказы представляют собой некритическое восхваление Советов, часть из них в высшей степени недобросовестны, остальные наивны в своей детской доверчивости. Весьма обнадеживающим является то, что некоторые из этих попутчиков оставили в России свои просоветские симпатии и, вернувшись домой, опубликовали не прикрашенные описания. Но профессионалы легко разделяются с такими книгами, называя их авторов "фашистами". Что действительно необходимо, так это подготовить лидеров гражданского движения для таких встреч с профессиональными проповедниками бюрократизации и социализации. Безнадежно пытаться остановить тенденцию к бюрократизации, просто выражая возмущение и ностальгически прославляя старые добрые времена. Эти старые времена были не так хороши, как кажется некоторым нашим современникам. Действительно замечательно в них было то, что в их основе лежала тенденция к усовершенствованию, присущая системе свободной рыночной экономики. Тогда не верили в божественность государства. В этом было величие тех времен. Наиболее пагубным последствием отращения среднего гражданина к серьезным занятиям экономическими проблемами является его готовность поддержать программу компромисса. Он смотрит на конфликт между капитализмом и социализмом так, как будто бы это была ссора между двумя группами -- трудом и капиталом -каждая из которых требует для себя все, что является предметом разногласий. Поскольку сам он не готов оценить достоинства доводов, выдвигаемых каждой из сторон, он думает, что справедливым решением спора было бы полюбовное соглашение: каждый претендент должен получить часть того, на что он претендует. Таким образом завоевала престиж программа государственного вмешательства в бизнес. Не должно быть ни полного капитализма, ни полного социализма, а должно быть что-то между ними, средний путь. Эта третья система, утверждают ее сторонники, должна представлять собой капитализм, регулируемый и регламентируемый государственным вмешательством в бизнес. Но это государственное вмешательство не должно превращаться в полный государственный контроль над всеми сферами экономической деятельности; оно должно ограничиваться

устранением особенно предосудительных эксцессов капитализма, не подавляя полностью предпринимательской активности. Таким образом возникнет общественный строй, который якобы будет так же далек от полного капитализма, как и от чистого социализма, и который, сохраняя преимущества, присущие каждой из этих двух систем, избежит их недостатков. Почти все те, кто не являются безусловными сторонниками полного социализма, поддерживают сегодня эту систему интервенционизма, а все правительства, не являющиеся прямо и откровенно просоциалистическими, стали разделять политику экономического интервенционизма. [Этот термин (от латинского *interventio* -- вмешательство) Л. Мизес во многих своих работах использует для обозначения системы государственного регулирования экономической жизни. По Мизесу, социализм - разновидность интервенционизма.] Сегодня очень немногие выступают против любого вида государственного вмешательства в цены, уровни заработной платы, ставки процента и прибыли и не боятся настаивать на том, что считают капитализм и свободное предпринимательство единственно жизнеспособной системой, приносящей выгоды как обществу в целом, так и всем его членам. Однако доводы сторонников этого промежуточного решения совершенно ошибочны. Конфликт между социализмом и капитализмом -- это не борьба между двумя сторонами за большую долю общественного дохода. Рассматривать дело таким образом равносильно полному принятию догм марксистов и других социалистов. Противники социализма не согласны с тем, что какой бы то ни было класс или группа при социализме будут жить лучше, чем при полном капитализме. Они оспаривают положение о том, что рабочие будут более состоятельными в социалистическом обществе и что, следовательно, капиталистическая система наносит им ущерб самим фактом своего существования. Они рекомендуют капитализм не ради эгоистических интересов предпринимателей и капиталистов, а ради всех членов общества. На великий исторический конфликт, касающийся проблемы экономической организации общества, нельзя смотреть как на спор двух бизнесменов из-за денежной суммы; его нельзя разрешить путем компромисса. Экономический интервенционизм является саморазрушительной политикой. Отдельные меры не достигают искомых результатов. Они приводят к такому положению дел, которое -- с точки зрения самих сторонников этой политики -- является гораздо более неблагоприятным, чем то, которое они намеревались изменить. Растягивающаяся на годы безработица среди значительной части тех, кто хотел бы работать по найму, монополии, экономические кризисы, общее ограничение продуктивности экономических усилий, экономический национализм и войны являются неизбежными следствиями государственного вмешательства в бизнес, рекомендованного сторонниками третьего пути. Все те пороки, в которых социалисты обвиняют капитализм, как раз и представляют собой продукт этой злополучной якобы "прогрессивной" политики. Катастрофические события, льющие воду на мельницу радикальных социалистов, являются следствием идей тех, кто говорит: "Я не против капитализма, но..." Такие люди фактически прокладывают путь социализации и всесторонней бюрократизации. Их невежество порождает несчастье. Разделение труда и специализация являются неотъемлемыми чертами цивилизации. Без них ни материальное процветание, ни интеллектуальный прогресс были бы невозможны. Существование единой группы ученых-естествоиспытателей, гуманитариев, исследователей является таким же результатом разделения труда, как и существование любого другого класса специалистов. Человек, специализирующийся в области экономической теории, такой же специалист, как и все другие специалисты. Дальнейшее развитие экономической науки в будущем также станет результатом достижений тех людей, которые посвящают все свои силы этой задаче. Но для граждан было бы роковой ошибкой оставить экономические исследования исключительно в ведении профессионалов. Поскольку главные вопросы современной политики носят в основном экономический характер, такой отказ был бы равносильным отречению граждан от своих прав в пользу профессионалов. Если избиратели или члены парламента сталкиваются с законопроектом о предотвращении заболеваний скота или

строительстве служебного здания, они могут предоставить обсуждение деталей экспертам. Такие ветеринарные и инженерные проблемы не затрагивают основ социальной и политической жизни. Они важны, но не первостепенны и не насущны. Но если не только массы, но и большая часть избранных ими представителей заявляют: "Эти денежные проблемы могут быть поняты только специалистами; у нас нет склонности изучать их; в этом деле мы должны довериться экспертам", -- они фактически отказываются от своего суверенитета в пользу профессионалов. Не имеет значения, передают ли они формально свои права законодательной деятельности или нет. В любом случае специалисты обойдут их. Бюрократы делают свое дело. Простые граждане совершают ошибку, когда жалуются на то, что бюрократы присвоили себе чужие права; они сами и их доверенные лица отказались от своего полномочия. Незнание ими основополагающих экономических проблем обеспечило господство профессиональных специалистов. Все технические и юридические частности законодательной деятельности могут и должны быть оставлены на усмотрение экспертов. Но демократия становится нереальной, если выдающиеся граждане, интеллектуальные лидеры общества не в состоянии сформулировать собственное мнение по основным социальным, экономическим и политическим принципам политики. Если граждане находятся в интеллектуальной зависимости от бюрократов-профессионалов, общество разделяется на две касты: правящих профессионалов, браминов, и легковерных граждан. Тогда появляется деспотизм, какие бы слова ни употреблялись в конституциях и законах. Демократия означает самоопределение. Но как люди смогут принимать решения по своим собственным делам, если они настолько безразличны, что не хотят, размышляя, выработать независимые суждения по основным политическим и экономическим проблемам? Демократия не является благом, которым люди могут пользоваться без всяких хлопот. Напротив, это сокровище, которое нужно ежедневно защищать и заново отвоевывать ценой напряженных усилий. -----

Заключение АНАЛИЗ технических характеристик бюрократического управления и его противоположности -- управления, основанного на получении прибыли, дает нам ключ к справедливой и непредвзятой оценке обеих систем ведения дел в условиях разделения труда. Государственное управление, организация работы государственного аппарата принуждения и насилия неизбежно должны быть формалистическими и бюрократическими. Никакая реформа не может устранить бюрократические черты государственных учреждений. Бесплезно обвинять их в медлительности и нерадивости. Тщетно сетовать на то, что средний клерк бюрократического учреждения, как правило, менее прилежен, аккуратен и старателен, чем средний работник частного бизнеса. (Тем не менее, существует немало государственных служащих, чье искреннее рвение граничит с бескорыстным самопожертвованием) При отсутствии безусловного критерия успеха почти невозможно найти стимул, обеспечивающий максимальную самоотдачу подавляющего большинства людей, тогда как в бизнесе, ориентированном на получение прибыли, его можно без труда обнаружить в денежной смете доходов и расходов. Бесплезно критиковать то, что бюрократ педантично соблюдает жесткие правила и предписания. Такие правила необходимы, если мы не хотим, чтобы сфера государственного управления вышла из подчинения высшим должностным лицам и выродилась в господство второстепенных клерков. Более того, эти правила являются единственным средством обеспечить верховенство закона при ведении государственных дел и защитить граждан от деспотического произвола. Стороннему наблюдателю легко обвинять бюрократический аппарат в расточительности. Но чиновник, на котором лежит ответственность за исправное функционирование государственной службы, смотрит на вещи с иной точки зрения. Он не хочет слишком сильно рисковать. На всякий случай он предпочитает перестраховаться. Все подобные недостатки присущи службам, которые

невозможно контролировать при помощи денежной сметы доходов и расходов. На самом деле, мы так никогда и не знали бы, что это действительно недостатки, если бы не были в состоянии сравнить бюрократическую систему с предпринимательством, ориентированным на получение прибыли. Эта постоянно критикуемая система "презренной" погони за прибылью заставила людей заботиться об эффективности и стремиться к максимальной рационализации. Ничего не поделаешь. Мы должны примириться с тем, что к департаменту полиции или к службе сбора налогов нельзя применять методы, хорошо себя зарекомендовавшие в бизнесе, ориентированном на получение прибыли. Однако все дело приобретает совершенно иную окраску, если принять во внимание фанатичные попытки превратить весь механизм производства и распределения в гигантское бюрократическое учреждение. Ленинская идея взять организацию государственной почтовой службы за образец для экономической организации всего общества и сделать каждого человека винтиком в огромной бюрократической машине <Lenin, State and Revolution, New York ed., 1935, p. 44. (Ленин В. И., Государство и революция, Полн. собр. соч., т. 33. С. 50)> заставляет нас продемонстрировать неполноценность бюрократических методов по сравнению с методами частного бизнеса. Цель такого рассмотрения, разумеется, не в том, чтобы опорочить труд сборщика налогов, таможенного чиновника или полицейского, либо умалить их достижения. Необходимо показать, однако, в каких существенных аспектах металлургический завод отличается от посольства, а обувная фабрика от бюро регистрации браков, и почему было бы вредно реорганизовывать булочную по образцу почтового отделения. То, что на весьма предвзятом языке называется заменой принципа получения прибыли принципом "государственного служения", в действительности приведет к отказу от единственного метода, обеспечивающего рациональность и возможность экономического расчета при производстве предметов первой необходимости. Прибыль, полученная предпринимателем, свидетельствует о том, что он хорошо обслужил потребителей, то есть всех людей. Но в отношении бюрократических учреждений не существует какого-либо метода определения успешности их деятельности путем экономического расчета. В любой социалистической системе только центральный орган управления производством будет иметь право приказывать, а все остальные должны будут выполнять полученные приказания. Все люди, за исключением Царя производства, должны будут безоговорочно соблюдать инструкции, законы, правила и предписания, разработанные верховным органом. Конечно, у каждого гражданина, возможно, будет право предложить какие-либо изменения в этой гигантской системе строгой регламентации. Но путь от такого предложения до принятия его компетентной высшей властью в лучшем случае будет так же долг и труден, как сегодняшний путь от письма к редактору или статьи в периодическом издании, предлагающих какую-либо поправку к закону, до ее принятия законодательным органом. В ходе исторического развития существовало множество движений, с фанатизмом и энергией призывавших к реформам общественных институтов. Люди боролись за свои религиозные убеждения, за сохранение своей цивилизации, за свободу, за самоопределение, за отмену рабства и крепостничества, за справедливость и правосудие. Сегодня миллионы пришли в восхищение от замысла превратить весь мир в бюрократическое учреждение, сделать каждого человека бюрократом и уничтожить всякую частную инициативу. Будущий рай представляется всеохватывающей бюрократической машиной. Самое мощное реформаторское движение, которое когда-либо знала история, первое идеологическое направление, которое не ограничивается лишь частью человечества, а поддерживается людьми всех рас, национальностей, религий и культур, ставит своей целью всестороннюю бюрократизацию. Почтовое отделение стало моделью Нового Иерусалима. Почтовый служащий стал прототипом человека будущего. За воплощение этого идеала в жизнь были пролиты реки крови. В этой книге мы обсуждаем не личности, а системы общественной организации. Мы не хотим сказать, что почтовый служащий чем-то хуже всех других людей.

Необходимо лишь отдавать себе отчет, что смирительная рубашка бюрократической организации парализует инициативу индивида, в то время как в капиталистическом рыночном обществе новатор все еще имеет шансы на успех. Первая система способствует стагнации и сохранению давно укоренившихся методов, вторая способствует прогрессу и совершенствованию общества. Капитализм прогрессивен, а социализм нет. Это утверждение не опровергается тем, что большевики скопировали многие американские нововведения. Так поступали все восточные народы. Но из этого вовсе не следует, что все цивилизованные страны должны копировать русские методы общественной организации. Защитники социализма называют себя прогрессистами, но предлагают систему, для которой характерны строгое соблюдение заведенного порядка и сопротивление каким бы то ни было улучшениям. Они называют себя либералами, но стремятся уничтожить свободу. Они называют себя демократами, но мечтают о диктатуре. Они называют себя революционерами, но хотят сделать государство всемогущим. Они обещают райские блага, но замышляют превратить мир в гигантское почтовое отделение. Все люди, кроме одного, станут мелкими служащими в бюрократическом учреждении -- какая заманчивая утопия! Какая благородная цель для борьбы! Против всего этого неистовства и возбуждения существует только одно оружие - разум. Чтобы не дать человеку пасть жертвой призрачных фантазий и ничего не значащих модных словечек, -- нужен просто здравый смысл.

ЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ХАОС Введение АНТИКАПИТАЛИЗМ -- характерная черта эпохи диктаторов, войн и революций. Большинство правительств и политических партий склонны к ограничению сферы частной инициативы и свободного предпринимательства. Убеждение, что капитализм отжил свое и что грядущая всесторонняя регламентация экономической активности одновременно и желательна и неизбежна -- стало почти неоспариваемой догмой. При всем при этом капитализм еще очень силен в Западном полушарии. Прогресс капиталистической промышленности даже в последние несколько лет поразителен. Методы производства очень усовершенствовались. Потребители получают более дешевые и лучшего качества товары, в том числе много новинок, которые были невообразимы еще пару лет назад. Во многих странах объем производства расширялся, а качество товаров совершенствовалось. Несмотря на антикапиталистическую политику всех правительств и почти всех политических партий, капиталистический сектор хозяйства все еще выполняет свою социальную функцию по предоставлению потребителям большего количества все более дешевых и более качественных товаров. Улучшение качества жизни в странах, приверженных принципу частной собственности на средства производства, конечно же, ни в какой степени не является заслугой правительственных и профсоюзных чиновников, равно как и функционеров политических партий. Не канцелярии и бюрократы, но большой бизнес заслуживает похвалы за то, что основная часть семей в США владеет автомобилем или приемником. Рост душевого потребления в Америке по сравнению с тем, что было четверть века назад, не является результатом деятельности законов или администрации. Это достижение бизнесменов, которые расширяли свои предприятия или создавали новые. Этот момент следует подчеркнуть, поскольку современники склонны его игнорировать. Замороженные предрассудками этатизма и иллюзиями всемогущества правительства, они во всем склонны видеть только эффект правительственных мероприятий. [Термин этатизм введен в научный и политический оборот либеральным швейцарским государственным деятелем Н. Дро (1844--1899) для характеристики таких черт социализма как всеобъемлющая роль государства, централизация руководства экономикой, примат государственности перед свободой личности. В первой половине XX века термин был переосмыслен в системе некоторых политических и экономических концепций, с него был снят негативный акцент. Под этатизмом стало пониматься активное участие государства в экономической жизни общества. Этатизм был объявлен, например, одним из устоев

кемалистской Турецкой республики, что было даже зафиксировано в Конституции 1937 года. Но в устах либералов этот термин по-прежнему звучит с отрицательным оттенком.] Они ожидают всего от предприимчивости властей и почти ничего не ждут от инициативы граждан. И при всем этом единственный путь к росту благосостояния -- рост объема производства. К этому и стремится деловой мир. Абсурдность нашего времени в том, что гораздо больше внимания уделяется достижениям правительственного Управления по развитию долины Теннесси, чем несравненным и беспрецедентным достижениям американской промышленности. Однако именно последние позволили Союзникам выиграть войну. Предвзвешенность, согласно которому Государство или Правительство воплощают почти все благое и благотворное, а индивидуумы -- жалкие ничтожества, склонные постоянно вредить друг другу и нуждающиеся в опеке, -- почти никем не оспаривается. Даже малейшее сомнение в нем -- запрещено. Тот, кто провозглашает божественность государства и непогрешимость его священников -бюрократов, есть беспристрастный служитель социальных наук. Все пытающиеся возражать клеймятся как предубежденные и узколобые. Адепты нового культа Государства еще более фанатичны и менее терпимы, чем были магометанские завоеватели Африки и Испании. История назовет наше время эпохой диктаторов и тиранов. В последние годы мы были свидетелями крушения двух из этих раздувшихся сверхчеловеков [имеется в виду Муссолини и Гитлер]. Но дух, который вознес этих прохвостов к самодержавной власти, сохранился. Он пронизывает учебники и газеты, он звучит из уст учителей и политиков, он воплощается в партийных программах, в романах и пьесах. Пока этот дух преобладает, не может быть надежды на длительный мир, на демократию, на сохранение свободы или на подъем национальных экономик. <Я использую термин "демократия" для обозначения системы правления, при которой управляемые могут определять прямо (плебисцитом) или косвенно (через выборы) способ отправления исполнительной и законодательной власти и выбирать высших администраторов. Демократия есть прямая противоположность принципов большевизма, нацизма и фашизма, согласно которым группа самозванных лидеров может и должна силой захватить бразды правления и насильем принудить большинство к повиновению.> -----

--

Провал интервенционизма НЕТ ничего менее популярного ныне, чем экономика свободного рынка, т. е. капитализм. Все, что считается неудовлетворительным в современных условиях, приписывается действию капитализма. Атеисты возлагают на капитализм ответственность за возрождение христианства. Но папские энциклики клеймят капитализм за распространение равнодушия к религии и за грехи современного человечества, а протестантские церкви и секты не менее горячо обличают капиталистическую алчность. Пацифисты видят в войнах проявление капиталистического империализма. Но несгибаемые националисты в Германии и Италии ставят в вину капитализму "буржуазный" пацифизм, враждебный человеческой природе и неизбежным законам истории. Моралисты клеймят капитализм за разрушение семьи и насаждение распущенности. Но "прогрессисты" ставят ему в счет сохранение устарелых сексуальных ограничений. Почти все согласны в том, что нищета есть результат капитализма. С другой стороны, многие склонны изобличать капитализм в том, что, потворствуя тяге людей к удобствам и зажиточности, он насаждает грубый материализм. Эти противоречивые обвинения капитализма взаимно уничтожаются. Но остается фактом, что очень немногие сейчас воздерживаются от возможности обвинить капитализм хоть в чем-нибудь. Хотя капитализм является экономической базой современной Западной цивилизации, политика всех западных стран направляется явно антикапиталистическими идеями. Цель всех разновидностей интервенционизма не в сохранении капитализма, но в замещении его смешанной экономикой. Предполагается, что такая смешанная экономика не является ни капитализмом, ни социализмом. Она описывается как третий путь, равноудаленный и от

капитализма, и от социализма. Предполагается, что, пребывая посередине, третий путь сохраняет все достоинства и капитализма и социализма, не имея в то же время недостатков того и другого. Более полувека назад выдающийся деятель английского социалистического движения Сидней Вебб провозгласил, что социалистическая философия представляет собой "сознательное и явное провозглашение принципов организации общества, которые уже были освоены, большей частью бессознательно". Он добавлял, что экономическая история XIX века была "почти непрерывным свидетельством прогресса социализма" <Sidney Webb, Fabian Essays in Socialism. New York, 1891, p. 4 (впервые опубликовано в 1889 г.)>. Несколькоми годами позже, почтенный государственный деятель Британии сэр Вильям Харкурт, констатировал: "Мы все социалисты теперь" <G. M. Trevelyan, A Shortend History of England London, 1942, p. 510>. Когда в 1913 году американец Элмер Робертс [Робертс Элмер (1863--1924) -- американский историк] опубликовал книгу об экономической политике имперского правительства в Германии с конца 1870-х годов, он назвал ее политикой "монархического социализма" <Elmer Roberts, Monarchical Socialism in Germany, New York, 1913>. Было бы, однако, неверным просто отождествлять интервенционизм и социализм. Немало таких, кто поддерживает политику государственного регулирования экономики как самый подходящий, способ прийти -- шаг за шагом -- к полному социализму. Но немало и таких интервенционистов, которые не являются отъявленными социалистами; их цель -- создание смешанной экономики как долговременной системы управления хозяйством. Они стремятся к ограничению, регулированию и "совершенствованию" капитализма посредством правительственного вмешательства в деловую активность и организации рабочих в профсоюзы. Чтобы понять существо смешанной экономики и природу правительственного вмешательства в хозяйственные процессы, нужно прояснить два момента. Во-первых, если в рамках частнособственнической экономики некоторые средства производства оказываются у правительства или муниципалитетов, это еще не означает, что мы имеем дело со смешанной экономикой, соединяющей черты социализма и частной собственности. Пока лишь отдельные предприятия контролируются государством, свойства рыночной экономики, как основы хозяйственной жизни, остаются незатронутыми. Государственные предприятия в роли покупателей сырья, полуфабрикатов и труда, так же как в роли продавцов товаров и услуг, вынуждены подлаживаться к механизмам рыночной экономики. Они подчинены закону рынка; они вынуждены стремиться к прибыли или, по крайней мере, избегать убытков. Когда они пытаются ослабить или вовсе устранить эту зависимость, покрывая убытки таких предприятий казенными субсидиями, единственным результатом оказывается сдвиг зависимости куда-либо еще. Это происходит просто потому, что средства для субсидий нужно где-то брать. Их можно получить из налогов. Но налоговые тяготы ложатся на людей, а не на правительство, налоги собирающее. Рынок, а не налоговое управление, определяет, на кого падает бремя налогов и как оно влияет на производство и потребление. Рынок и его неизбежный закон сохраняют верховенство. Во-вторых. Есть два способа строительства социализма. Один -- мы можем называть его марксистским или "русским" -- есть путь чисто бюрократический. Все предприятия становятся подразделениями государственного механизма, так же как управление армией и флотом или почтовой службой. Каждый отдельный завод, магазин или ферма занимают такое же положение по отношению к вышестоящему центру, как и почтовое отделение к Управлению почт. Весь народ преобразуется в единую трудовую армию, служба в которой обязательна; командующий этой армией является главой государства. Второй путь к социализму -- мы можем назвать его "германским" или системой *Zwanguwirtschaft* - отличается от первого тем, что иллюзорно и номинально сохраняет частную собственность на средства производства, предпринимательство и рыночную торговлю. Так называемые предприниматели продают и покупают, платят работникам, берут кредиты и платят проценты. Но они на самом деле больше не предприниматели. В

нацистской Германии их называли управляющими предприятиями или Betriebsfuhrer [Betriebsfuhrer (нем.) -- руководитель, вожь предприятия]. Правительство диктовало этим мнимым предпринимателям, что и как производить, по какой цене и у кого покупать, по какой цене и кому продавать. Правительство назначало тарифы и оклады, а также -- кому и на каких условиях капиталисты должны доверять свое имущество. Рыночный обмен в этих условиях был чистой фикцией. Когда цены, заработная плата и процентные ставки назначаются правительством, они только формально остаются ценами, заработной платой и процентными ставками. В действительности они превращаются в числовые коэффициенты, с помощью которых авторитарный порядок определяет доход, потребление и уровень жизни каждого гражданина. Правительство, а не потребитель, направляет производство. Властвует центральный совет управления производством, а все граждане становятся просто служащими государства. Это -- социализм, имеющей внешность капитализма. Некоторые черты капиталистической рыночной экономики при этом сохраняются, но они означают здесь нечто совершенно иное, чем в системе рыночной экономики. Этот факт необходимо выделить, чтобы не путать социализм с интервенционизмом. Система ограниченной рыночной экономики или интервенционизм отличается от социализма именно тем, что это все еще рыночная экономика. Власти стремятся влиять на рынок с помощью административного воздействия, но не стремятся к устранению рынка вообще. Они хотят, чтобы производство и потребление изменялись иначе, чем этого требует нестесненный рынок, и стремятся достичь этого за счет приказов, команд и ограничений, действенность которых обеспечивается всегда готовым к услугам аппаратом насилия и принуждения. Но это изолированные воздействия; власти пока еще не планируют соединить регулирующие меры в интегрированную систему, которая бы полностью контролировала все цены, доходы и процентные ставки, и которая, таким образом, сделала бы контроль производства и потребления делом государственной власти. Однако все методы интервенционизма обречены на провал. Это означает: интервенционистская политика необходимо ведет к результатам, которые с точки зрения собственных сторонников менее удовлетворительны, чем положение дел до вмешательства. Следовательно, эта политика ведет к результатам, противоположным намечаемым. фиксированный минимум заработной платы, устанавливается ли он правительственным декретом или давлением профсоюзов, бесполезен, если он соответствует рыночному уровню. Но если закон установит минимальную заработную плату на уровне более высоком, чем это сделал бы неограниченный рынок, то результатом будет постоянная безработица значительной части потенциальной рабочей силы. Правительственные расходы не способны создавать дополнительные рабочие места. Если правительство финансирует соответствующие расходы за счет налогов или за счет займов, оно, тем самым, уничтожает столько же рабочих мест, сколько и создает. Если правительственные расходы финансируются за счет займов у коммерческих банков, это ведет к кредитной экспансии и инфляции. Если в результате этой инфляции цены на сырье и материалы будут расти быстрее, чем номинальная заработная плата, безработица сократится. Но сокращение безработицы означает всего лишь, что реальная заработная плата уменьшается. Врожденные свойства капиталистической эволюции определяют постепенный рост реальной заработной платы. Причиной является последовательное накопление капитала и совершенствование технологии производства. Нет иного способа поднять уровень заработной платы для всех желающих, чем увеличить инвестированный капитал в расчете на одного занятого. Как только прекращается накопление дополнительного капитала, исчезает и тенденция к росту реальной заработной платы. Если вместо приращения начинается проедание капитала, реальная заработная плата начинает неизбежно падать, и так до тех пор, пока не будут устранены препятствия к дальнейшему приращению капитала. Правительственные меры, которые замедляют накопление или ведут к проеданию капитала -- как, например, конфискационное налогообложение, пагубны для жизненных интересов рабочих. Кредитная экспансия

может вызвать временный бум. Но такое кажущееся процветание неизбежно кончается общим упадком торговли, кризисом. Едва ли можно утверждать, что экономическая история последних десятилетий не оправдала пессимистических прогнозов экономистов. Наше время обречено на великие экономические потрясения. Но дело не в кризисе капитализма. Это кризис интервенционизма, кризис политики, созданной для совершенствования капитализма. Ни один экономист никогда не рисковал утверждать, что интервенционизм может привести к чему-нибудь, кроме несчастья и хаоса. Защитники интервенционизма - в первую очередь, последователи прусской исторической школы, и американские институционалисты -- не были экономистами. Напротив. Для реализации своих замыслов, они всегда отрицали, что на свете есть такие вещи, как законы экономики. По их мнению, правительства вольны стремиться к любым целям, не связывая себя знанием о закономерности экономических явлений. Подобно германскому социалисту Фердинанду Лассалю, они полагали, что государство и есть Бог. [Лассаль Фердинанд (1825--1864) -- немецкий социалист, видный деятель германского рабочего движения. В социалистической концепции Лассалья едва ли не решающая роль отводилась государству. Государство, по Лассалю, даже в современной ему бисмарковской Пруссии могло и должно было стать организатором и инвестором социалистических производственных ассоциаций трудящихся.] Интервенционистам не свойственно подходить к анализу экономических вопросов с научной беспристрастностью. большей частью ими руководит завистливое недоброжелательство к тем, кто их богаче. Такая предубежденность лишает их способности видеть вещи, как они есть. Для них главное -- не улучшение жизненных условий населения, но борьба с предпринимателями и капиталистами, даже если эта политика пагубна для большинства. В глазах интервенционистов само существование прибыли есть беззаконие. Они, рассуждая о прибыли, не учитывают ее противоположности -- убытков. Они не сознают, что прибыль и убыток -- это инструменты, посредством которых потребитель держит под жестким контролем всю активность предпринимателей. Именно прибыль и убыток делают потребителя высшей властью в хозяйстве. Абсурдно противопоставлять производство для прибыли и производство для потребления. На нестесненном рынке прибыль можно получать только снабжая потребителей требуемыми товарами и услугами, и при этом -- самым лучшим и дешевым способом. Прибыль и убыток перемещают материальные факторы производства из рук неэффективных в пользу более эффективных производителей. Такова их социальная функция: делать в хозяйственной жизни более влиятельным того, кто наилучшим образом производит желаемое людьми. Потребители страдают, когда законы страны не позволяют самым эффективным предпринимателям расширять свое дело. Именно успешное удовлетворение массового спроса сделало некоторые предприятия -- "большим бизнесом". Антикапиталистическая политика саботирует деятельность капиталистической системы рыночной экономики. Провал интервенционизма вовсе не свидетельствует о необходимости перехода к социализму. Он просто говорит о тщете интервенционизма. Все те беды, которые самодельные "прогрессисты" толкуют как свидетельство краха капитализма, есть результат предположительно благотворного вмешательства в работу рынка. Только невежды, ошибочно отождествляющие интервенционизм и капитализм, могут полагать, что в социализме спасение от этих бед. Диктаторский характер интервенционизма МНОГИЕ защитники интервенционизма шалют, когда им говоришь, что их позиция усиливает антидемократические и диктаторские силы, играет на руку тоталитарному социализму. Они защищаются, заявляя о себе как об искренних поклонниках демократии и врагах тирании и социализма. Они стремятся только к улучшению положения бедняков. Ими движут только любовь к социальной справедливости и стремление к более справедливому распределению дохода. И все это только ради сохранения капитализма и его политической надстройки или суперструктуры, а именно: демократического правительства. Чего эти люди не способны осознать -- это, что предлагаемые ими меры не

способны привести к желаемым благим результатам. Напротив, они порождают такое состояние дел, какое -- с точки зрения их защитников -- много хуже изначального, которое пытались улучшить. Если правительство, столкнувшись с крахом первого вмешательства, не готово вернуться к свободной экономике и позволить рынку выправить ситуацию, оно должно будет наращивать цепь ограничений и регулирования. По этому пути шаг за шагом оно дойдет до того, что все экономические свободы индивидуума исчезнут. При этом и возникнет социализм на германский манер, Zwangswirtschaft нацистов. Мы уже поминали случай с минимальной заработной платой. Пойдем дальше и проанализируем типичный случай контроля цен. Если правительство стремится обеспечить бедных детей молоком, оно должно купить молоко по рыночной цене и затем продать его подешевле; убытки можно покрыть за счет налогов. Но если правительство просто установит цену молока на уровне ниже рыночного, результаты окажутся противоположными целям правительства. Слабейшие производители, чтобы избежать убытков, прекратят производство и торговлю молоком. Молока на рынке станет меньше, а не больше. Это совсем не то, к чему стремилось правительство. Оно ведь вмешалось потому, что считало молоко жизненной необходимостью. Оно не хотело ограничивать его производство. Теперь правительство оказывается перед выбором: либо отказаться от намерений контролировать цены, либо добавить к первому декрету второй -- зафиксировать цены факторов производства, необходимых для производства молока. Тогда эта же история повторится. Правительству придется зафиксировать цены тех факторов производства, которые необходимы для производства молока. Так, правительству придется идти все дальше, фиксируя цены всех факторов производства -- цены труда и материалов -- и принуждая каждого предпринимателя и каждого рабочего продолжать трудиться при этих ценах и заработной плате. Ни одна ветвь производства не сможет избежать всеохватывающего определения цен и заработной платы. Если исключить из этого круга какие-либо производства, они начнут стягивать к себе труд и капитал, а в результате сократится производство тех товаров, для которых цены установлены правительством. Это и будут те самые производства, которые правительство сочло особенно важными для удовлетворения потребностей населения. Но когда достигнуто состояние всестороннего контроля хозяйственной жизни, рыночная экономика оказывается вытесненной системой плановой экономики, социализмом. Конечно, это не социализм, при котором непосредственное управление каждым предприятием осуществляет правительство, как в России, это -- социализм на германский или нацистский манер. Многие были восхищены предполагаемым успехом политики контроля цен в Германии. При этом говорилось: достаточно быть столь же безжалостным и грубым как нацисты, и политика контроля цен станет вполне осуществимой. Эти люди, готовые в борьбе с нацизмом использовать его же методы, не поняли того, что нацисты осуществляли контроль цен не в рыночной системе, но в полноценном социалистическом обществе, в тоталитарной республике. Если контроль цен ограничен только некоторыми сырьевыми товарами, то получатся результаты, обратные намеренным. Он не может работать удовлетворительно в рамках рыночной экономики. Если правительство из провала ограниченных попыток контроля цен не сделает вывода о необходимости оставить вовсе эти эксперименты, то ему придется идти все дальше и дальше, замещая рыночные отношения всесторонним социалистическим планированием. Производство может направляться либо рыночными ценами, которые устанавливаются в результате того, что кто-то купил, а кто-то воздержался от покупки, либо центральным правительственным советом по управлению производством. Третьего решения не существует. Невозможна третья социальная система, которая была бы ни социалистической, ни капиталистической. Правительственный контроль только части цен должен привести к положению, которое всегда и везде будет предельно нелепым и несовместимым ни с какими разумными целями. Такая политика ведет к хаосу и социальным беспорядкам. Именно это имеют в виду экономисты, говоря об экономическом законе в том смысле, что интервенционизм противоречит закону

экономики. В рыночной экономике верховным авторитетом являются потребители. Решения купить или не покупать определяют, что производится предприятиями, в каком количестве и какого качества. Покупки непосредственно, напрямую определяют цены потребительских товаров, а косвенно, -- и цены всех инвестиционных товаров, то есть цены трудовых ресурсов и материальных факторов производства. Покупательская активность влияет на формирование прибылей и убытков, определяет ставки кредитов. В конечном счете, потребитель определяет каждый индивидуальный доход. Центром рыночной экономики является сам рынок, то есть процесс образования цен на товары массового спроса, ставок заработной платы, величины процента и их производных -- прибылей и убытков. Эта зависимость носит непосредственный, прямой характер для предпринимателей, фермеров, капиталистов и лиц свободных профессий, и косвенный характер для всех остальных -- работающих за жалование или заработную плату. Рынок согласует усилия тех, кто производит товары для нужд потребителей, и желания самих потребителей. Он подчиняет производство нуждам потребления. Рынок -- это демократический строй, в котором каждый грош дает право голоса. Конечно, у разных людей далеко не одинаковые возможности голосования. Богачи имеют больше бюллетеней, чем бедняки. Но в рыночной экономике богатство и большие доходы -- это результат прошлых выборов. В рыночной экономике, не развращенной правительственными привилегиями и ограничениями, единственный путь к приобретению и сохранению богатства -- услужение потребителю самым лучшим и дешевым способом. Капиталисты и землевладельцы, которые не могут преуспеть в этом, несут убытки. Если они не способны изменить своего поведения, то разоряются и становятся бедняками. Потребители -- та инстанция, которая превращает бедняков в богачей и наоборот. Это решением потребителей доходы кинозвезды и оперной дивы настолько больше доходов бухгалтера или сварщика. Каждый волен не соглашаться с результатами выборной кампании или рыночного процесса. Но в демократическом обществе у него есть единственный способ изменить что-либо -- убедить других. Того, кто говорит: "Мне не по душе выбранный мэр. Попрошу-ка я правительство заменить его другим человеком", - вряд ли кто-либо сочтет демократом. Но если нечто в том же роде произносится по поводу рыночных дел, то большинству людей просто не хватит воображения, чтобы увидеть в этом притязания на диктатуру. Потребители сделали свой выбор, чем и определили доходы фабриканта обуви, кинозвезды и сварщика. Кто такой профессор Х, что берет на себя привилегию менять их решения? Если бы он не был потенциальным диктатором, то не попросил бы правительство о вмешательстве. Он бы попытался убедить сограждан в том, что нужно увеличить спрос на услуги сварщика и сократить спрос на обувь и кинофильмы. Потребители не желают платить за хлопок такую цену, чтобы даже предельные фермы, то есть те, которые производят хлопок при самых неблагоприятных условиях, стали прибыльными. Конечно, это скверно для многих фермеров, которым теперь нужно бросить выращивание хлопка и найти иной способ включиться в круговорот производства. Но что нам думать о государственном деятеле, который административными мерами поднимает цены хлопка над уровнем свободных рыночных цен? Целью вмешательства является замена воли потребителей на силы полицейского давления. Все разговоры о том, что государство должно сделать то или это, означают, в конечном итоге, лишь одно: администрация должна принудить потребителей вести себя иначе, чем хочется им самим. Все предложения типа: "поднимем сельскохозяйственные цены", "поднимем заработную плату", "понижим прибыли", "урежем доходы менеджеров", - в конечном счете, предполагают в качестве слушателя -- полицию. Однако авторы такого рода проектов настаивают на том, что они стремятся к свободе и демократии. Во всех несоциалистических странах профсоюзам дарованы особые права. Им позволено не допускать к работе тех, кто не является членом союза. Они могут призывать к стачкам, а во время стачек они вольны применять силу к тем, кто готов работать, т. е. к штрейкбрехерам. Неограниченные привилегии даны работникам ключевых отраслей

промышленности. Те, от кого зависит снабжение населения водой, светом, пищей и другими насущными благами, могут в результате забастовки вырвать у общества все, что заблагорассудится -- за счет остального населения. В Соединенных Штатах до сих пор соответствующие профсоюзы использовали такие возможности с похвальной умеренностью. Другие профсоюзы, в том числе европейские, были менее сдержаны. Они склонны при случае добиться прироста заработной платы любыми средствами, не заботясь о страданиях других. Интервенционистам просто не хватает мозгов, чтобы осознать, что давление и принуждение со стороны профсоюзов абсолютно несовместимы ни с какой системой организации общества. Эта проблема никак не соотносится с правом граждан создавать союзы и ассоциации: во всех демократических странах граждане имеют эти права. Никто не оспаривает и права человека отказаться от работы, забастовать. Сомнение вызывает только привилегия профсоюзов на безнаказанное обращение к насилию. Эта привилегия столь же несовместима с социализмом, как и с капитализмом. Никакое социальное сотрудничество и разделение труда невозможны, если некоторые люди или союзы имеют право насилием или угрозой насилия не допускать других к работе. Подкрепленная насилием стачка в жизненно важных отраслях производства, равно как и всеобщая стачка равносильны революционному разрушению общества.

Правительство фактически складывает свои полномочия, если оно позволяет кому-либо еще осуществлять насилие. Результатом отказа правительства от монопольного права на насилие и принуждение является общественная анархия. Если верно, что демократическое правление не способно, безусловно, оградить право на труд от посягательства профсоюзов, демократия обречена. Тогда диктатура -- единственный способ сохранить систему разделения труда и избежать анархии. Диктатура в России и Германии стала результатом того, что там не нашли демократических способов обуздать насилие профсоюзов, просто в силу особенностей менталитета обеих стран. Диктатура запретила стачки и, тем самым, сломала хребет профсоюзов. В Советской Империи не возникает и вопроса о забастовках. Вера в то, что арбитраж способен ввести профсоюзы в рамки рыночной экономики и сделать их безвредными для сохранения внутреннего мира, иллюзорна. Судебное разрешение противоречий возможно при наличии ряда правил, приложимых к каждому отдельному случаю. Но если бы такой кодекс существовал и на его основе можно было бы разрешать конфликты о величине заработной платы, то тогда уже не рынок, а именно этот кодекс определял бы величину заработной платы. Тогда бы стало всевластным правительство, а не потребитель, продающий и покупающий на рынке. Если же такого кодекса не существует, то нет и инструмента для разрешения конфликта между работниками и хозяевами. Тогда тщетны все разговоры о "справедливой" заработной плате. Идея справедливости лишена смысла, если не соотносится с общепринятым стандартом. На практике, если предприниматели не пасуют перед угрозами профсоюзов, обращение к третейскому суду означает лишь, что конфликт разрешает назначенный правительством посредник. В установлении цены роль рынка вытесняет произвольное решение государственной власти. А вопрос всегда один и тот же: правительство или рынок. Третьего решения не существует. Метафоры зачастую полезны для уяснения сложных проблем, чтобы сделать их доступными не очень подготовленным людям. Но они же могут завести в тупик и абсурд, если забыть, что всякое сравнение несовершенно. Просто глупо относиться к метафорам всерьез и строить на них серьезные выводы. Не было ничего дурного в том, что экономисты описывали рыночные операции как автоматические, и при этом привычно подчеркивали анонимность рыночных сил. Нельзя было предугадать, что кто-либо окажется настолько тупым, чтобы воспринимать эти метафоры буквально. Не автоматические и не анонимные силы приводят в действие механизм рынка. Единственным фактором, который направляет работу рынков и определяет цены, являются целенаправленные действия человека. В этом нет автоматизма: есть только человек, сознательно стремящийся к избранным целям, использующий при этом определенные средства для достижения этих целей. Не

существует таинственных механических сил: есть только воля каждого индивидуума - насытить свои желания. На рынке нет анонимности: есть вы и я, Билл и Джо и все остальные. Каждый из нас участвует одновременно и в производстве и в потреблении. Каждый вносит свой вклад в определение цен. Перед нами не стоит выбор между автоматическими силами и плановыми действиями. Мы выбираем между демократическим процессом рынка, в котором каждый имеет свою долю, и абсолютистской властью диктаторского правительства. Что бы ни делали люди в рамках рыночной экономики, они всегда реализуют свои собственные планы. В этом смысле каждое действие человека предполагает планирование. Защитники идеи планирования призывают вовсе не к тому, чтобы заместить хаос порядком планирования. Они стремятся сделать так, чтобы вместо планов всех и каждого реализовывался план самого планировщика. Планировщик -- это потенциальный диктатор, который стремится к тому, чтобы лишить всех остальных власти планировать и затем действовать в соответствии со своими собственными планами. Он стремится только к одному: к исключительному и абсолютному господству своего собственного плана. Не менее ошибочно высказывание, что у несоциалистического правительства не может быть планов. Что бы ни делало правительство, это всегда выполнение тех или иных планов, замыслов. Можно не соглашаться с каким-либо планом. Но нельзя сказать, что это вовсе не план, а что-то иное. Профессор Уэсли С. Митчелл [Митчелл Уэсли Клер (1874--1948) -- американский экономист] утверждал, что либеральное правительство Британии "планировало не иметь вовсе никаких планов" <Westley C. Mitchell, *The Social Sciences and National Planning, -- Planned Society*, ed. Findlay Mackenzie, New York, 1937, p. 112>. В его планы входило поддержание частной собственности на средства производства, защита свободной инициативы и рыночной экономики. Великобритания была процветающей страной в период этих планов, которые, согласно профессору Митчеллу, вовсе не были "планами". Планировщики претендуют на то, что их планы научны, и что благонамеренные и достойные люди не могут их не одобрить. Однако наука не может нам сказать ничего о должном. Наука может говорить только о том, что есть. Она не может диктовать, что должно быть и к каким целям следует стремиться, фактом является то, что люди расходятся в своих ценностных суждениях. Претензия на право отменять планы других и понуждать их к выполнению планов самого планировщика -- наглая самонадеянность. Чей план следует исполнять? План СЮ [СЮ -аббревиатура Congress of Industrial Orgaiazations (русский аналог -- КПП -Конгресс производственных профсоюзов). СЮ (КПП) -- профсоюзное объединение американских рабочих, конституировавшееся в 1938 г. и просуществовавшее до конца 1955 г. КПП, отколовшийся от Американской федерации труда (АФТ), занял более радикальную позицию, чем АФТ, по вопросам внутренней политики.] или каких-либо других групп? План Троцкого или Сталина? План Гитлера или Штрассера? [Штрассер Грегор (1892--1934) -- один из основоположников национал-социалистической партии Германии. Перед приходом нацистов к власти находился в оппозиции к Гитлеру, возглавлял "радикальное крыло" партии, всячески прокламировавшее свои антикапиталистические позиции. В частности, в отличие от Гитлера, ориентировавшегося на поддержку предпринимателей, Штрассер делал ставку на профсоюзное движение. В 1932 году Г. Штрассер лишился руководящего поста в партии, а в 1934 году был ликвидирован физически.] Когда люди были привержены идее, что в области религии следует придерживаться только одного плана, гремели кровавые войны. С распространением принципов религиозной свободы эти войны утихли. Рыночная экономика обеспечивает мирное экономическое сотрудничество, поскольку она не затрагивает экономические планы своих граждан. Попытка заменить планы каждого гражданина общим Суперпланом должна привести к бесконечной войне. У тех, кто не согласен с планом диктатора, не остается другого выхода, как сразить деспота силой оружия. Вера в то, что система планового социализма может быть совмещена с демократическим правлением -- иллюзорна. Демократия неразрывно связана с

капитализмом. Она не может существовать там, где существует единое планирование. Припомним слова известнейшего из современных защитников социализма, профессора Гарольда Ласки. Он заявлял, что победа британских лейбористов на выборах должна привести к радикальному изменению парламентской системы. Социалистическая администрация нуждается в "гарантиях", что ее труды по перестройке общества не будут "разрушены" в случае поражения на следующих выборах. Значит, неизбежной оказывается приостановка действия Конституции <Laski, Democracy in Crisis, Chapel Hill, 1933, p. 87--88>. Как рады были бы Карл I и Георг III, доведись им ознакомиться с книгами профессора Ласки! [Карл I (1600--1649) -- король Англии, осуществлявший крайне реакционную политику. Неоднократно распускал непослушные парламенты (с 1629 по 1640 год Англия вообще жила без парламента), жестоко репрессировал оппозиционных парламентариев. Георг III (1783--1820) -- король Великобритании, известный своими абсолютистскими популяризациями. В частности, в 1794 году он приостановил действие Habeas corpus act -- закона (принятого парламентом еще в 1679 году), охранявшего жителей от административно-полицейского произвола.] Сидней и Беатриса Вебб (Лорд и Леди Пассфилд) говорят нам, что "в любом совместном деле единство мысли настолько важно для успеха, что, если мы хотим чего-то достичь, публичные дискуссии следует отложить на время от обнародования решения до выполнения задачи". В то время, когда "дело делается", всякое выражение сомнения или даже страха, что план окажется неуспешным, "является актом неверности или даже предательства" <Sidney and Beatrice Webb, Soviet Communism: A new Civilization? New York, 1936, Vol. II, p. 1038--1039 (Вебб С. и Б. Советский коммунизм -- новая цивилизация? Т. 2. М., 1937, с. 484--485)>. А поскольку процесс производства непрерывен, и всегда какое-то дело делается и всегда чего-то предстоит достичь, социалистическое правительство вправе никогда не предоставлять какой-либо свободы слова и печати. "Единство мысли" -- какая возвышенная формулировка идей Филиппа II и инквизиции! [Филипп II (1527--1598) -- король Испании. Фанатичный католик, главной своей задачей он считал искоренение инакомыслия во всей Европе и потому всячески поощрял инквизицию.] Об этом же другой славный обожатель Советов г-н Д. Кроутер говорит без всяких экивоков. [Кроутер Джеймс Джеральд (1899) -- английский науковед и историк науки, автор книг о науке в Советском Союзе.] Он прямо провозглашает, что инквизиция "благодетельна для науки, если она защищает восходящий класс" <D. G. Crowther, Social Relations of Science, London, 1941, p. 333>, то есть когда к ней прибегают друзья г-на Кроутера. Сотни подобных высказываний можно было бы процитировать. В Викторианскую эпоху [Викторианской эпохой именуют период истории Британской империи, связанный с пребыванием на престоле королевы Виктории (с 1837 по 1901 годы); это было время расцвета промышленного капитализма, успехов колониальной экспансии, расширения политических прав широких слоев населения], когда Джон Стюарт Милль писал свое эссе "О свободе", взгляды, созвучные идеям проф. Ласки, г-на Кроутера и супругов Вебб, именовались реакционными. [Милль Джон Стюарт (1806--1875) -- английский философ и экономист, последний крупный представитель классической школы в политической экономии. Будучи членом парламента, поддерживал демократические законопроекты. Убежденный либерал, Милль много занимался вопросами этики. Его работа "О свободе" вышла в свет в 1859 году.] Сегодня их называют "прогрессивными" и "либеральными". С другой стороны, людей, которые противостоят идеям отмены парламентского правления, упразднения свободы слова и печати и учреждения инквизиции, клеймят "реакционерами", "экономическими монархистами" и "фашистами". Те интервенционисты, которые видят в государственном регулировании экономики метод постепенного перехода к полному социализму, по крайней мере, последовательны. Если принятые меры не приводят к ожидавшимся благим целям, а кончаются, напротив, полным провалом, они требуют еще большего правительственного вмешательства, и так до тех пор, пока правительство не будет направлять всю

хозяйственную деятельность. Но те, кто смотрит на правительственное регулирование как на способ совершенствования и, следовательно, спасения капитализма, они совершенно запутались. С точки зрения этих людей все нежеланные и нежелательные последствия правительственного вмешательства в экономическую жизнь порождены самим капитализмом. Для них тот факт, что правительственное воздействие породило нетерпимое положение дел, есть оправдание дальнейшего вмешательства. Они, например, не способны осознать, что рост монополистических структур в наше время обязан таким правительственным инициативам, как законы о патентах и таможенных пошлинах. Они оправдывают правительственное вмешательство необходимостью предотвращения монополизации. Сложно придумать более иррациональную идею. Ибо правительство, от которого они ждут борьбы с монополизмом, есть то самое правительство, которое преданно служит принципу монополии. Так американское правительство времен Нового Курса, стремилось к тотальной монополизации всех отраслей американского хозяйства через программы NRA, и попыталось организовать сельское хозяйство США как супермонополию, ограничить сельскохозяйственное производство, чтобы заменить низкие рыночные цены на высокие монопольные. Это правительство участвовало в различных международных соглашениях по сырью, нескрываемой целью которых было учреждение международных монополий по разным видам сырья. То же самое верно и для других правительств. Союз Советских Социалистических республик также участвовал в ряде межправительственных монополистических соглашений <см. сборник этих соглашений, опубликованных Международным бюро труда под заглавием Intergovernmental Commodity Control Agreements, Montreal, 1943>. Его отвращение к сотрудничеству с капиталистами было не столь сильным, чтобы отказаться от возможности расширить сферу монополизации. Программой этого внутренне противоречивого интервенционизма является диктатура, предположительно нацеленная на освобождение людей. Но свободу эти деятели понимают, как свободу поступать "правильно", то есть делать то, что замыслено планировщиками. Мало того, что они не осознают неизбежных при этом экономических проблем и трудностей. У них к тому же отсутствует способность к логическому мышлению. Самое нелепое оправдание интервенционизма предлагают те, кто рассматривает конфликт между капитализмом и социализмом в терминах борьбы за распределение дохода. Почему бы собственническим классам не быть более уступчивыми? Почему бы им не предоставить избыток своих доходов в пользу бедных рабочих? Почему они сопротивляются намерениям правительства поднять долю обездоленных за счет установления минимальной заработной платы и потолка для роста цен? Почему бы им не урезать свои прибыли и процент до более "справедливого" уровня? Уступчивость в данных вопросах, говорят эти люди, ослабит позиции радикальных революционеров и сохранит капитализм. Худшими врагами капитализма, с их точки зрения, являются те непреклонные доктринеры, которые своей избыточной заботой о сохранении экономической свободы, системы Laissez-faire и Манчестерства срывают все попытки достижения компромисса с требованиями труда. [Манчестерство -- направление в экономической науке и политике, сформированное представителями так называемой Манчестерской школы. Ее основатели -английские экономисты и политические деятели Р. Кобден (1804--1865) и Дж. Брайт (1811--1889), -- выступали за полную экономическую свободу товаропроизводителей, против какого-либо государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность. Манчестерская школа вела борьбу против политики протекционизма, правительственных субсидий промышленности, фабричного законодательства, регулирования зарплаты как со стороны государства, так и со стороны профсоюзных объединений.] Только негибкие реакционеры виновны в горечи современных партийных распрей и в порождаемой ими неумолимой ненависти. Что нужно на самом деле, так это принять конструктивную программу вместо чисто негативистских принципов экономических монархистов. И, конечно же, с их точки зрения, "конструктивно" только государственное вмешательство. Однако, такой способ

рассуждения совершенно порочен. Предполагается, что вмешательство правительства в хозяйственную жизнь приведет к ожидаемым благим результатам. При этом постыднейше игнорируются все заявления экономистов о тщетности целей государственного регулирования и о его неизбежных и нежелательных последствиях. Вопрос не в том, справедливы или нет ставки минимальной заработной платы, но -- не приведут ли они к появлению безработицы среди тех, кто ютов работать. Называя эти меры справедливыми, интервенционисты не опровергают возражения экономистов. Они просто демонстрируют свое полное невежество в этом вопросе. Конфликт между капитализмом и социализмом вовсе не является борьбой двух групп за то, как разделить между собой данный объем благ. Это спор о том, какой тип организации общества наилучшим образом служит благосостоянию человечества. Противники социализма отрицают его не потому, что завидуют благам, которые рабочие, предположительно, извлекут из социалистической организации производства. Они сражаются с социализмом именно из убеждения, что он будет пагубен для масс, которые обречены на то, чтобы превратиться в нищих рабов, полностью зависимых от безответственных диктаторов. В этой борьбе идей каждый должен сделать определенный выбор. Необходимо встать либо на сторону защитников экономической свободы, либо примкнуть к адвокатам тоталитарного социализма. Этого выбора нельзя избежать на путях интервенционизма как предположительно срединной позиции. Ибо интервенционизм не является ни срединным путем, ни компромиссом между капитализмом и социализмом. Это третья система. Система, нелепость и тщетность которой признается не только всеми экономистами, но даже марксистами. Не может быть "чрезмерной" защита экономической свободы. С одной стороны, производство может направляться усилиями каждого индивидуума приспособить свое поведение так, чтобы удовлетворять наиболее настоятельным потребностям потребителей и самым подходящим способом. С другой стороны, производство может направляться правительственными указами. Если эти указы будут затрагивать только отдельные детали экономического механизма, они не достигнут цели, и даже их сторонникам будет не по душе результат. Если же они приведут к всесторонней регламентации, это и будет тоталитарный социализм. Человек должен выбрать между рыночной экономикой и социализмом. Государство может поддерживать рыночную экономику, защищая жизнь, здоровье и частную собственность от насилия и мошенничества. Либо оно может взять на себя контроль за всей хозяйственной деятельностью. Кто-то должен определять цели производства. Если это не будут делать потребители посредством спроса и предложения, это придется делать правительству методами принуждения. -----

Социализм и коммунизм В РАБОТАХ Маркса и Энгельса термины коммунизм и социализм являются синонимами. Они используются по очереди и между ними не делается различия. Так это и сохранялось в практике всех марксистских групп и сект вплоть до 1917 года. Марксистские политические партии, которые относились к Коммунистическому манифесту, как к неперемennomу евангелию своей веры, называли себя партиями социалистическими. Наиболее влиятельная и многочисленная из этих партий -Германская -- приняла имя Социал-демократической партии. В Италии, во Франции и во всех других странах, где марксистские партии уже играли некую политическую роль до 1917 года, термин социалистический был взаимозаменен с термином коммунистический. Ни одному марксисту до 1917 года и в голову не приходило отделять коммунизм от социализма. В 1875 году в критике Готской программы Германской социал-демократической партии Маркс ввел различие между низшей (начальной) и высшей (зрелой) фазами будущего коммунистического общества. Но он не выделил "коммунизм" как исключительно высшую фазу и не называл низшую фазу "социализмом". Одной из фундаментальных догм Маркса был тезис, что социализм настанет "с неотвратимостью закона природы". Капиталистическое производство

отрицает самое себя и создает социалистическую систему общественной собственности на средства производства. "Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание" <Marx, Das Kapital, 7 Aufl. Hamburg, 1914, Bdl., s. 728 (К. Маркс, Капитал, Т. 1, -- Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 23, с. 773)>. Он не зависит от воли людей <Marx, Zur Kritik der politischen Oekonomie, Stuttgart, s. XI (К. Маркс, Критика политической экономии, -- Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 13, с. 6)>. Человек не может ни ускорить его, ни замедлить, ни отменить. Ибо "ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, а новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества" <Ibid., s. XII (там же, с. 7)>. Эта доктрина, конечно же, не согласуется с политической активностью самого Маркса и с идеями, которыми он оправдывал эту свою активность. Маркс пытался создать политическую партию, которая бы с помощью революции и гражданской войны завершила переход от капитализма к социализму. Характерной -- в глазах Маркса и всех марксистских доктринеров -- чертой их партий была их революционность, бескомпромиссная преданность идее насилия. Целью было поднять восстание, установить диктатуру пролетариата и безжалостно уничтожить всех буржуа. Действия Парижской коммуны в 1871 году рассматривались как превосходная модель такой гражданской войны. Парижское восстание, конечно, огорчительно провалилось. Но ожидалось, что последующие бунты будут успешными <см. Marx, Der Burgerkrieg in Frankreich, Berlin, 1919 (К. Маркс, Гражданская война во Франции, -- Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 17)>. Однако тактика марксистских партий в различных европейских странах безнадежно не совпадала ни с одним из этих противоречивых направлений в учении Карла Маркса. Они не верили в неизбежность прихода социализма. Не верили они и в успех революционного восстания. Они приняли методы парламентаризма. Они набирали голоса на выборах и посылали депутатов в парламент. Они "выродились" в демократические партии. В парламентах они вели себя подобно другим партиям оппозиции. В некоторых странах они заключали временные союзы с другими партиями, и порой социалисты попадали в Кабинет министров. Позже, после конца первой мировой войны, социалистические партии во многих парламентах заняли господствующее положение. В некоторых странах им одним принадлежала власть, в других -- они правили в коалиции с буржуазными партиями. Конечно, эти одомашненные социалисты до 1917 года не прекращали лицемерного восхваления принципов ортодоксального марксизма. Опять и опять они повторяли, что приход социализма неизбежен. Они подчеркивали традиционную революционность своих партий. Нельзя было оскорбить их сильнее, чем сомнением в неумолимой революционности их духа. Но фактически они были парламентскими партиями, подобными всем другим партиям. С истинно марксистской точки зрения, выраженной в поздних писаниях Маркса и Энгельса (появившихся после "Коммунистического манифеста"), все меры по ограничению, регулированию или улучшению капитализма суть просто "мелкобуржуазная" чепуха, порождаемая непониманием законов эволюции капитализма. Только полная зрелость капитализма ведет за собой социализм. Не только тщетность, но и пагубность для интересов пролетариев в попытке такой политики. Даже тред-юнионизм -- не адекватный способ улучшения положения рабочих <Marx, Value, Price and Profit, ed. by Eleonor Marx-Eveling, New York, 1907, pp. 72--74 (К. Маркс, Заработная плата, цена и прибыль, -- Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 16, с. 154--155)>. Маркс не верил, что правительственное вмешательство может оказаться полезным массам. Он яростно отрицал, что такие меры, как минимальная заработная плата, установление предельных цен, ограничение величины процента, социальное страхование и т.п. являются подступами к социализму. Он стремился к радикальному устранению системы заработной платы, что может быть достигнуто только в высшей фазе коммунизма. Он бы саркастически высмеял идею, что труд может

перестать быть товаром в рамках капиталистического общества благодаря совершенным законам. Но социалистические партии Европы были не меньше преданы идеям интервенционизма, чем Sozialpolitik кайзеровской Германии [Sozialpolitik (нем.) -- социальная политика; так именовалась выдвинутая в 1878 г. в жизнь программа социального законодательства, предусматривавшая государственные гарантии значительным слоям рабочего класса, особенно в области социального страхования, и проведенная рейхсканцлером Германской империи Отто Бисмарком] или американский Новый курс. Именно эту политику атаковали Жорж Сорель и синдикалисты. [Сорель Жорж (1847--1922) -- французский социолог и философ. Начав свой идейный путь как марксист, Сорель затем стал одним из основоположников анархо-синдикализма. Резко критикуя парламентско-реформистскую практику социалистических партий, он признавал единственной революционной силой синдикаты (профсоюзы), а политической борьбе противопоставлял прямые действия пролетариата: демонстрации, бойкот, всеобщую стачку. В последние годы жизни сблизился с националистами. Его взгляды оказали влияние на формирование идеологии итальянского фашизма: Муссолини называл Сореля своим духовным отцом. В то же время Сорель выступал в поддержку Октябрьской революции, призывал к оказанию помощи большевистской России.] Сорель, застенчивый интеллигент из буржуазной семьи, обличал "вырождение" социалистических партий, виной чему он считал проникновение в них буржуазных интеллигентов. Он мечтал о возрождении традиционного для масс духа безжалостной агрессии, об очищении его от сдерживающего влияния интеллектуальных трусов. Для Сореля имел значение только бунт. Он призывал к прямому действию, то есть к саботажу и общей стачке как начальным шагам в последней великой революции. Сорель имел успех большей частью у снобистских и праздных интеллектуалов и не менее снобистских и праздных наследников богатых предпринимателей. Он не оказал заметного воздействия на массы. Для марксистских партий его страстная критика была не более чем досадной помехой. Его историческая роль определяется большей частью воздействием его идей на эволюцию русского большевизма и итальянского фашизма. Чтобы понять ментальность большевизма, следует вернуться еще раз к догмам Карла Маркса. Маркс был совершенно убежден, что капитализм является стадией всеобщей экономической истории, которая не ограничена только несколькими развитыми странами. Капитализм нацелен на обращение всех частей мира в капиталистические страны. Буржуазия принуждает все страны превратиться в капиталистические страны. Когда пробьет последний час капитализма, весь мир однообразно будет находиться на стадии зрелого капитализма, созревший для перехода к социализму. Социализм возникнет одновременно во всех частях мира. Это утверждение Маркса оказалось ошибочным ничуть не менее, чем все остальные его утверждения. Нынче даже марксисты не могут отрицать и не отрицают, что черты капитализма в разных странах поразительно разнообразны. Они осознают, что многие страны, с точки зрения Марксового понимания истории, должны быть описаны как докапиталистические. В этих странах буржуазия еще не занимает господствующих позиций и еще не утвердила ту историческую стадию капитализма, которая является необходимой предпосылкой появления социализма. Этим странам надлежит еще завершить "буржуазные революции", а затем пройти все стадии капитализма, прежде чем можно будет поставить вопрос об их превращении в социалистические страны. Единственная политика, которую марксисты могут одобрить по отношению к таким странам, это безусловная поддержка буржуазии, во-первых, в ее стремлении к власти, а во-вторых, в ее капиталистических начинаниях. В течение долгого времени марксистская партия может не иметь других задач, кроме как быть подручной буржуазного либерализма. Только эту миссию последовательный исторический материализм мог предписать русским марксистам. Им следовало бы тихохонько ждать, пока капитализм не подготовит страну к приятию социализма. Но русские марксисты не желали ждать. Они обратились к новой модификации марксизма, согласно которой нации могут

перескакивать через стадии исторической эволюции. Они закрыли глаза на тот факт, что эта новая доктрина была не модификацией марксизма, но, скорее, отрицанием всего того, что еще от него оставалось. Это был нескрываемый возврат к домарксистским и антимарксистским социалистическим учениям, согласно которым человечество вольно утвердить социализм в любое время, как только сочтет, что эта система благоприятней капитализма. Тем самым был практически взорван весь мистицизм, присущий диалектическому материализму и марксовым непреложным законам экономической эволюции человечества. Освободившись от марксистского детерминизма, русские марксисты получили возможность выбрать наиболее подходящую тактику для построения социализма в своей стране. Их больше не беспокоили экономические проблемы. Они отбросили заботу о том, пришло ли время или нет. Перед ними осталась лишь одна задача - захватить власть. Одна группа утверждала, что устойчивый успех возможен только при массовой поддержке, хотя завоевывать большинство и не обязательно. Другая группа не одобрила такой длительной процедуры. Они предлагали решить дело смелым натиском. Малую группу фанатиков нужно организовать как авангард революции. Строгая дисциплина и безусловное подчинение вождю сделают эту группу пригодной для внезапной атаки. Они опрокинут царское правительство, а затем станут править страной традиционными методами царской полиции. Имена этих двух групп -- меньшевики и большевики -- были даны по результатам голосования в 1903 году при обсуждении тактических вопросов. Отношение к тактическим приемам было единственным различием между двумя группами. Обе они были согласны относительно конечной цели -- социализма. Обе секты пытались оправдать свои подходы обильным цитированием писаний Маркса и Энгельса. Это, конечно, марксистский обычай. И каждая секта находила в этих "священных книгах" высказывания, подтверждающие ее собственные позиции. Ленин, глава большевиков, знал своих соотечественников куда лучше, чем его противники и их вождь Плеханов. [Плеханов Георгий Валентинович (1856--1918) - основатель первой марксистской российской группы. Стоявший у истоков социал-демократии в России, после раскола на большевиков и меньшевиков (1903 г.) стал одним из лидеров меньшевистского течения. Плеханов не был политическим вождем меньшевиков, но пользовался у них высоким авторитетом как теоретик марксизма.] В отличие от Плеханова, он не стал ошибочно приписывать русским качества западных народов. Он помнил, как дважды иностранки просто захватывали престол и затем спокойно царили до конца дней своих. [Имеются в виду Екатерина I и Екатерина II. Жена Петра I, литовка по происхождению, Марта Скавронская после смерти мужа, не назначившего преемника престола, была провозглашена гвардейцами императрицей Екатериной I. Занимала императорский престол с 1725 по 1727 год. Немецкая княжна Софья Анхальт-Цербстская свергла, опираясь на гвардию, своего мужа Петра III и с 1762 по 1796 год царствовала под именем Екатерины II.] Он хорошо сознавал, что террористические методы царской тайной полиции весьма успешны, и верил, что способен существенно улучшить эти методы. Он был безжалостным диктатором и знал, что у русских не хватит мужества сопротивляться силе. Подобно Кромвелю, Робеспьеру и Наполеону он был честолюбивым узурпатором и совершенно не верил в революционный дух большинства населения. [Кромвель Оливер (1599--1658) -- деятель английской буржуазной революции, командующий вооруженными силами республиканцев. В 1653 г. установил режим личной военной диктатуры. Робеспьер Максимилиан (1758--1794) -- деятель Великой французской революции, руководитель якобинцев. С 1793 г. формально будучи только членом Комитета общественного спасения, фактически возглавлял правительство, сосредоточив в своих руках диктаторскую власть. Наполеон Бонапарт (1769--1821) в 1799 г. произвел государственный переворот, в результате которого как консул получил всю полноту власти. В 1804 г. провозглашен императором.] Династия Романовых была обречена из-за слабости незадачливого Николая II. Социалистический законник Керенский проиграл из-за приверженности принципам парламентаризма.

[Керенский Александр Федорович (1881--1970) -- русский политический деятель, эсер, адвокат по профессии. После февральской революции, свергнувшей царизм, вошел во временное правительство как министр юстиции. С июля 1917 г. -- министр-председатель Временного правительства, с сентября -- одновременно и Верховный главнокомандующий.] Ленин преуспел, потому что никогда не стремился ни к чему, кроме личной диктатуры. А русские томились по диктатору -- наследнику Ивана Грозного. Вовсе не революционное восстание прервало правление Николая II. Оно испустило дух на полях сражений. С наставшим безвластием Керенский не смог совладать. Уличные волнения в Санкт-Петербурге смели Керенского. Спустя недолгое время наступило 18-е брюмера Ленина. [18 брюмера VIII года по введенному во время Великой французской революции календарю (9 ноября 1799 г.) Наполеон Бонапарт захватил власть во Франции. С тех пор выражение "18 брюмера" стало символом политического переворота.] Несмотря на весь большевистский террор, в Учредительном собрании, избранном на основе всеобщего прямого голосования, большевике" было не более 20 процентов. [Л. Мизес несколько неточен: из 715 избранных депутатов было 175 (24,5%) большевиков. На заседание Учредительного собрания явилось только 410 депутатов, вследствие чего доля большевиков возросла примерно до 30%.] Ленин силой оружия разогнал Учредительное собрание. Краткосрочная "либеральная" интерлюдия закончилась. Из рук неспособных Романовых Россия перешла под власть настоящих авторитаристов. Ленину было мало завоевания России. Он был вполне убежден, что ему суждено принести благодать социализма не только России, но и всем другим народам. Официальное название, которое он выбрал для своего правления, -- Союз Советских Социалистических Республик -- не содержало никаких намеков на Россию. Оно было создано, как зародыш мирового правительства. Предполагалось, что все иностранные товарищи обязаны повиноваться этому правительству, а вся иностранная буржуазия в случае сопротивления виновна в измене и подлежит казни. Ленин ни в малейшей степени не сомневался, что все страны Запада -- на грани великой последней революции. Он со дня на день ожидал ее. По мнению Ленина, только одна группа в Европе могла -- хотя без надежды на победу -- попытаться предотвратить революционный взрыв: развращенные интеллигенты, захватившие руководство социалистическими партиями. Ленин издавна ненавидел этих людей за приверженность парламентским процедурам и за то, что они стояли на пути его диктаторских поползновений. Он ненавидел их, поскольку только на них взваливал вину за то, что социалистические партии поддерживали военные усилия своих стран. Уже во времена швейцарской эмиграции, которая закончилась в 1917 году, Ленин начал раскалывать социалистические партии Европы. Теперь он основал новый. Третий Интернационал, который им контролировался столь же своевластно, как большевистская партия. Для этой новой партии Ленин выбрал имя Коммунистическая партия. Коммунистам предстояло сокрушить социалистические партии Европы, этих "социал-предателей", и тем самым подготовить немедленное уничтожение буржуазии и захват власти вооруженными рабочими. Ленин не делал различия между социализмом и коммунизмом как социальными системами. Его целью не был коммунизм как противоположность социализма. Официальное имя страны было Союз Советских Социалистических (не коммунистических) республик. В этом плане он не собирался менять традиционную терминологию, в которой оба термина были синонимами. Он назвал своих последователей, единственных искренних и надежных защитников революционных принципов ортодоксального марксизма, коммунистами, а их тактику - коммунистической, дабы отличить их от "вероломных выкормышей капиталистических эксплуататоров", продажных лидеров Социал-демократии вроде Каутского и Альбера Тома. [Каутский Карл (1854--1938) -- немецкий экономист и философ, ученик Маркса и Энгельса, один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала. В деле завоевания власти пролетариатом он выдвигал на передний план мирные методы; Октябрьскую революцию встретил отрицательно. Тома Альбер (1878--

1932) -- французский историк, один из лидеров французских социалистов. В годы первой мировой войны стоял на позициях классового мира, входил в состав французского правительства. Активно выступал против выхода России из войны с Германией после Февральской революции.] Эти предатели, подчеркивал он, стремились к сохранению капитализма. Они не были истинными социалистами. Единственными подлинными марксистами оказались те, кто отверг имя социалистов, ставшее навеки позорным. Так возникло различие между коммунистами и социалистами. Те марксисты, которые не подчинились Московскому диктату, называли себя социал-демократами, или социалистами. Для них было характерно убеждение, что наилучшим способом перехода к социализму, -- конечная цель, роднившая их с коммунистами -- было завоевание поддержки большинства населения. Они отбросили революционную риторику и обратились к демократическим методам борьбы за власть. Их не заботила проблема: совместим ли социализм с демократией. Но ради перехода к социализму они были готовы ограничить себя демократическими методами. Коммунисты, напротив, в первые годы Коминтерна были твердыми приверженцами принципа революции и гражданской войны. Послушные только своему русскому вождю, они выбрасывали из своих рядов каждого заподозренного в том, что для него законы страны важнее, чем приказы партии. Кровавые мятежи и заговоры -такова была их жизнь. Ленин не мог понять, почему коммунисты потерпели неудачу всюду, кроме России. Он не ожидал многого от американских рабочих. Коммунисты понимали, что в США рабочим недоставало революционного духа, поскольку их развратило благополучие и испортила погоня за деньгами. Но Ленин не сомневался в классовой сознательности и приверженности революционным идеалам европейских масс Единственной причиной провала революций были, по его мнению, трусость и ошибки коммунистических руководителей. Вновь и вновь он менял своих наместников, но дела лучше не стали. В демократических странах коммунисты мало-помалу "выродились" в парламентские партии. Подобно старым социалистическим партиям до 1914 года, они продолжали ханжески славословить революционные идеалы. Но революционный дух могущественнее проявляет себя в салонах наследников больших состояний, чем в скромных домишках рабочих. В англо-саксонских и латиноамериканских странах социалистические избиратели верили в демократические методы. Здесь число искренних приверженцев коммунистической революции было очень небольшим. Большинство тех, кто публично клянется в верности идеалам коммунизма, почувствовали бы себя крайне неуютно в случае, если бы революционный взрыв поставил под угрозу их жизнь и собственность. В случае вторжения русских армий или успешного восстания местных коммунистов, они бы присоединились к победителям в надежде на то, что верность марксистской ортодоксии будет вознаграждена. Но сами по себе они не гнались за революционными лаврами. Ведь это факт, что за все тридцать лет страстной просоветской агитации ни одна страна за пределами России не стала коммунистической с согласия собственных граждан. Восточная Европа стала коммунистической, только когда дипломаты сговорились обратить эти страны в зону исключительного влияния и гегемонии России. Крайне маловероятно, что Западная Германия, Франция, Италия и Испания подпадут коммунизму, если только США и Британия не примут политику абсолютного дипломатического *desinterressement* [*desinterressement* (франц.) - незаинтересованность, равнодушие]. В этих и ряде других стран некоторую силу коммунистическим движениям дает только вера в безудержный "динамизм" России, контрастный безразличию и апатии англосаксонских стран. Маркс и марксисты прискорбно ошибались, предполагая, что массы стремятся к революционному перевороту "буржуазных" основ общества. Воинственные коммунисты обретаются только среди тех, для кого коммунизм уже сейчас служит источником средств к жизни и кто ожидает от революции удовлетворения своих честолюбивых притязаний. Разрушительная возня этих профессиональных заговорщиков опасна как раз в меру наивности тех, кто просто флиртует с революционной идеей. Эти заблуждающиеся и запутавшиеся доброжелатели,

которые называют себя "либералами" и которых коммунисты зовут "полезные простаки", "попутчики", и даже большинство зарегистрированных членов партии, были бы жутко испуганы, узнав однажды, что их вожди всерьез и буквально зовут к мятежу, но тогда отвести беду будет поздно. В данный момент коммунистические партии Запада опасны, прежде всего, своими позициями по внешней политике. Отличительной чертой всех современных компартий является их поддержка агрессивной иностранной политики Советов. В чем бы им ни приходилось выбирать: между интересами России или собственной страны, -- они без колебаний предпочитают интересы России. Их принцип: права или нет, это моя Россия. Они строго выполняют все приказы Москвы. Когда Россия была союзницей Гитлера, французские коммунисты саботировали оборонные усилия собственной страны, а коммунисты Америки страстно противостояли планам поддержки демократии в борьбе против нацистов, выдвинутым президентом Рузвельтом. Коммунисты всего мира заклеили тех, кто защищался от гитлеровского вторжения, как "империалистических поджигателей войны". Но как только Гитлер напал на Россию, империалистическая война капиталистов в одну ночь превратилась в справедливую оборонительную войну. Какую бы страну ни захватывал Сталин, коммунисты оправдывали эту агрессию необходимостью обороны от "фашизма" <Blueprint for World Conquest as Outlined by the Communist International, Human Events, Washington and Chicago, 1946, pp. 181--182>. В своем слепом обожании всего русского коммунисты Западной Европы и Соединенных Штатов далеко превзошли худшие выходки шовинистов. Они исходят восторгом от русской музыки, русских фильмов и предполагаемых достижений русской науки. Они с упоением говорят об экономических достижениях Советов. Они приписывают все победы союзников доблести русского оружия. Россия, утверждают они, спасла мир от фашистской угрозы. Россия -- единственная свободная страна, в то время как все остальные томятся под диктатом капиталистов. Только русские счастливы и могут наслаждаться полнотой жизни, а в капиталистических странах большинство населения страдает от подавленности и неисполнимости желаний. Как благочестивый мусульманин стремится совершить путешествие к могиле пророка в Мекку, так коммунисты-интеллектуалы полагают путешествие к святыням Москвы основным событием своей жизни. Однако различное употребление слов "коммунисты" и "социалисты" никак не влияет на содержание терминов "коммунизма" и "социализма" в значении общей для этих движений конечной цели. Только в 1928 году конгресс Коминтерна в Москве принял программу, в которой различались коммунизм и социализм (а не просто коммунисты и социалисты). Согласно этой новой доктрине в экономической эволюции человечества между стадиями капитализма и коммунизма возникла третья стадия -- социализм. Социализм -- это общественная система, основанная на общественной собственности на средства производства и управлении всеми процессами производства и распределения со стороны центральных плановых органов. В этом отношении эта система не отличима от коммунизма. Но она отличается от коммунизма в том, что еще не достигнуто полное равенство в потреблении. "Товарищи" все еще получают заработную плату, и ставки заработной платы различаются согласно экономической значимости труда, как ее определяют центральные власти ради достижения наивысшей производительности труда. То, что Сталин назвал социализмом, в целом соответствует марксовской концепции "начальной стадии" коммунизма. Сталин сохранил название коммунизма только для того, чтобы Маркс называл "высшей стадией" коммунизма. В том смысле, как Сталин использовал этот термин, социализм движется к коммунизму, но еще не является им. Социализм обернется коммунизмом, как только прирост благосостояния, ожидаемый от действия социалистических методов производства, поднимет беднейшие слои России до уровня, которым уже сейчас наслаждаются выдающиеся обладатели важнейших должностей <David J. Dallin, The Real Soviet Russia, Yale University Press, 1944, pp. 88--95>. Апологетический характер этой новой терминологии очевиден. Сталин счел необходимым объяснить большинству сограждан, почему их жизнь все еще так скудна,

намного хуже, чем на Западе, и даже беднее, чем жили русские рабочие во времена царизма. Он хотел оправдать неравенство доходов; то, что малая группа руководителей наслаждается всеми благами современного комфорта, что другая группа, -- более многочисленная, чем первая, но менее обширная, чем средний класс в императорской России, -- живет в "буржуазном" стиле, тогда как массы, нагие и босые, влачат полуголодную жизнь в трущобах. Он был просто вынужден прийти к такому идеологическому маневру. Трудности Сталина были острее потому, что русские коммунисты в начале своего правления провозгласили, что равенство доходов должно быть обеспечено с первого мига пролетарской власти. Более того, в капиталистических странах подкармливаемые Россией компартии использовали очень действенный демагогический трюк -- возбуждали зависть к группам с высокими доходами. Основным аргументом коммунистов в доказательство того, что гитлеровский национал-социализм не настоящий социализм, но, напротив, худшая разновидность капитализма, состоял в том, что в нацистской Германии сохранялось неравенство в уровне жизни. Введенное Сталиным различие между социализмом и коммунизмом открыто противоречило не только политике Ленина, но и принципам коммунистической пропаганды за пределами России. Но такие противоречия легко не замечаются в царстве Советов. Слово диктатора -- высший авторитет, и нет таких дураков, чтобы изображать оппозицию. Важно осознать, что семантические новации Сталина касались только терминов социализм и коммунизм. Он не затронул значения понятий социалист и коммунист. Большевицкая партия как и прежде именуется коммунистической. Русофильские партии в других странах называют себя коммунистическими и яростно борются с социалистическими партиями, которые в их глазах являются просто социал-предателями. При этом официальное название Союза Советских Социалистических Республик остается неизменным. Агрессивность России ГЕРМАНСКИЕ, итальянские и японские националисты оправдывали агрессивность своей политики недостатком Lebensraum. [Lebensraum (нем.) -- жизненное пространство. Термин, получивший хождение в связи с работами так называемых геополитиков (Ф. Рамуель, К. Хаусхофер и др.), широко использовался в нацистской идеологии.] Их страны сравнительно перенаселены. Они бедны природными ресурсами и зависят от импорта продовольствия и сырья из-за рубежа. Они должны экспортировать продукты перерабатывающей промышленности, чтобы оплатить жизненно необходимый импорт. Но протекционистская политика стран, в избытке производящих продовольствие и сырье, закрывает границы перед ввозом готовых товаров. Мир явно стремится к состоянию полной экономической автаркии каждой из стран. Какова судьба стран, которые не в силах ни пропитать, ни одеть своих граждан на основе только внутренних ресурсов? Доктрина Lebensraum, созданная "обделенными" народами, подчеркивает, что в Америке и Австралии пустуют миллионы акров земли более плодородной, чем истощенные земли, которые вынуждены обрабатывать крестьяне обездоленных стран. Природные условия для добычи и переработки сырьевых ресурсов здесь также намного благоприятней, чем в обездоленных странах. Но крестьяне и рабочие Германии, Италии или Японии не имеют доступа к этим благословенным ресурсам. Иммиграционные законы сравнительно малонаселенных стран препятствуют иммиграции. Эти законы увеличивают предельную производительность труда [Это понятие введено американским экономистом Джоном Бейтсом Кларком. По Кларку, при неизменной величине капитала дополнительные вложения труда будут давать все меньший прирост промышленного продукта. Прирост продукции, обеспеченный вовлечением в производство "последнего" (при данном капитале) дополнительного рабочего, -- это и есть предельная производительность труда. Она определяет уровень заработной платы всех рабочих, ибо более высокая выработка ранее вовлеченных в производство -- не их заслуга, а проявление производительности капитала. Чем меньше приток рабочей силы в страну, тем выше в ней предельная производительность труда, а, следовательно, и зарплата. Наоборот, в странах, откуда затруднен отток рабочих, число занятых непомерно велико в сравнении с имеющимся

капиталом, что влечет за собой снижение предельной производительности, а, значит, и зарплаты.] и, следовательно, увеличивают заработную плату в малонаселенных странах и понижают их же в перенаселенных странах. Высокий уровень жизни в Соединенных Штатах и Британских Доминионах оплачен понижением уровня жизни в перенаселенных странах Европы и Азии. Настоящие агрессоры -- говорят националисты Германии, Италии и Японии -- это те страны, которые посредством торговых и иммиграционных барьеров присвоили себе львиную долю природных богатств земли. Разве сам Папа Римский [имеется в виду Пий XII (Пачелли Эудженио), занимавший папский престол с 1939 по 1958 г.; в период Второй мировой войны благожелательно относился к германской и итальянской агрессии, что вызвало недовольство в католической среде] не провозгласил, что коренной причиной мировых войн является "этот холодный и расчетливый эгоизм, который норовит завладеть экономическими ресурсами и материалами, предназначенными для общего блага, в такой степени, что страны, менее взысканные природой, вовсе не получают доступа к ним" <Christmas Eve Broadcast, New York Times, December 25, 1941>? Война, начатая Гитлером, Муссолини и Хирохито является, с этой точки зрения, справедливой войной, ибо ее единственной целью было дать обделенным нациям то, что в силу щедрости природы и божественной справедливости и так принадлежит им. [Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. нападением Германии, возглавляемой рейхсканцлером Адольфом Гитлером, на Польшу. 5 июня 1940 г. в войну на стороне Германии вступила Италия (верховное военное командование осуществлял фашистский диктатор Бенито Муссолини). 7 декабря 1941 г. на американские, английские владения на Тихом океане напала Япония, которой правил император Хирохито.] Русские не могут оправдывать свою агрессивную политику такими аргументами. Россия является сравнительно малонаселенной страной. Ее почвы от природы много лучше, чем в других странах. В ней существуют наилучшие условия для возделывания всех видов зерна, фруктов и овощей. России принадлежат гигантские пастбища и почти неистощимые леса. Ей принадлежат богатейшие залежи золотых, серебряных, платиновых, медных, железных, никелевых и всех прочих руд, а также громадные запасы нефти и угля. Если бы не деспотизм царей и не плачевная неадекватность коммунистической системы, ее население давно могло бы наслаждаться самым высоким уровнем жизни. Безусловно, вовсе не нужда в естественных ресурсах толкает Россию к завоеваниям. Агрессивность Ленина была порождена его убежденностью, что он является вождем окончательной мировой революции. Он видел в себе законного наследника Первого Интернационала, которому суждено выполнить задачу, не удавшуюся Марксу и Энгельсу. [Первый Интернационал (Международное товарищество рабочих) основан Марксом и Энгельсом в Лондоне в 1864г. формально был распущен в 1876 г., хотя свою деятельность, фактически, прекратил после поражения Парижской Коммуны в 1871 г.] Он полагал, что для ускорения прихода революции ему ничего делать не нужно. Над капитализмом уже прозвучал похоронный колокол, и никакие махинации не могут отдалить момента экспроприации экспроприаторов. Нужен только диктатор для нового мирового порядка. Ленин был готов взвалить это бремя на свои плечи. Со времен Монгольского нашествия человечество не сталкивалось с таким неумолимым и бескомпромиссным притязанием на неограниченное мировое первенство. В каждой стране русские эмиссары и коммунистическая пятая колонна фанатически трудились во имя "Anschluss" [Anschluss (нем.) -- присоединение; это немецкое слово вошло в политический лексикон многих стран после захвата фашистской Германией Австрии (1938 г.)] к России. [Пятая колонна -- ставшее крылатым выражение из обращения по радио к жителям Мадрида франкистского генерала Э. Мола (1936 г.). Призывая их к сдаче, Мола заявил, что он ведет наступление четырьмя колоннами, а пятая колонна тайно ведет борьбу с республиканцами в самом Мадриде.] Но у Ленина не было первых четырех колонн. Военные силы России были в тот момент ничтожны. Когда они вышли за границы России, то были остановлены поляками. Дальше на Запад идти они не

могли. Великая кампания по завоеванию мира захлебнулась. Обсуждение того, возможен или желателен коммунизм в одной стране, было пустым делом. Коммунисты потерпели поражение везде за пределами России. Они были принуждены оставаться дома. Сталин посвятил всю свою энергию организации постоянной армии невиданного миром размера. Но он был не более удачлив, чем Ленин и Троцкий. Нацисты легко разбили эту армию и оккупировали важнейшие части территории России. Россию спасли британские и, в первую очередь, американские силы. Американские поставки позволили русским преследовать немцев по пятам, когда скудость вооружений и угроза американского вторжения вынудили их отступить из России. Они смогли даже громить арьергарды отступающих нацистов. Они смогли захватить Берлин и Вену, когда американская авиация разрушила немецкую оборону. Когда американцы сокрушили японцев, русские смогли спокойно нанести им удар в спину. Конечно, коммунисты внутри и за пределами России, также как и попутчики, страстно доказывали, что именно Россия нанесла поражение нацистам и освободила Европу. Они обходят молчанием тот факт, что единственной причиной, которая не дала немцам взять Сталинград, был недостаток снаряжения, самолетов и бензина. Блокада не позволила нацистам снабдить армию должным образом и соорудить в оккупированной России транспортную сеть для доставки снаряжения на отдаленные фронты. Решающим сражением войны была битва за Атлантику. Великими стратегическими событиями войны с Германией были завоевание Африки и Сицилии, и победа в Нормандии. Сталинград, если мерить гигантскими масштабами этой войны, был едва ли больше, чем тактическим успехом. В сражениях с италийцами и японцами участие России было нулевым. Но все плоды победы достались одной России. В то время как другие союзники не стремятся к территориальным приращениям, русские развернулись во всю. Они аннексировали три Балтийских республики, Бессарабию, Карпатскую Русь - область Чехословакии <аннексия Карпатской Руси выставляет в истинном свете их лицемерное сожаление о Мюнхенском соглашении 1938 года>, часть Финляндии, большую часть Польши и значительные территории на Дальнем Востоке. [29 сентября 1938 г. в Мюнхене главы правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии подписали соглашение о расчленении Чехословакии. Карпатская Русь была оккупирована Венгрией. С 1945 г. она стала Закарпатской областью Украины.] Они претендуют на то, что остальная часть Польши, Румыния, Венгрия, Югославия, Болгария, Корея и Китай являются исключительной сферой их влияния. Они лихорадочно создают в этих странах "дружественные", то есть марионеточные правительства. Если бы не противодействие Соединенных Штатов и Великобритании, они бы господствовали сегодня во всей континентальной Европе, континентальной Азии и Северной Африке. Только американские и британские гарнизоны в Германии отрезали русским путь к берегам Атлантики. Сегодня, как и после первой мировой войны, реальной угрозой для Запада является вовсе не военная мощь России. Великобритания может легко отразить атаку русских, а начать войну против Соединенных Штатов было бы для русских чистым безумием. Не русские армии, но коммунистическая идеология угрожает Западу. Русские хорошо это знают и делают ставку не на собственную армию, а на своих иностранных сподвижников. Они хотят опрокинуть демократию изнутри, а не извне. Их основное оружие -- прорусские махинации Пятой колонн. Вот первоклассные дивизии большевизма. Коммунистические писатели и политики в России и в других странах объясняют агрессивную политику России необходимостью в самозащите. Не Россия планирует нападение, -- говорят они, -- но, напротив, загнивающие капиталистические демократии. Россия хочет просто оградить свою собственную независимость. Это старый, испытанный метод оправдания агрессии. Людовик XIV и Наполеон I, Вильгельм II и Гитлер были самыми горячими сторонниками мира. Когда они вторгались в другие страны, то только для справедливой самозащиты. Эстония или Литва угрожали России не меньше, чем Люксембург или Дания -- Германии. Порождением этой басни о самозащите является легенда о cordon sanitaire. [Cordon sanitaire (фр.) -- санитарный кордон. Так

зачастую именовались в политических публикациях 20-х годов образовавшиеся после Октябрьской революции государства -- Эстония, Латвия, Литва, Польша, отделявшие Западную Европу от большевистской России.] Политическая независимость малых соседей России, утверждает эта легенда, это просто временная капиталистическая уловка, чтобы защитить европейские демократии от заражения ростками коммунизма. Следовательно, делается вывод, эти малые страны утратили свое право на независимость. Ибо Россия имеет неотъемлемое право требовать, чтобы ее соседи -- а также и соседи ее соседей -- управлялись бы только "дружественными", то есть непосредственно коммунистическими правительствами. Что случилось бы с миром, если бы все великие державы имели подобные претензии? Истина в том, что вовсе не правительства демократических стран стремятся низвергнуть существующую в России систему. Они не вскармливают продемократическую Пятую Колонну в России, и они не подстрекают население России против их правителей. Это русские неустанно, день и ночь, возбуждают недовольство во всех странах. Их Третий Интернационал открыто пытался возбудить коммунистические революции по всему миру. [Третий (Коммунистический) Интернационал -- международная организация, объединившая под руководством Москвы коммунистические партии многих стран. Создан в марте 1919 г., распущен по тактическим соображениям в мае 1943 г.] Весьма слабое и неуверенное вмешательство союзников в гражданскую войну в России не было прокапиталистическим и антикоммунистическим походом. Для союзников, сражавшихся не на жизнь, а на смерть с Германией, Ленин был тогда просто орудием их заклятого врага. Людендорф отправил Ленина в Россию, чтобы сбросить режим Керенского и обеспечить выход России из войны. [Людендорф Эрих (1865--1937) -- немецкий генерал. В 1917 году занимал должность генерал-квартирмейстера верховного командования, фактически был его главой. Германский генштаб не только предоставил Ленину с группой единомышленников возможность приезда в Россию через территорию Германии весной 1917 года, но и субсидировал большевистскую деятельность, направленную на выход России из войны.] Силой оружия большевики задавили всех тех русских, кто желал сохранения союза с Францией, Великобританией, Соединенными Штатами и другими демократическими странами. С военной точки зрения Запад просто не мог оставаться нейтральным, когда их русские союзники отчаянно оборонялись от большевиков. Для союзников ставкой был Восточный фронт. "Белыми" генералами двигали внутренние проблемы страны. Как только в 1918 году война с Германией закончилась, союзники утратили интерес к русским делам. Нужды в Восточном фронте больше не было. Они ни в малейшей степени не заботились о внутренних проблемах самой России. Они стремились к миру и спешили выйти из схватки. Конечно, они были встревожены, поскольку не знали, как выпутаться пристойно. Их генералам было стыдно бросать своих товарищей по оружию, которые сделали все, что могли, во имя общей цели. Оставить этих людей в беде было бы ни чем иным, как трусостью и дезертирством. Такого рода соображения воинской чести заставили отложить на некоторое время вывод незначительных союзнических отрядов и прекращение снабжения белых частей. Когда все было выполнено, государственные деятели союзников почувствовали облегчение. Отныне они приняли политику строгого нейтралитета по отношению к русским делам. Крайняя незадача, конечно, что союзников волей-неволей затянуло в события русской гражданской войны. Было бы много лучше, если бы военная ситуация 1917--1918 годов не принудила их вмешаться. Но не следует упускать из виду того, что отказ от интервенции в России был равнозначен провалу политики президента Вильсона. [Вильсон Томас Вудро (1856--1924) -- президент США с 1913 по 1921 г. После вступления США в апреле 1917 г. в войну с Германией Вильсон неоднократно повторял, что политика его страны продиктована исключительно целью "спасти мир для демократии".] Соединенные Штаты вступили в войну, чтобы сделать "мир обителью демократии". В результате победы союзников в Германии на смену сравнительно мягкому и умеренно авторитарному

императорскому режиму пришло республиканское правительство. С другой стороны, в России возникла диктатура, в сравнении с которой царский деспотизм мог быть назван либеральным. Но союзники не стремились сделать Россию обителью демократии, как в случае Германии. И это при том, что императорская Германия имела парламент, министров, ответственных перед парламентом, суд присяжных, свободы мысли, религии и печати, ограниченные не многим больше, чем в других странах Запада, и иные демократические установления. А в Советской России утвердился неприкрытый деспотизм. Американцы, французы и британцы не догадались взглянуть на события под этим углом (в отличие от антидемократических сил в Германии, Италии, Польше, Венгрии и на Балканах). Националисты этих стран поняли невмешательство союзников в русские дела как доказательство того, что их преданность демократии -- чистая показуха. Союзники -- по их логике -- воевали с Германией потому, что завидовали ее экономическому процветанию, а в России деспотизм допустили потому, что не боялись экономической мощи России. Демократия, -- приходили к выводу националисты, -- не что иное, как ширма для простаков. Распространился страх, что эмоциональная привлекательность этого лозунга однажды будет использована против их собственной независимости. После прекращения интервенции у России не осталось никаких причин для страха перед странами Запада. Не боялись Советы и нацистской агрессии. Противоположные утверждения, очень популярные в Западной Европе и Америке, имели причиной полное непонимание того, что происходило в Германии. Но русские знали и Германию и нацистов. Они прочитали "Mein Kampf" ["Mein Kampf" ("Моя борьба")] -- книга Адольфа Гитлера, в которой излагалась не только история национал социализма, но и его теория и геополитическая концепция (первое издание вышло 1925 г.). Они усвоили из этой книги не только, что Гитлер зарится на Украину, но также и то, что его основная стратегическая идея состоит в том, чтобы приступить к покорению России только после окончательного разгрома Франции. Русские были уверены, что выраженные в Mein Kampf расчеты Гитлера на нейтралитет Великобритании и США при разгроме Франции -- чепуха. Для них было очевидным, что новая мировая война, при которой они сами рассчитывали остаться в нейтралитете, приведет к новому поражению Германии. А это поражение, легко понять, сделает Германию, -- если не всю Европу, -- открытой для большевизма. Руководствуясь таким пониманием, Сталин уже в период Веймарской республики помогал тогда еще тайному перевооружению Германии. [Название "Веймарская республика" закрепилось за Германией 1919--1933 годов, так как ее конституция была принята заседавшим в Веймаре Германским учредительным национальным собранием. На потерпевшую в Первой мировой войне поражение Германию Версальским договором были наложены существенные ограничения численности армии, вооружения и подготовки офицерских кадров. В двадцатые годы советское руководство считало своим главным военным противником Францию; отсюда заинтересованность в возрождении военной мощи Германии как противовеса Франции и ее союзникам в Европе. Сталинская поддержка ремилитаризации Веймарской республики заключалась не только в поставке ей стратегического сырья, но и в предоставлении тайной возможности подготовки офицерских кадров в советских военных училищах и на полигонах. Стоит упомянуть хотя бы такого выдающегося германского стажера как будущий герой танковых сражений Второй мировой войны генерал-полковник Гудериан, проходивший практику при Казанском танковом училище.] Немецкие коммунисты, как могли, помогали нацистам подорвать Веймарский режим. Наконец, в 1939 году Сталин стал прямым союзником Гитлера, чтобы развязать ему руки на Западе. Чего Сталин, -- как и все остальные, -- не предвидел, это потрясающий успех армий Германии в 1940 году. Гитлер напал на Россию в 1941 году, поскольку был совершенно убежден, что не только Франция, но и Великобритания выведены из строя, и что Соединенные Штаты, которым с тылу угрожает Япония, не смогут оказать большого воздействия на европейские дела. Распад Габсбургской империи в 1918 году и поражение нацистов в 1945 году распахнули

перед Россией ворота в Европу. [Габсбургской империей (по правящему дому Габсбургов) принято было именовать Австро-Венгрию. В результате поражения в первой мировой войне империя распалась на самостоятельные государства Австрию, Венгрию, Чехословакию, а часть территории бывшей Австро-Венгрии вошла в состав Югославии, Румынии, Польши.] Сегодня Россия является единственной военной силой в Европе. Но почему русские так ориентированы на завоевания и присоединения? Они не нуждаются ни в каких дополнительных ресурсах. Вряд ли Сталин стремится с помощью завоеваний увеличить свою популярность в народе. Его не заботит воинская слава. Агрессивная политика Сталина рассчитана не на массы, а на интеллектуалов. Ибо на кону -- их марксистская ортодоксальность, действительная основа мощи Советов. Эти русские интеллектуалы оказались достаточно недалекими, чтобы принять модификации марксизма и, тем самым, фактически отвергнуть сущность диалектического материализма, предупреждавшего, что эти модификации спровоцируют вспышку русского шовинизма. Они приняли доктрину, согласно которой их святая Русь может перескочить через одну из описанных Марксом неперенных ступеней экономической эволюции. Они гордились тем, что являются авангардом пролетариата и мировой революции, которая, позволив построить социализм в одной отдельно взятой стране, создала славный пример для всего мира. Но невозможно объяснить им, почему остальные народы, в конце концов, не идут за Россией. В работах Маркса и Энгельса, которые уже нельзя изъять из обращения, можно прочесть, что основатели марксизма считали Великобританию и Францию, и даже Германию, странами наиболее развитой цивилизации и капитализма. Студенты марксистских университетов могли быть туповаты, чтобы разобраться в философских и экономических основах марксова завета. Но они были вполне сообразительны, чтобы понять, что Маркс считал Россию страной менее развитой, чем страны Запада. Неизбежен у изучающих экономическую политику и статистику вопрос -- почему в капиталистических странах уровень жизни народа намного выше? Как это возможно? Почему жизненные условия намного благоприятней в США, которые хотя и самая развитая из капиталистических стран, но -- такая отсталая страна в деле пробуждения классового сознания пролетариата? Выводы из этих фактов кажутся неизбежными. Если наиболее развитые страны не приемлют коммунизма и вполне процветают при капитализме, если распространение коммунизма ограничено странами, которые Маркс считал отсталыми, и которые с тех пор не разбогатели -- не следует ли понимать так, что коммунизм сопутствует отсталости и ведет к общей нищете? Не следует ли патриоту России устыдиться того факта, что его страна принадлежит к этой системе? Такие мысли очень опасны в деспотической стране. Тот, кто позволил бы себе высказать их, был бы безжалостно ликвидирован ГПУ. [ГПУ -- аббревиатура "Государственное политическое управление". ГПУ -- политическая охранка в СССР. Создана в 1922 г. на базе Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК), с 1923 г. именовалась ОГПУ (Объединенное ГПУ). Хотя в 1934 г. охранка была преобразована в НКВД (Народный комиссариат внутренних дел), в быту ее еще долго называли ГПУ.] Но даже невысказанные, они крутятся на кончике языка каждого интеллигента. Они тревожат сон высокопоставленных чиновников и, может быть, даже самого великого диктатора. У него, конечно, достанет власти сокрушить каждого противника. Но ведь неразумно уничтожить всех рассудительных людей и оставить у власти в стране только тупых болванов. Таков реальный кризис русского марксизма. Каждый прошедший день, в который не случилось мировой революции, углубляет его. Советы обязаны завоевать мир, либо им в собственной стране угрожает измена интеллигенции. Обеспокоенность идеологическим состоянием лучших мозгов России толкает сталинскую Россию к неуклонной агрессии. ---

Троцкистская ересь ПРИНЯТАЯ русскими большевиками, итальянскими фашистами и германскими нацистами концепция диктаторской власти неявно предполагает, что не

может быть споров о том, кто именно будет диктатором. Мистические силы, определяющие ход исторических событий, выделяют провиденциального лидера. Все достойные люди не могут не склониться перед несомненным выбором истории и преклонят колени перед тронем избранника судьбы. Кто поступит иначе -- еретик и презренный негодяй, подлежащий "ликвидации". На самом деле диктаторская власть достается тому из кандидатов, кто сумел вовремя устранить всех своих соперников и их людей. Диктатор, прокладывая путь к верховной власти, вырезает всех конкурентов. Он защищает свои позиции власти, исключая всех тех, кто способен оспорить ее. История восточных деспотий свидетельствует об этом также, как и современная история. Когда в 1924 году умер Ленин, Сталин вытеснил наиболее опасного из своих соперников -- Троцкого. Троцкий покинул страну, провел несколько лет в скитаниях по разным странам Европы, Азии и Америки и был, наконец, убит в Мексике. Сталин стал абсолютным властителем России. Троцкий был ортодоксальным марксистским интеллектуалом. В силу этого он пытался представить свою личную вражду со Сталиным как результат принципиального расхождения. Он клеймил политику Сталину как измену святым заветам Маркса и Ленина. Сталин отвечал в том же духе. Фактически, однако, этот конфликт представлял собой соперничество двух лиц, а не конфликт антагонистических идей и принципов. Были небольшие разногласия в вопросах тактики. Но во всех основных вопросах Сталин и Троцкий занимали общие позиции. До 1917 года Троцкий жил в эмиграции и был в той или степени знаком с основными языками Запада. Он держался как эксперт по международным вопросам. На самом деле он ничего не знал о цивилизации Запада, о политических идеях и политических условиях. В качестве странствующего изгнанника он общался исключительно с другими изгнанниками. Единственными иностранцами, с которыми он порой встречался в кафе и клубах Западной и Центральной Европы, были радикальные доктринеры, которые сами по себе -- в силу одержимости марксизмом -- были отделены от реальности. Его единственным чтением были марксистские книги и периодика. Все другое он презирал как "буржуазную" литературу. Он был абсолютно неспособен видеть мир иначе, чем с точки зрения марксизма. Подобно Марксу, он был всегда готов истолковать любую крупную стачку или маленькую заварушку как знак начала последней великой революции. Сталин -- плохо образованный грузин, ни в малейшей степени не знакомый ни с одним иностранным языком. Он не знал ни Европы, ни Америки. Даже его достижения как марксистского литератора -- сомнительны. Но именно этот факт, что он не был марксистским начетчиком, хотя и был при этом негибким борцом за коммунизм, обеспечил ему превосходство над Троцким. Сталин мог видеть вещи, как они есть на самом деле, не обманываясь хитросплетениями диалектического материализма. При столкновении с проблемой он не искал истолкований в писаниях Маркса и Энгельса. Он доверял своему здравому смыслу. Ему хватило здравомыслия, чтобы признать, что политика мировой революции, начатая Лениным и Троцким в 1917 году, полностью провалилась за пределами России. В Германии коммунисты, возглавлявшиеся Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, потерпели поражение от регулярных армейских частей и националистических отрядов в кровавой схватке на улицах Берлина в январе 1919 года. Коммунистический насильственный захват власти в Мюнхене весной 1919 года, бунт Гельца в марте 1921 года точно также окончились поражением. [6 января 1919 г. в Берлине началась всеобщая политическая забастовка рабочих. Созданный в тот же день революционный комитет, в который вошли независимые социал-демократы и коммунисты, призвал рабочих взять власть. В течение 10--12 января правительственные войска силой оружия подавили восставших. 15 января руководители коммунистов Карл Либкнехт (1871--1919) и Роза Люксембург (1871--1919) были арестованы группой офицеров и в тот же день убиты. В Баварии 7 апреля 1919г. левые социал-демократы провозгласили Советскую республику. 13 апреля власть перешла в руки коммунистов, которые удерживали ее до 27 апреля. Против Советской республики были двинуты правительственные войска, и к 1 мая она была разгромлена. В марте 1921

г., когда начались вооруженные столкновения рабочих с полицией в Саксонии, ветеран первой мировой войны коммунист Макс Гельц (1889--1933) организовал в Средней Германии партизанские отряды, сражавшиеся с правительственными войсками и жандармерией. Его отряды потерпели поражение, а сам он был арестован и приговорен к пожизненному заключению.] В Венгрии в 1919 году коммунисты были разбиты частями Румынской армии, а также отрядами Хорти и Гембеша. [21 марта 1919 года была провозглашена Венгерская Советская республика как государство диктатуры пролетариата. В апреле началось наступление румынских войск, поддержанных добровольческими венгерскими формированиями, возглавленными бывшим габсбургским контр-адмиралом Миклошем Хорти (1868--1957). Дьюла Гембеш (1866--1936) занимал пост государственного секретаря военного министерства в антикоммунистическом Сегедском венгерском правительстве. 1 августа 1919 года Венгерская Советская республика пала.] В Австрии многочисленные коммунистические заговоры провалились в 1918 и 1919 годах; свирепый бунт в июле 1927 года был легко усмирён венской полицией [15--17 июля 1927 г. в Вене всеобщая забастовка и демонстрации переросли в уличные бои рабочих с полицией]. В Италии в 1920 году захват предприятий окончился полной неудачей. [Массовый захват итальянских предприятий рабочими начался 31 августа 1920 года по призыву профсоюза металлистов в ответ на объявленный предпринимателями локаут. Движение, носившее в целом экономический характер, радикально настроенной частью рабочих и интеллигенции воспринималось как начало революции. 19 сентября при посредничестве правительства было достигнуто соглашение, согласно которому рабочие покидают предприятия, а предприниматели повышают ставки на 10--20% и обещают допустить профсоюзный контроль над производством.] Во Франции и в Швейцарии коммунистическая пропаганда казалась очень влиятельной в первое время после окончания войны в 1918 году, но очень скоро истощилась. В Великобритании в 1926 году общая стачка окончилась полным поражением [всеобщая стачка в Великобритании, начавшаяся 4 мая 1926 г., была 11 мая объявлена Верховным судом незаконной, и на следующий день Генеральный совет тред-юнионов отменил ее]. Троцкий был настолько ослеплен собственной ортодоксальностью, что отказался признать провал большевистских методов. Но Сталин сделал это очень скоро. Он не оставил идею подготовки революционных взрывов во всех странах мира и в конце концов установления повсеместной советской власти. Но при этом хорошо сознавал, что агрессию нужно отложить на несколько лет, и что нужны новые методы ее осуществления. Троцкий был неправ, приписывая Сталину удушение коммунистического движения за пределами России. Сталин просто использовал другие методы для достижения все тех же целей, общих для всех марксистов. Как истолкователь марксистских догм Сталин, конечно же, уступал Троцкому. Но он превосходил своего соперника как политик. Тактические успехи большевизма на мировой арене -- заслуга Сталина, а не Троцкого. В области внутренней политики Троцкий прибегал к испытанным традиционным трюкам, которые марксисты всегда использовали для развенчания социалистической политики других партий. Что бы Сталин ни делал, это не были истинные социализм и коммунизм, но, напротив, чудовищное извращение принципов Маркса и Ленина. Все катастрофические результаты общественного контроля над производством и распределением, проявлявшиеся в России, толковались Троцким как результат мелкобуржуазности политики. Они не были неизбежными следствиями коммунистических методов. Они были печальными порождениями сталинизма, а не коммунизма. Исключительной виной Сталина было объяснено все: что в стране правила совершенно безответственная бюрократия и привилегированные олигархические группы купались в роскоши, в то время как массы жили на грани голода; что террористический режим уничтожил старую гвардию революционеров и обрек миллионы на рабский труд в концлагерях; что тайная полиция была всевластной; что профсоюзы были бессильными; что массы были лишены всех прав и свобод. Сталин не был лидером эгалитарного бесклассового общества. Он возглавил

отход к худшим методам классового господства и эксплуатации. Новый правящий класс, втянувший примерно 10 процентов населения, безжалостно подавлял и эксплуатировал громадное большинство пролетарских тружеников. Троцкий не мог объяснить, как всего этого сумел достичь один-единственный человек со своими прислужниками. Где же были "материальные производительные силы", столь много обсуждавшиеся в Марксовом историческом материализме, которые "независимо от воли индивидуумов" определяют ход человеческой истории "с неотвратимостью законов природы"? Как могло случиться, что один человек изменил "правовую и политическую надстройку", которую единственным и неизменным образом определяет экономическая структура общества? Даже Троцкий был согласен, что в России больше не существует частной собственности на средства производства. В империи Сталина производство и распределение безраздельно контролируются "обществом". Согласно основным положениям марксизма, в такой системе надстройка должна быть подобием земного рая. В марксистской доктрине не предусмотрена возможность, чтобы индивидуальными усилиями можно было извратить благодать общественного контроля над хозяйством и обратить жизнь в ад. Последовательный марксист -- если бы последовательность была совместимой с марксизмом -- должен бы признать, что политическая система сталинизма есть необходимая форма коммунистической надстройки. Программа Троцкого разрешала все существенные вопросы точно так же, как это делала и реальная политика Сталина. Троцкий оправдывал индустриализацию России. Именно к этому стремился пятилетний план Сталина. Троцкий оправдывал коллективизацию сельского хозяйства. Сталин создал колхозы и ликвидировал кулаков. Троцкий считал нужным создание большой армии. Сталин создал такую армию. Пока Троцкий сохранял власть, он не был демократом. Напротив, он фанатично требовал диктаторского подавления всех "саботажников". Верно, конечно, что он не предвидел, что диктатор отнесется к нему -- Троцкому, автору марксистских трактатов и ветерану славной революции, -- как к худшему из саботажников. Подобно другим адвокатам диктатуры, он предполагал, что либо он сам, либо кто-нибудь из его близких друзей будет диктатором. Троцкий был критиком бюрократизма. Но он не предлагал никакого другого способа ведения дел в социалистическом обществе. Нет другой альтернативы ориентированному на прибыль частному бизнесу, чем бюрократическое управление <Mises, Bureaucracy, Yale University Press, 1944>. Истина в том, что Троцкий нашел у Сталина только одну ошибку -- тот стал диктатором вместо Троцкого. Оба были правы в своей взаимной вражде. Сталин был прав в том, что его режим был воплощением истинных коммунистических принципов. Троцкий был прав в том, что сталинский режим обратил российскую жизнь в ад. Троцкизм не исчез полностью со смертью Троцкого. Буланжизм во Франции также на какое-то время пережил генерала Буланже. [Французский генерал Жорж Буланже (1837--1891) в конце 80-х годов возглавил движение средних слоев, получившее его имя. Буланжизм представлял собой сплав националистических реваншистских идей с лозунгами борьбы против финансовых и промышленных магнатов, чьи интересы защищает коррумпированное правительство и парламент.] В Испании до сих пор есть карлисты, хотя линия Дон Карлоса вымерла. [Дон Карлос старший (1788--1855) -- один из сыновей испанского короля Карла IV. В прошлом столетии Испания дважды сотрясалась гражданскими войнами, спровоцированными попытками возвести на престол сначала Дона Карлоса старшего, а потом его внука -- Дона Карлоса младшего. Карлисты, как наиболее консервативно-клерикальная ветвь монархистов, играли видную роль в испанской истории и в XX веке. Они, в частности, активно поддержали генерала Франко.] Такие посмертные движения, конечно, обречены. Но во всех странах есть люди, которые -- при собственной беззаветной преданности идеям всестороннего планирования, то есть общественной собственности на средства производства -- приходят в ужас при столкновении с реалиями коммунизма. Эти люди разочарованы. Они мечтают о райском саде. Для них коммунизм или социализм означает легкую жизнь, в достатке и полном

наслаждении всеми свободами и удовольствиями жизни. Они не в силах осознать противоречивость собственного представления о коммунистическом обществе. Они некритично восприняли все лунатические фантазии Шарля Фурье и все нелепости Веблена. [Фурье Франсуа Мари Шарль (1772--1837) -- французский социолог и экономист, классик утопического социализма. В учении Фурье большую роль играют представления о труде в социалистическом обществе как удовольствии, о формировании гармонической личности на основе не подавления, а разумного учета человеческих страстей.] Они простодушно верят утверждению Энгельса, что социализм будет царством неограниченной свободы. Они винят капитализм во всем том, что вызывает их неудовольствие и полностью убеждены, что социализм избавит их от всех неприятностей. Собственные неудачи и поражения они приписывают бесчестности этой "безумной" системы конкуренции и надеются, что социализм обеспечит им достойное положение в обществе и высокий доход, которые им положены по праву. Это просто спящие красавицы, ждущие принца-спасителя, который сумеет по достоинству оценить их добродетели и заслуги. Проклинать капитализм и восхвалять коммунизм -- для них утешение. Так можно скрыть от себя собственную неполноценность и взвалить на "систему" собственные неудачи. Призывая диктатуру, такие люди всегда надеются на диктатуру собственной клики. Требуя планирования, они всегда подразумевают собственные планы, а не планы других. Они никогда не признают, что социалистический или коммунистический режим представляет собой истинный социализм или коммунизм, если только им не обеспечены высшие статус и доход. Для них основной чертой настоящего и истинного коммунизма является то, что все происходит согласно их собственной воле, а все несогласные принуждаются к повиновению. Это факт, что большинство наших современников поражены идеями коммунизма и социализма. Однако это не означает, что они единодушны в планах национализации средств производства и общественного контроля над производством и распределением. Напротив. Каждая социалистическая ячейка фанатически враждебна планам всех других социалистических групп. С наибольшим ожесточением социалистические секты воюют именно друг с другом. Если бы случай с Троцким -- как и аналогичная история с Грегором Штрассером в нацистской Германии -- были только отдельными примерами, их не следовало бы и рассматривать. Но это не случайные явления. Они типичны. Их изучение открывает психологические причины и популярности социализма и невозможности его реализовать.

Высвобождение демонов ИСТОРИЯ человечества это история идей. Именно идеи, теории и доктрины направляют действия людей, определяют конечные цели человека и выбор средств для достижения этих целей. Сенсационные события, возбуждающие страсти и приковывающие к себе внимание поверхностных наблюдателей, -- есть, в сущности, только лишь завершение идеологических изменений. Не бывает резкого и внезапного преобразования всей жизни. То, что называют, вполне запутывающим образом, "поворотной точкой истории", есть просто момент выхода на сцену сил, которые уже задолго работали подспудно. Новые идеологии, которые уже задолго до этого скрытно вытесняли старые, сбрасывают последнюю оболочку и даже самые непроницательные оказываются лицом к лицу с новизной, прежде ими не замечавшейся. В этом смысле захват Лениным власти в октябре 1917 года был, конечно, поворотной точкой. Но значение этого события вовсе не то, какое ему обычно приписывают коммунисты. Эта победа сыграла не столь значительную роль в движении к социализму. Просоциалистическая политика промышленных стран Центральной и Западной Европы в этом плане имели куда большие последствия. Введенная Бисмарком система социального страхования играла куда большую роль в этом движении к социализму, чем экспроприация отсталых заводов России. [Впервые в мире система государственного социального страхования была создана рейхсканцлером Бисмарком. Законами от 1883,

1884, 1889 гг. были введены страхование работников от несчастных случаев, выплаты по болезни, пенсии по старости и инвалидности.] Государственные железные дороги Пруссии дали единственный пример государственного предприятия, которое, по крайней мере, временно, не стало жертвой финансового краха. Британия уже до 1914 года воспроизвела основные элементы германской системы социального страхования. Во всех промышленных странах правительства являли преданность идеям государственного вмешательства в экономику, идеям, ведущим напрямую к социализму. В ходе войны большинство правительств вели политику, названную военным социализмом. Программа Гинденбурга (Германия), которая, разумеется, не могла быть выполнена полностью из-за поражения в войне, была не менее радикальна и, к тому же, лучше составлена, чем широкоизвестные пятилетние планы России. [Гинденбург Пауль (1847--1934) -- с 1916 года фактически верховный главнокомандующий Германии. Возглавляемые им милитаристские круги активно добивались государственного регулирования экономической жизни. Под их влиянием производство было жестко регламентировано, запрещены стачки, введена обязательная трудовая повинность для мужчин от 17 до 60 лет, организовано нормированное снабжение продовольствием и одеждой.] Для социалистов сильно индустриализованных стран Запада русские методы были вполне бесполезны. Для этих стран производство на экспорт было неременным условием выживания. Они не могли принять русскую систему экономической автаркии. Россия никогда не экспортировала промышленные товары в сколько-нибудь заметных количествах. В советский период она почти совсем исчезла с мировых рынков зерна и сырых материалов. Даже фанатичные социалисты не могли не признать, что Западу нечему учиться у России. Очевидно, что превозносимый большевиками технологический прогресс есть просто топорная имитация того, что производилось на Западе. Ленин определил коммунизм как "Советскую власть плюс электрификация". Что ж, электрификация это западная идея, и страны Запада обогнали Россию в области электрификации не меньше, чем во всех других. Реальное значение ленинской революции следует видеть в том, что она явила миру пафос неограниченного насилия и принуждения. Она несла с собой отрицание всех политической идеалов, в течение трех тысячелетий направлявших развитие Запада. Государство и правительство есть не что иное, как общественный аппарат жестокого насилия и принуждения. Такой аппарат, власть полиции, необходим для того, чтобы антиобщественно-настроенные индивидуумы и группы не разрушили систему общественного сотрудничества. Жестокое предотвращение и подавление антиобщественной активности благотворны для всего общества и для каждого из его членов. Но жестокость и насилие сами по себе есть зло и коррумпируют тех, кто их осуществляет. Необходимо ограничивать власть тех, кто находится при должности, чтобы они не стали совершенными деспотами. Общество не может существовать без аппарата насилия и принуждения. Но точно так же оно не может существовать, если власть имеющие становятся безответственными тиранами и вольны расправляться со всеми неудобными. Социальная функция законов в том, чтобы ограничивать произвол полиции. Законы ограничивают со всей возможной тщательностью произвол полицейских чиновников. Они строго ограничивают их возможности действовать по собственному разумению и, таким образом, очерчивают сферу жизни, в которой граждане вольны делать что угодно, не опасаясь правительственного вмешательства. Свобода и вольность -- это всегда свобода от полицейского вмешательства. В природе нет таких вещей, как свобода и вольность. Там есть только неуклонность законов природы, которым человек должен, безусловно, подчиняться, если желает достичь хоть чего-нибудь. Не существовало свободы и в воображаемом райском существовании, которое, согласно фантазии многих писателей, предшествовало установлению общественных отношений. Где нет правительства, каждый оказывается в зависимости от более сильного соседа. Свобода возможна только в рамках государства, способного помешать бандиту убивать и грабить тех, кто слабее его. Но только господство закона не позволяет власть имеющему самому

превратиться в худшего из бандитов. Законы определяют нормы легитимных действий. Они устанавливают процедуры, необходимые для изменения или отмены существующих законов и принятия новых. Подобным же образом они устанавливают процедуры применения законов в определенных случаях, должный процесс правосудия. На законах держатся суды и трибуналы. Таким образом, они нацелены на то, чтобы не возникало ситуаций, в которых индивидуум оказался бы во власти произвола администрации. Смертный человек склонен к ошибкам, а судьи и законодатели смертны. Вновь и вновь может повторяться, что достойные законы или их толкование судами не позволяют исполнительным властям прибегнуть к мерам предположительно благим. Это, впрочем, не большая беда. Если законодатели осознают недостатки достойных законов, они могут изменить их. Скверно, конечно, что преступник может порой избежать наказания из-за дыры в законах или оттого, что прокурор пренебрег какими-либо формальностями. Но это меньшее зло, если сравнить его с последствиями неограниченной произвольной власти "доброжелательного" деспота. Именно этого и не могут понять антиобщественные индивидуумы. Такие люди проклинают формализм должного правового процесса. Почему закон препятствует правительству использовать благотворные меры? Разве это не фетишизм, подчинить все верховенству закона, а не целесообразности? Они требуют перехода от правового государства (Rechtsstaat) к государству благосостояния (Wohlfahrtsstaat). В этом неправовом государстве патерналистское правительство должно иметь возможность сделать все необходимое для блага населения. Никакой "бумажный хлам" не должен мешать просвещенному правителю в его стремлении к общему благу. Все противники должны быть безжалостно сокрушены, чтобы не мешали благотворной политике правительства. Никакие пустые формальности не должны их больше защищать от заслуженного наказания. Точку зрения защитников государства благосостояния принято называть "социальной", в отличие от "индивидуалистической" и "эгоистической" точки зрения тех, кто стоит за верховенство законов. На деле, однако, сторонники государства благосостояния не кто иные, как антисоциальные и нетерпимые фанатики. Их идеология неявно предполагает, что правительство будет исполнять как раз то, что они считают правильным и благотворным. Они совершенно не задумываются о возможности возникновения разногласий в том, что считать правильным и благим, а что -- нет. Они восхваляют просвещенный деспотизм, но убеждены, что просвещенный деспот во всех случаях будет согласен с ними в вопросе о нужных мерах. Они одобряют планирование, но всегда предполагают, что это будет их собственный план, а не планы других сограждан. Они хотят устранения всех оппонентов, то есть всех, кто не согласен с ними. Они совершенно нетерпимы и не склонны допустить какое-либо разномыслие. Каждый сторонник государства благосостояния и планирования -- потенциальный диктатор. Он планирует всегда одно -- как ограничить права других людей и присвоить себе и своим друзьям неограниченные полномочия. Он отказывается убеждать своих сограждан. Он предпочитает "ликвидировать" их. Он презирует "буржуазное" общество, которое обоготворяет закон и правовые процедуры. Сам-то он обоготворяет насилие и кровь. Несовместимость этих двух доктрин -- правового государства и государства благосостояния -- была в центре всех сражений за свободу. Это была долгая тяжкая эволюция. Вновь и вновь торжествовали вожди абсолютизма. Но, в конце концов, правовое государство стало преобладающим в Западном мире. Верховенство закона или ограниченное правительство, ограниченное конституциями и биллями о правах, -- характерные мечты этой цивилизации. Именно верховенство законов сделало возможным замечательные достижения современного капитализма и его -- как сказали бы последовательные марксисты -- "надстройки", демократии. Именно это обеспечило постоянно умножающемуся населению беспрецедентное благосостояние. Широкие массы в капиталистических странах наслаждаются сегодня более высоким уровнем жизни, чем зажиточные слои населения в предыдущие эпохи. Все эти достижения не останавливают адвокатов деспотизма и планирования. Правда, для апологетов тоталитаризма было бы

крайней неосторожностью раскрывать неизбежные последствия своих планов. В XIX веке идеи свободы и верховенства законов обрели такой престиж, что открытая атака на них казалась бы безумием. Общественное мнение было совершенно убеждено, что деспотизм потерпел поражение и возврата к старому быть не может. Даже царь варварской России разве не был вынужден уничтожить рабство, дать своей стране суд присяжных, даровать ограниченные свободы печати и уважать закон? Социалисты прибегли к трюку. В своих замкнутых кружках они продолжали обсуждать грядущую диктатуру пролетариата, то есть диктатуру идей каждого из социалистических авторов. Но на широкую публику они выступали иначе. Социализм, заклинали они, принесет истинные и подлинные свободу и демократию. Он устранил все формы принуждения и насилия. Государство "отомрет". В процветающем мире социализма не станет со временем ни судей, ни полиции, ни тюрем, ни казней. Большевики первые сорвали маску. Они были совершенно уверены, что настал день их окончательной и несокрушимой победы. Дальнейшее притворство стало и ненужным и невозможным. Стало возможным открыто служить кровавую мессу. И это вызвало энтузиазм у всех опустившихся журналистов и салонных интеллектуалов, которые годами бредили идеями Сореля и Ницше. [Ницше Фридрих (1844--1900) - немецкий философ. В противоречивом наследии Ницше Л. Мизес акцентирует внимание на мифе о "сверхчеловеке" -- сильной личности, отвергающей буржуазный мир и преодолевающей его, отбросив моральные запреты, не останавливаясь перед насилием.] Интеллигенты предали разум, и плоды этого предательства созрели. Молодежь, вскормленная идеями Карлейля и Рескина, была готова взять власть в свои руки <Benda, La trahison des clercs, Paris, 1927>. Ленин был не первым узурпатором. Многие тираны предшествовали ему. Но его предшественники были в конфликте с идеями своих великих современников. Они были в разладе с общественным мнением, поскольку принципы их правления не совпадали с общепринятыми принципами права и закона. Их презирали и ненавидели как узурпаторов. Но ленинскую узурпацию воспринимали иначе. Он был жестокий сверхчеловек, о пришествии которого возвещали псевдофилософы. Он был фальшивым мессией, которого история выбрала для спасения через кровопускание. Не был ли он самым правоверным из адептов марксова "научного" социализма? Не был ли он предназначен судьбой для воплощения планов социализма -- дела непосильного для слабых государственных деятелей разлагающейся демократии? Все благонамеренные люди алкали социализма; наука, устами непогрешимых своих профессоров, рекомендовала его; церкви проповедовали христианский социализм; рабочие мечтали об устранении системы заработной платы. Он был достаточно рассудителен, чтобы понимать: нельзя сделать омлет, не разбив яиц. За полвека до того все цивилизованные люди осудили Бисмарка, когда он заявил, что великие исторические проблемы следует решать железом и кровью. Теперь громадное большинство квазичивилизованных преклонились перед диктатором, который изготавился пролить крови во много раз больше, чем Бисмарк. Таково было истинное значение ленинской революции. Все традиционные представления о праве и законности были отринуты. На смену верховенству законов пришли неограниченное насилие и произвол. "Узкие границы буржуазной законности", как говаривал Маркс, были отброшены. Не стало каких-либо законов, которые могли бы ограничить власть имущих. Они стали вольны убивать ad libitum [ad libitum (лат.) -- по желанию, как захочется]. Врожденное побуждение силой устранять неугодных -- импульс, усмиренный долгой и тягостной эволюцией -- было раскрепощено. Демонов выпустили на волю. Настала новая эпоха незаконных захватов. Бандитов призвали к делу, и они повиновались Гласу. Конечно, Ленин не хотел всего этого. Он не желал делиться с другими людьми правами, на которые претендовал сам. Он не намеревался делить с другими привилегию устранять неугодных. Его одного избрала история и ему доверила диктаторские полномочия. Он и только он был "законным" диктатором -- так говорил ему внутренний голос. Ленин не был достаточно догадлив, чтобы понять, что другие люди, обуреваемые другими убеждениями, осмелятся

действовать от имени собственного внутреннего голоса. Но в ближайшие несколько лет началось возвышение двух подобных ему -- Муссолини и Гитлера. Важно иметь в виду, что и фашизм и нацизм являлись разновидностями социалистической диктатуры. И члены коммунистических партий и многочисленные попутчики заклеили фашизм и нацизм как высшую, последнюю и самую угнетательскую стадию капитализма. Это отлично согласуется с их манерой честить любую партию последышем капитализма, если она не проявляет безусловного подчинения Москве. Этой судьбы не миновала даже социал-демократия Германии, классическая марксистская партия. Гораздо важнее, что коммунисты сумели изменить семантическое значение термина фашизм, фашизм, как будет показано ниже, был ветвью итальянского социализма. Он приспособился к особенностям положения масс в перенаселенной Италии, фашизм не был изобретением Муссолини и пережил его падение. [Мизес имеет в виду, что идеология фашизма закладывалась до Муссолини и не исчезла с его казнью в апреле 1945 г. Первые фашистские организации были созданы Бенито Муссолини (1883--1945) в марте 1919 г. как военизированные дружины бывших фронтовиков (от их названия "fasci di combattimento" -- "союз борьбы" произошло наименование политического движения).] С самого начала иностранная политика фашизма и нацизма резко различались. Тот факт, что нацисты и фашисты тесно сотрудничали после войны в Эфиопии и были союзниками по второй мировой войне, не устраняет различий между двумя доктринами (так же как союз СССР и США не снял различий между советской и американской экономическими системами). [Вплоть до 1935 г. между лидерами итальянского фашизма и германского национал-социализма по внешнеполитическим вопросам имели место серьезные трения, связанные, в первую очередь, с притязаниями на австрийские земли. В октябре 1935г. Италия начала войну с Эфиопией и в мае 1936 г. оккупировала ее. С лета 1936 г. Италия и Германия тесно сотрудничают во внешней политике, оказывают военную поддержку франкистским мятежникам в Испании, заключают ряд договоров, в том числе "Антикоминтерновский пакт" (1937 г.) и соглашение о военно-политическом союзе (1939 г.).] Фашизм и нацизм в равной степени были привержены советскому принципу диктатуры и насилия над несогласными. Если пожелать найти общее в этих режимах, то оба следует отнести к диктаторским режимам, так же как и Советы. В последние годы семантические новации коммунистов пошли еще дальше. Они называют всех, кто им несимпатичен, даже агитаторов свободного предпринимательства, фашистами. Большевизм, говорят они, есть единственная действительно демократическая система. Все некоммунистические страны и партии в сущности своей недемократичны, а значит, -- фашисты. Примечательно, что порой даже несоциалисты, например, последние отпрыски старой аристократии, заигрывают с идеей аристократической революции, моделируемой по образцу диктатуры Советов. Какими же мы были простаками, стенают они. Мы позволили одурачить себя фальшивыми идеями либеральной буржуазии. Мы верили, что недопустимо отступать от законности и уничтожать безжалостно всех, кто оспаривает наши права. Какими глупцами были эти Романовы, давшие своим смертельным врагам блага справедливого суда! Всякий, возбуждавший подозрение Ленина, погибал сразу. Ленин не колебался уничтожить -- и безо всякого процесса -- не только каждого подозреваемого, но и всех его родственников и друзей. Но цари из предрассудка боялись нарушить правила, записанные на этих клочках бумаги, -- законы. Когда Александр Ульянов злоумышлял против жизни царя, он один был казнен; его брата Владимира не тронули. Таким образом, Александр III лично сохранил жизнь Ульянову-Ленину, человеку, который позже безжалостно уничтожил его сына, невестку, их детей и всех остальных членов семьи, до которых он смог добраться. Однако от фантазий этих старых тори ничего в мире сдвинуться не может. [Тори -- политическая партия, существовавшая в Англии с конца 70-х годов XVIII в. по середину XIX в. Тори стали нарицательным названием консерваторов-аристократов.] Они представляли собой малую группу бессильных ворчунов. За ними не стояло никаких идеологических сил, и у них не было

последователей. Идея такой аристократической революции вдохновляла германский Stahlhelm и французский Cagoidards. [Stahlhelm (нем.) -- Стальной шлем -- военизированная националистическая организация, возникшая в Германии в 1918 году на базе Союза бывших фронтовиков. После прихода Гитлера к власти слилась с штурмовыми отрядами. Cagoulards (фр.) -- Кагуляры -- образовавшаяся во Франции в 1936 году после победы Народного фронта на парламентских выборах подпольная фашистская организация. Заговор кагуляров, готовивших военный путч, был раскрыт осенью 1937 года.] Стальной шлем был просто разогнан приказом Гитлера. У французского правительства всегда была легкая возможность попересажать кагуляров прежде, чем они сумели бы что-либо сделать. Хорти не был диктатором. [С 1920 по 1944 годы Хорти был регентом Венгерского Королевства. При нем политика страны была в значительной мере фашизирована, однако продолжали существовать политические партии, действовал парламент.] Он был регентом при парламентском правительстве. Венгерский парламент поставил коммунизм вне закона и при этом ревностно охранял свои конституционные prerogatives против Регента и его кабинета. Ближайшим воплощением аристократическом диктатуры является режим Франко. Но Франко был просто марионеткой Муссолини и Гитлера, которые хотели заручиться помощью или хотя бы "дружеским" нейтралитетом Испании на случай войны с Францией. После того, как его защитники исчезли, дни Франко также сочтены. [Франко Баамонде Франсиско (1892--1975) возглавил в 1936 г. военный мятеж против республиканского правительства Испании. При военной поддержке Германии и Италии мятежники одержали победу, и с 1939 г. Франко стал фактическим диктатором Испании. Он был провозглашен пожизненным главой государства ("каудильо") Жизнь показала, что Мизес, как и многие другие, недооценил Франко: тот проявил себя как самостоятельный и умелый политик, прошедший постепенную либерализацию режима и подготовивший переход к конституционной монархии. После крушения Гитлера и Муссолини Франко находился у власти еще три десятилетия.] Диктатура и жестокое подавление несогласных нынче являются исключительно социалистическим обыкновением. Это становится ясно, когда мы пристальнее вглядываемся в фашизм и нацизм. -----

Фашизм ОТНОШЕНИЕ к войне 1914 года разделило итальянских социалистов на две группы. Одна группа держалась твердых марксистских принципов. Эта война, утверждали они, война капиталистов. Пролетариям не к лицу соединяться с любой из партий. Пролетарии должны ждать великой революции, гражданской войны всех социалистов против всех эксплуататоров. До тех пор следует выступать за нейтралитет Италии. Вторая группа была сильно возбуждена традиционной ненавистью к Австрии. По их мнению, первой задачей итальянцев должно быть освобождение своих братьев. [Австро-Венгрии принадлежали перед первой мировой войной районы Трентино, Южного Тироля, Триеста, значительную часть населения которых составляли итальянцы.] Только потом пусть приходит день социалистической революции. В этом конфликте Бенито Муссолини, выдающийся человек итальянского социализма, выбрал сначала правоверную марксистскую позицию. Никто не мог превзойти Муссолини в ревности к марксизму. Он был непримиримым борцом за чистоту веры, непоколебимым защитником прав эксплуатируемого пролетариата, красноречивым пророком грядущего социалистического блаженства. Он был неумолимым обличителем патриотизма, национализма, империализма, монархического правления и всех религиозных предрассудков. Когда в 1911 году Италия начала великую серию войн коварным нападением на Турцию, Муссолини организовывал яростные демонстрации против отправки войск в Ливию. [В 1911 году Италия развязала войну с Османской империей за ее северо-африканские провинции Триполитанию и Киренаику (ныне образующие основную часть территории Ливийской джаммахирии). В результате оккупации итальянскими войсками прибрежных

районов Ливия фактически стала на длительный период (до 1943 г.) итальянской колонией.] Теперь, в 1914 году, он отверг войну против Германии и Австрии как войну империалистическую. Тогда он был еще под влиянием Анжелики Балабановой, дочери богатого русского землевладельца. [Балабанова Анжелика Исааковна (1878--1965), эмигрировав из России, принимала активное участие в итальянском рабочем движении (в 1912--1916 гг. -- член ЦК Итальянской социалистической партии, в 1912--1914 гг. -- соредатор газеты "Аванти!"). В 1918 году возвратилась в Россию, была членом РКП(б) до 1924 года, затем вновь -- на этот раз уже в Париже -- редактор "Аванти!" (1924--1935 гг.).] Госпожа Балабанова посвятила его в тонкости марксизма. Для нее поражение Романовых значило куда больше, чем поражение Романовых значило куда больше, чем поражение Габсбургов. Она не симпатизировала идеалам Рисорджименто. [Risorgimento (ит.) - восстановление. Так именуется эпоха борьбы итальянского народа за объединение страны и освобождение от иноземного владычества (90-е годы XVIII в. -- 1870 г.). В результате Рисорджименто была преодолена многовековая политическая раздробленность Италии и зависимость от Австрийской империи.] Но итальянские интеллектуалы были, в первую очередь, националистами. Как и во всех других европейских странах, большинство марксистов тянулись к войне и завоеваниям. Муссолини не был готов расстаться с популярностью. Больше всего он ненавидел возможность оказаться в стороне от победителей. Он изменил свой подход и стал фанатичнейшим из сторонников нападения на Австрию. С помощью французских денег он основал газету для военной агитации. Антифашисты ставят в укор Муссолини этот отход от истинного марксизма. Он был подкуплен французами, говорят они. Пора бы уж и этим людям знать, что издание газеты требует средств. Никто ведь не говорит о подкупе, когда богатый американец дает деньги для публикации путеводителей или когда средства таинственно собираются в кассы коммунистических издательств, фактом является лишь то, что Муссолини появился на сцене мировой политики как сторонник демократии, а Ленин -- как союзник императорской Германии. Более чем кто-либо другой Муссолини способствовал вступлению Италии в войну. Его пропаганда позволила правительству объявить войну Австрии. Только те немногие, кто понимают, что именно дезинтеграция Австро-Венгерской Империи изменила судьбу Европы, могут осуждать его позицию в войне 1914--1918 годов. Только те итальянцы имеют право обвинять Муссолини, которые начали понимать, что единственным средством защиты италоязычных меньшинств в прибрежных районах Австрии от поглощения их славянским большинством было сохранение единства Австрийского государства, конституция которого гарантировала равные права всем лингвистическим группам. [Итальянцы составляли значительную часть населения на землях Юлийской крайны. До крушения Габсбургской империи эти южнославенские области находились под владычеством Австро-Венгрии, затем вошли в состав Италии. Книга Л. Мизеса написана в то время, когда вопрос об итальянских меньшинствах активно дебатировался в связи с включением большей части Юлийской крайны в Югославию.] Муссолини был одной из самых жалких фигур истории, ничтожный хвостун и щеголь. Но остается фактом, что его первое значительное историческое достижение по-прежнему одобряется его соотечественниками и подавляющим большинством его зарубежных хулителей. С окончанием войны популярность Муссолини упала. Популярность русских событий вывела вперед коммунистов. Но грандиозная коммунистическая авантюра -- захват предприятий в 1920 году -- окончилась полным провалом, и разочарованные массы вспомнили прежнего лидера социалистической партии. Они ринулись в новую партию Муссолини, к фашистам. Молодежь с клопочущим энтузиазмом приветствовала самозванного наследника Цезарей. Позднее Муссолини хвастал, что он спас Италию от коммунизма. Его враги страстно оспаривают это утверждение. Коммунизм, говорят они, уже не был реальной угрозой в Италии, когда Муссолини захватил власть. Истина в том, что провал коммунистов стимулировал приток сил в ряды фашистов, что и дало им возможность разгромить все

остальные партии. Сокрушительная победа фашистов была не причиной, но следствием поражения коммунистов. Программа фашистов, составленная в 1919 году, была резко антикапиталистической <эта программа издана на английском языке в книге Карло Сфорца: Carlo Sforza, Contemporary Italy, Translated by Drake and Denis de Kay, New York, 1944, pp. 295--296>. Ее могли бы одобрить не только самые радикальные сторонники Нового Курса, но и коммунисты. Когда фашисты пришли к власти, они позабыли о тех пунктах программы, которые относились к свободе печати, мысли и праву на создание организаций. В этом отношении они оказались добросовестными учениками Бухарина и Ленина. Более того, они не уничтожили, как было обещано, промышленные и финансовые корпорации. Италия чрезвычайно нуждалась в иностранных займах для развития промышленности. Основной проблемой фашистов в первые годы правления было завоевать доверие иностранных банкиров. Для них было бы самоубийственным разрушение итальянских корпораций. Экономическая политика фашистов вначале ничем не отличалась от политики всех других стран Запада. Это была политика интервенционизма. С годами она все сильнее сближалась с социализмом нацистского образца. Когда Италия, после поражения Франции, вступила во вторую мировую войну, ее экономика уже во всех деталях походила на экономику нацистского типа. Отличием было то, что фашисты оказались еще менее эффективными и еще более коррумпированными, чем нацисты. Но Муссолини не мог долго прожить без собственной экономической философии, фашизм возник как новая философия, неслыханная прежде и не известная другим народам. Он заявил о себе, как о благовестновании, которое восставший дух древнего Рима несет угасающим демократическим народам, варварские предки которых некогда разрушили империю. Это было одновременным и полным завершением Ринашименто [Rinasdmento (ит.) -- возрождение, ренессанс (эпоха Возрождения в Италии -- XIV--XVI вв.); наименование "Возрождение" подчеркивало, что это время рассматривалось его идеологами как восстановление великой культуры Римской империи после мрачного средневековья] и Рисорджименто, конечное освобождение латинского гения от ярма иностранных идеологий. Его блистательный вождь, несравненный Дуче, был призван, чтобы найти окончательное решение жгучих проблем экономической организации общества и социальной справедливости. Из пыльной груды забытых социальных утопий фашистские ученые извлекли схемы гильдейского социализма. [Гильдейский социализм -- концепция, разработанная накануне первой мировой войны Д. Коулом, Д. Гобсоном и др. радикальными членами фабианского общества. В отличие от большинства фабианцев, выдвигавших программу передачи предприятий в муниципальную собственность, гильдейские социалисты настаивали на национализации частных предприятий и передаче управления ими "национальным гильдиям" -- объединениям работников народнохозяйственных отраслей. Таким образом, гильдейский социализм сочетал традиционную фабианскую идею решающей роли государства в изменении форм собственности с анархо-синдикалистскими положениями о передаче управления производством профессиональным союзам трудящихся.] Гильдейский социализм был очень популярен среди британских социалистов перед первой мировой войной и в первые годы после ее окончания. Идея была настолько непрактичной, что очень быстро исчезла из социалистической литературы. Ни один серьезный государственный деятель никогда ни мгновения не посвятил противоречивым и путанным построениям гильдейского социализма. Он был почти забыт уже, когда фашисты дали ему новое имя и торжественно провозгласили, что корпоративизм -новый универсальный путь спасения общества. Публика в Италии и в других странах была очарована. Бесчисленные книги, памфлеты и статьи были написаны во славу stato corporativo [stato corporativo (ит.) -- корпоративное государство]. Правительства Австрии и Португалии очень скоро провозгласили, что они привержены благородным принципам корпоративизма. Папская энциклика Quadragesimo Anno (1931) содержала несколько параграфов, которые могут быть истолкованы -- но не обязательно так -- как утверждение

корпоративизма. [Папские энциклики (послания всем верующим католикам) принято именовать по начальным словам. Quadragesimo anno (лат.) -- в год сороковой -- послание, посвященное социальным проблемам. Наименование связано с сороковой годовщиной энциклики "Rerum novarum" (О новых вещах), в которой была впервые дана развернутая социальная программа католицизма.] Во Франции эти идеи нашли многих красноречивых сторонников. Но все это были пустые слова. Никогда фашисты не сделали ни малейшей попытки реализовать корпоративистскую программу -- промышленное самоуправление. Они сменили имя торговой палаты -- на корпоративный совет. Они назвали corporazione принудительную ассоциацию различных отраслей промышленности, которые стали административными центрами реализации нацистского социализма. Но не возникало и вопроса о самоуправлении corporazione. фашистское правительство не терпело ни малейшего вмешательства в свои абсолютно авторитарные методы контроля производства. Все планы по созданию корпоративной системы остались на бумаге. Основная проблема Италии -- относительное перенаселение. В эту эпоху барьеров на пути торговли и миграции итальянцы обречены жить на более низком уровне, чем жители других стран. Фашисты видели единственный способ выхода из этой неприятной ситуации: завоевание. Они были слишком недалеки, чтобы осознавать, что предлагаемое решение хуже и опаснее самой болезни. Более того, они были настолько ослеплены самонадеянностью и тщеславием, что не замечали даже, насколько смешны их провокационные выступления. Иностранцы, которых столь настойчиво вызывали на битву, отлично знали, сколь ничтожны военные силы Италии. Что бы ни говорили его сторонники, фашизм не был порождением итальянского ума. Начало ему положил раскол марксистского социализма -- учения бесспорно импортного. Экономическая программа фашизма была заимствована у немарксистского германского социализма, а агрессивность также была заимствована в Германии, у Alldeutsche или пангерманских предтеч нацизма. [Alldeutsche (нем.) -- пангерманисты. В конце XIX в. в Австро-Венгрии сформировалась политическая доктрина пангерманизма, согласно которой все регионы с немецкоязычным населением должны быть политически воссоединены с Германией. Германия должна стать организующей силой Европы, а над Прибалтикой, Польшей, Белоруссией и Украиной установлен немецкий контроль. По существу, в доктрине пангерманизма содержались важнейшие положения будущего национал-социализма: расизм, антисемитизм, требования аншлюса Австрии и Судетов, идея "Дранг нах Остен" (наступления на Восток). Видными теоретиками и политиками пангерманизма были Г. Шенерер, Э. Хассе, А. Гугенберг, Г. Класс.] Ведение правительственной политики было заимствованием ленинского стиля диктатуры. Корпоративизм, столь превознесенное идеологическое украшение, был британского происхождения. Единственным доморощенным ингредиентом фашизма был театральный стиль процессий, представлений и праздников. Краткосрочный фашистский эпизод окончился в крови, убожестве и позоре. Но силы, породившие фашизм, не умерли, фанатический национализм есть черта, общая всем современным итальянцам. Коммунисты, конечно же, не готовы отказаться от своих принципов диктаторского подавления всех несогласных. Да и католические партии не стали защитниками свободы мысли, печати или религии. В Италии по сей пору очень немногие понимают, что незаменимой предпосылкой демократии и свободы человека является экономическая свобода. Может случиться, что фашизм вскоре воскреснет -- с новым именем, под иными лозунгами и символами. Но если это случится, последствия будут незавидными. Ибо фашизм не является "новым путем жизни" <см., например, Mario Palmieri, The philosophy of Fascism, Chicago, 1936, p. 248>, как провозглашали фашисты; это скорее старый путь к смерти и разрушению. -----

Нацизм ФИЛОСОФИЯ Национал-социалистской рабочей партии Германии есть чистейшее и самое последовательное проявление антикапиталистического и

социалистического духа нашей эпохи. По происхождению, основные идеи нацизма вовсе не германские и не "арийские". Точно так же они не специфичны для современных немцев. В генеалогическом древе нацизма такие латиняне как Сисмонди и Жорж Сорель, такие англосаксы как Карлейль, Рескин и Хаустон Стюарт Чемберлен много важнее, чем любой германец. [Сисмонди Симон де (1773--1842) -- швейцарский экономист и историк. Рассматривая противоречия капиталистической экономики, он выдвигал пожелания государственного покровительства мелкому производству, восстановления средневековых цеховых структур. Это сближает его воззрения со взглядами Карлейля и Рескина и, по мнению Л. Мизеса, делает предтечей экономических лозунгов нацизма. Чемберлен Хаустон Стюарт (1855--1927) -англичанин по происхождению, принявший немецкое подданство. Один из основателей теории расового превосходства арийцев, он считал немцев наиболее пригодными для установления нового порядка в Европе.] Даже самое знаменитое идеологическое украшение нацизма, басня о превосходстве арийской расы господ, была выдумана не в Германии: ее автор француз Гобино. [Гобино Жозеф Артюр (1816--1882) -- французский социолог. Его основная работа -- четырехтомная монография "О неравенстве человеческих рас".] Немцы иудейского происхождения вроде Лассала, Лассона, Штала и Вальтера Ратенау внесли больше в основные принципы нацизма, чем такие люди, как Зомбарт, Шпанн и Фердинанд Фрид. [Лассон Адольф (1832--1917) -- германский философ и юрист. Развивая идеи гегелевской философии права, он пропагандировал так называемое немецкое народное право. Шталь Фридрих Юлий (1802--1861) -- германский юрист и политический деятель, руководивший в прусском ландтаге феодально-консервативной партией. Шталь утверждал, что для обеспечения порядка необходим авторитет, стоящий над людьми, -- посредник между людьми и богом Ратенау Вальтер (1867--1920) -германский политик и публицист. Его исследование военной экономики носило апологетическую окраску: по мнению Ратенау, в огне войны складывается новый, социально справедливый хозяйственный строй и обеспечивается научно-технический прогресс. Зомбарт Вернер (1863--1991) -- немецкий экономист, социолог и историк, один из авторов теории организованного капитализма. Всегда придавая в объяснении экономической истории особое значение факторам "духа народа", религии и т.п., на склоне лет он скатился к идеям расистского толка и открыто поддержал национал-социализм. Шпанн Отмар (1878--1950) -- австрийский экономист и социолог. В работах Шпанна на первое место выдвигается государство как универсальная сущность, обеспечивающая устойчивость экономики. Демократия, согласно Шпанну, подрывает основы государства. Идеальная организация общества -- корпоративный строй, при котором государство выступает как сила, направляющая деятельность корпораций, объединяющих все население, а предприниматели-капиталисты выполняют функции национальных руководителей производства. Фрид Фердинанд -- псевдоним германского реакционного публициста Фердинанда Фридриха Циммерманна (1898--1967). С 1923 по 1934 год был экономическим редактором ряда крупных газет и журналов. После прихода Гитлера к власти -- оберштурмбанфюрер СС, сотрудник расового ведомства при рейхсфюрере СС Генрихе Гиммлере.] Лозунг, который выражал экономическую философию нацистов, а именно: Gemeinnutz geht vor Eigennutz (то есть, "общая польза превыше частной пользы"), в равной степени выражает философию американского Нового Курса и советской экономической политики. Этот лозунг предполагает, что ориентация на прибыль вредит интересам большинства населения и что священный долг народного правительства методами общественного контроля над производством и распределением предотвращать извлечение прибыли. Единственным специфически германским составляющим нацизма было стремление к завоеванию Lebensraum. И это тоже было результатом согласия этой партии с идеями, формировавшими политику наиболее влиятельных политических партий всех других стран. Эти партии провозглашали равенство доходов как основную цель. Нацисты делали то же. Единственным отличием нацистов является то, что они не готовы смириться с

перспективой, при которой немцы обречены быть навечно "заключенными" в сравнительно небольшом и перенаселенном пространстве, в котором производительность труда всегда будет ниже, чем в сравнительно малонаселенных, лучше обеспеченных природными ресурсами странах. Они стремятся к более "справедливому" распределению естественных ресурсов земли. В качестве "обездоленного" народа, они смотрят на богатство других народов с тем же чувством, с каким многие граждане западных стран взирают на своих богатых соседей. "Прогрессисты" в англосаксонских странах утверждают, что "свободу не стоит иметь" тем, кто обижен сравнительной малостью своего дохода. Нацисты утверждают то же самое в сфере международных отношений. По их мнению, единственная свобода, которая имеет значение, это *Nahrungsfreiheit* (то есть, "свобода от импорта продовольствия"). Они стремятся к приобретению территории настолько большой и богатой природными ресурсами, чтобы они смогли быть совершенно самодостаточными и при этом иметь уровень жизни не ниже, чем у других народов. Они считают себя революционерами, которые сражаются за неотчуждаемые естественные права против корыстных интересов чужих реакционных народов. Экономисту легко вскрыть все нелепости нацистской доктрины. Но те, кто третируют экономику как "ортодоксальную и реакционную" и фанатично выпячивают никчемные верования социализма и экономического национализма, были здесь бессильны. Ибо нацизм был ничем иным, как логическим следствием приложения их собственных принципов к условиям относительно перенаселенной Германии. Более 70 лет немецкие профессора политических наук, истории, права, географии и философии неистово заряжали своих учеников истерической ненавистью к капитализму и восхваляли "освободительную" войну против капиталистического Запада. Германские "катедер-социалисты" столь уважаемые в других странах, были вдохновителями двух мировых войн. [В конце 60-х годов прошлого века в Германии сложилась так называемая молодая историческая школа, воспринявшая ряд идей государственного социализма. Поскольку ее основатели Г. Шмоллер, А. Брентано и др. были университетскими профессорами, эта школа получила ироническое название *Kathedersocialismus* (социализм кафедры -- нем.). "Катедер-социалисты" были крайними немецкими националистами и апологетами военных методов. Объединение катедер-социалистов "Союз социальной политики" благополучно существовало в гитлеровской Германии до начала второй мировой войны.] Уже в начале столетия подавляющее большинство немцев были радикальными сторонниками социализма и агрессивного национализма. Уже тогда они были верными и последовательными нацистами. Недоставало только названия доктрины, и оно прибавилось позже. Когда советская политика безжалостного насилия и массового устранения всех несогласных отменила запрет на массовое убийство, который все еще довлел над некоторыми немцами, ничто больше не задерживало возвышения нацизма. Нацисты быстро освоили советские методы. Они заимствовали в России: однопартийную систему и господство этой партии в политической жизни; ключевую роль тайной полиции в интеграции общества; концентрационные лагеря; административное преследование или заключение всех оппонентов; устранение семей подозреваемых и ссыльных; методы пропаганды; организация братских партий за рубежом и использование их для подрыва местных правительств, для шпионажа и саботажа; использование дипломатических и консульских служб для подготовки революции и многое другое. Нигде и никогда Ленин, Троцкий и Сталин не имели более понятливых и толковых учеников, чем нацисты. Гитлер не был создателем нацизма, но только лишь его порождением. Подобно большинству его соратников, он был садистическим бандитом. Необразованный и невежественный, он не совладал даже со средним образованием. У него никогда не было пристойной работы. Рассказни о том, что он однажды работал обойщиком - басня. Его армейские успехи во время первой мировой были весьма посредственны. Железный крест первого класса был выдан ему уже после войны в награду за агентурные услуги. Он был психопатом, страдающим от мегаломании. Но почтенные профессора напитали его самомнение.

Вернер Зомбарт, который некогда говорил, что его жизнь посвящена борьбе за победу идей Маркса <W. Sombart, *Das Lebenswerk von Karl Marx*, Jena, 1909, s. 3>, Зомбарт, которого Американская экономическая ассоциация облекла званием Почетного члена, которому многие иностранные университеты подносили титулы и звания, чистосердечно провозгласил, что *Fuhrertum* [*Fuhrertum* (нем.) -- фюрерство, "вождизм" -система, основанная на принципе всеохватывающей роли вождя] означает непрерывное откровение, и что *Fuhrer*, вождь, получает приказы непосредственно от Бога, высшего *Fuhrer'a* Вселенной <W. Sombart, *A New Social Philosophy*, Trans. and ed. by K. F. Geiser, Princeton University Press, 1937, p. 194>. Нацистский план был более всеобъемлющим и, следовательно, более пагубным, чем марксистский. Он поставил целью устранить свободу не только в сфере производства материальных благ, но и в производстве человека. Фюрер был не только верховным распорядителем всех производств. Он был также верховным управляющим фермы, выводящей высшую породу человека и уничтожающей негодные породы людей. Грандиозный план улучшения человеческой породы должен был выполняться в согласии с принципами "науки евгеники". Теоретикам улучшения человеческой породы не стоит и пытаться откеститься от того, что натворили в этом деле нацисты. Идея была в том, чтобы дать неким людям, наделенным административной властью, полный контроль над процессом воспроизводства человека. Предполагается, что методы, используемые при разведении домашнего скота, вполне применимы и к самому человеку. Как раз это и попытались исполнить нацисты. Единственное, что может возразить последовательный теоретик улучшения человечества, это что его план отличается от нацистского и что он выводил бы иной тип человека, чем нацистские ученые. Так же как каждый сторонник экономического планирования стремится к выполнению только своих собственных планов, так и каждый сторонник биологического планирования склонен следовать только собственным идеям о путях улучшения человеческой породы. Сторонники евгеники заявляют, что они стремятся избавить человечество от врожденных преступников. Но понятие о "преступлении" зависит от существующих законов и изменяется со сменой социальных и политических идей. Жанна д'Арк, Ян Гус, Джордано Бруно и Галилео Галилей были преступниками по законам своих судей. Когда Сталин ограбил Русский государственный банк на несколько миллионов рублей, он совершил преступление. [Имеется в виду совершенная под руководством Сталина экспроприация денег из банка в Тифлисе (июнь 1907 г.). Л. Мизес ошибается в оценке суммы, поступившей в большевистскую кассу в результате экспроприации: налет на банк дал всего 250 тысяч рублей.] Сегодня в России не соглашаться со Сталиным -- преступление. В нацистской Германии половая связь "арийца" с представителями "низших" рас -- была преступлением. От кого евгеники хотели бы избавить человечество - от Брута или от Цезаря? [Брут Марк Юний (85--42 до н. э.) -- римский политический деятель, один из руководителей республиканского заговора, убийца ставшего диктатором Цезаря.] Оба нарушили законы своей страны. Если бы улучшатели породы в 18 веке запретили алкоголикам рожать детей, результатом планирования стало бы нерождение Бетховена. Следует еще раз подчеркнуть: наука ничего не знает о том, что должно быть. Кто из людей кого достойней и наоборот, может быть только предметом личного ценностного суждения, и это суждение не подлежит верификации [верификация - установление истинности научных утверждений]. Теоретики улучшения человеческой породы дурачат сами себя, когда предполагают, что именно им доверят определять, какие именно качества следует культивировать в "человечьем стаде". Им не хватает ума, чтобы учесть, что другие люди могут проводить отбор в соответствии с другими ценностными суждениями <см. сокрушительную критику расовой евгеники: H. S. Jennings, *The Biological Basis of Human Nature*, New York, 1930, pp. 223--251>. В глазах нацистов жестокий убийца, "белокурая бестия" был наиболее ценным представителем человечества. Массовые убийства в нацистских лагерях смерти слишком чудовищны, чтобы описать словами. Но они были логичным и последовательным приложением доктрин и политики,

претендовавших на звание научных. Эти доктрины и эта политика были одобрены некоторыми людьми, которые в области естественных наук при проведении лабораторных исследований проявляли немало сообразительности и технического искусства. -----

Уроки советского опыта МНОЖЕСТВО людей по всему миру уверены, что советский "эксперимент" дал решающие доказательства в пользу социализма и устранил все или, по крайней мере, большинство возражений против него. Факты, утверждают они, говорят сами за себя. Бессмысленно и дальше обращать внимание на ложные априорные возражения профессоров, критикующих социалистические планы. Критический эксперимент опроверг все их заблуждения. На все это следует возразить, во-первых, что в области целенаправленного человеческого поведения и в сфере социальных отношений никакие эксперименты невозможны и никаких экспериментов никто никогда не проводил. Экспериментальный метод, составивший всю славу и достижения естественных наук, неприменим к общественным наукам. Ученые-естественники могут в лабораторных условиях наблюдать за последствиями изолированного изменения одного из элементов при неизменности всех остальных. Экспериментальные наблюдения можно определенно соотнести с влиянием некоторых изолируемых элементов. Данными естественных наук как раз и являются взаимосвязи, выявляемые в таких экспериментах. Теории и гипотезы должны согласовываться с такими данными, фактами. Но общественные науки имеют дело совсем с другой реальностью. Это исторический опыт. Это реальность сложных явлений, реальность совместного действия множества элементов. Никогда общественные науки не бывают в состоянии проконтролировать условия изменений и изолировать изменения так, как это обычно делает экспериментатор. В общественных явлениях никогда не удастся наблюдать последствия изменения только одного элемента, при неизменности всех остальных. Они никогда не имеют в своем распоряжении данных и фактов того же рода, как естествоиспытатели. Каждый факт и каждое наблюдение в естественных науках открыты множеству толкований. Исторические факты и исторический опыт не в силах доказать или опровергнуть утверждение так, как оно может быть подтверждено или опровергнуто в эксперименте. Исторический опыт никогда не поясняет сам себя. Он должен быть истолкован с точки зрения теории, созданной без опоры на экспериментальные наблюдения. Нет нужды проводить эпистемологический анализ [эпистемологический анализ -- анализ с позиций теории познания] сопутствующих логических и философских проблем. Достаточно подчеркнуть тот факт, что каждый -- будь это профессиональный исследователь социальных проблем или любитель -- вынужден идти таким путем при анализе исторических явлений. Любое обсуждение значимости и смысла исторических фактов очень быстро сводится к обсуждению абстрактных общих принципов, которые логически предшествуют фактам, подлежащим пониманию и разъяснению. Ссылка на исторический опыт никогда не может разрешить ни одной проблемы, не может ответить ни на один вопрос. Одни и те же исторические события или же статистические данные приводятся в подтверждение взаимно несогласующихся теорий. Если история и может что-либо доказать и чему-либо нас научить, то только лишь тому, что частная собственность на средства производства есть необходимая предпосылка цивилизации и материального благополучия. Все известные цивилизации были основаны на принципе частной собственности. Только народы, приверженные принципу частной собственности, вырвались из нищеты, создали науки, искусство и литературу. Не существует свидетельств тому, что любое другое устройство общества могло бы одарить человечество плодами цивилизации. Тем не менее, очень немногие считают это достаточным и неоспоримым опровержением социалистических программ. Напротив, есть немало людей, доказывающих прямо противоположное. Нередки утверждения, что система частной собственности непригодна именно потому, что существовала прежде. Как бы благотворна ни была система организации общества в

прошлом, она не может быть пригодна и в будущем. Новое время требует нового способа организации общества. Человечество достигло зрелости. Было бы вредно держаться за те принципы, которыми управлялись ранние стадии эволюции человечества. Это, конечно, самое радикальное отрицание экспериментализма. Экспериментальный метод может утверждать такое, например: поскольку а в прошлом имело результатом б, этого следует ожидать и впредь. Но невозможно утверждение такого типа: поскольку а в прошлом имело результатом б, в будущем такого быть уже не может. Несмотря на тот факт, что в прошлом человечество не имело опыта социалистического способа производства, социалистические литераторы наконструировали, отталкиваясь от априорных рассуждений, различные образцы социалистических систем. Но как только кто-нибудь пытается проанализировать эти проекты, исследовать их выполнимость и способность повысить благосостояние человечества, социалисты страстно протестуют. Такой анализ, утверждают они, может быть только тщетной априорной спекуляцией. Подобным способом нельзя опровергнуть правильность наших утверждений и целесообразность наших планов. Следует испытать социализм и тогда результаты скажут сами за себя. Требование социалистов абсурдно. Доведенная до логических пределов, эта идея предполагает, что разум человека не может отклонить заранее никакой план реформ, сколь бы бессмысленным, внутренне противоречивым и непрактичным он ни был. Согласно такому пониманию, единственный законный способ отключить абстрактные и априорные планы -- испытать их на практике, пересоздав в соответствии с ними все общество. И до тех пор, пока люди сочиняют планы наилучшего устройства общества, народы вынуждены будут испытывать их, чтобы увидеть результат. Даже самые упрямые социалисты не могут отрицать, что многие варианты утопий несовместимы друг с другом. Существует советская схема всеобщей национализации предприятий и полной бюрократизации управления хозяйством; есть германская схема *Zwangswirtschaft*, к полному принятию которой движется англосаксонский мир; есть гильдейский социализм, который под именем корпоративизма все еще очень популярен в некоторых католических странах. Есть множество иных вариантов. Сторонники большинства конкурирующих учений утверждают, что благие результаты могут быть получены, когда все народы примут их учение: в одной отдельно взятой стране социализм не может проявить весь свой чудотворный потенциал. Марксисты заявляют, что благотворность социализма проявится только в "высшей фазе", которая настанет, согласно имеющимся указаниям, только после того, как рабочему классу "придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей" <К. Marx, *Der Burgerkrieg in Frankreich*, Berlin, 1919, s. 54 (К. Маркс, *Гражданская война во Франции*, -- Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 17, с. 347)>. Из всего этого следует, что сначала нужно построить социализм, а потом долго и тихо ждать, пока не наступит обещанная благодать. Ни страшный опыт переходного периода, ни бесконечное ожидание не в силах опровергнуть утверждения, что социализм есть лучший из способов организации общества. Верующий будет спасен. Но какую из многочисленных социалистических схем, противоречащих одна другой, следует воплощать? Каждая социалистическая секта страстно утверждает, что только ее марка социализма -- подлинная, а все другие секты рекламируют фальшивые, пагубные заблуждения. В борьбе друг с другом социалистические секты прибегают к тем же методам абстрактного рассуждения, которые они отрицают как тщетный априоризм в случае, если их используют для верификации практичности и пригодности их собственных построений. Других методов, впрочем, и не существует. Недостатки в системе абстрактных построений -- каков и есть социализм -- не могут быть вскрыты иначе, чем путем абстрактных же рассуждений. фундаментальное сомнение в реализуемости социализма порождается невозможностью экономических калькуляций. Было неоспоримо продемонстрировано, что в социалистическом хозяйстве экономические калькуляции неосуществимы. Когда не существует рыночных цен на факторы

производства, поскольку они не продаются и не покупаются, нельзя прибегнуть к калькуляциям для определения результатов прошлых действий или для планирования будущего. Управляющие социалистическим производством просто не в состоянии знать, в какой степени выбранные ими средства и методы соответствуют желаемым целям. Они будут править в темноте, как оно и происходит. Неизбежна расточительность в обращении с редкими ресурсами производства, как материальными, так и людскими. Хаос и всеобщая нищета являются неизбежным результатом. Все ранние социалисты по недомыслию не могли понять этого важнейшего момента. Впрочем, и экономисты прежде недооценивали его важности. Когда автор этих строк в 1920 году продемонстрировал невозможность экономических калькуляций при социализме, апологеты социализма навалились на поиски методов калькуляции, пригодных для социалистического хозяйства. Их попытки оказались совершенно неудачными. Непригодность созданных ими способов легко показать. Те из коммунистов, которые не были полностью задавлены страхом перед Советскими карательными органами, например, Троцкий, открыто признали, что экономический расчет невозможен в отсутствие рыночных цен <F. A. Hayek, *Individualism and the Economic Order*, Chicago University Press, 1948, pp. 39--91>. Интеллектуальное банкротство социалистического учения больше не скрыть. При всей своей беспрецедентной популярности, социализм кончен. Ни один экономист не может более сомневаться в его нереализуемости. Сегодня признание социалистических идей может означать только полное невежество в области экономики. Социалистические утверждения также пусты и неосновательны, как высказывания магов и астрологов. По отношению к этой основной проблеме социализма -- к возможности экономического расчета -- "русский эксперимент" не показателен. Советы действуют в рамках мировой экономики, большая часть которой все еще является рыночной. Калькуляции, на основе которых они принимают решения, они выполняют на основании мировых цен. Без помощи этих цен их действия были бы совершенно бесцельными и непланируемыми. Только учет зарубежной системы цен позволяет им калькулировать, вести учет и составлять планы. В этом плане нужно согласиться с утверждением различных коммунистических и социалистических авторов, что социализм в одной или нескольких странах -- еще не настоящий социализм. Конечно, эти авторы имеют в виду нечто совсем другое. Они-то хотят сказать, что полностью блага социализма могут проявиться только в объемлющем весь мир социалистическом обществе. Знакомые с экономикой должны, напротив, признать, что к полному хаосу социализм придет только, когда он охватит большую часть мира. Второе существенное возражение против социализма заключается в том, что социализм есть менее совершенный способ организации производства, чем капитализм, и что он приведет к сокращению производительности труда. Соответственно, в социалистическом обществе уровень жизни масс будет ниже, чем при капитализме. Нет сомнения, что этот аргумент не был опровергнут советским опытом. Единственный определенный факт относительно советской России, с которым согласны все, заключается в следующем: уровень жизни народа в России гораздо ниже, чем в стране, образцово представляющей капитализм -- в Соединенных Штатах. Если бы пришлось рассматривать социализм в терминах эксперимента, пришлось бы сказать, что эксперимент отчетливо продемонстрировал превосходство капитализма и второсортность социализма. Конечно, защитники социализма склонны толковать отставание уровня жизни в России иначе. Для них причиной нищеты является не социализм, а совсем другие обстоятельства. Они ссылаются при этом на отсталость России еще при царях, на разрушительное воздействие войн, на предполагаемую враждебность капиталистических демократий, на предполагаемый саботаж остатков русского дворянства, буржуазии и кулаков. Нет нужды изучать все эти оправдания. Мы не считаем, что какой бы то ни было исторический опыт может доказать или опровергнуть теоретическое утверждение так же, как экспериментально можно верифицировать утверждения в естественных науках. Это не критики социализма, а его фанатичные сторонники утверждают, что советский "эксперимент" доказывает что-либо

относительно социализма. На самом деле они, имея дело с явными и бесспорными данными о русском опыте, просто отбрасывают эти факты с помощью всевозможных фокусов и фальшивых силлогизмов. Они отрицают очевидные факты, комментируя их так, что факты теряют всякий смысл и всякое отношение к рассматриваемым вопросам. Давайте допустим, к примеру, что их толкования верны. Но все-таки было бы абсурдным утверждение, что советский эксперимент доказал превосходство социализма. Можно было бы утверждать разве что следующее: из того факта, что уровень жизни в России низок, нельзя сделать вывод о том, что капитализм превосходит социализм. Сравнение с экспериментатором в области естественных наук может прояснить ситуацию. Биолог желает испытать новое патентованное питание. Он скармливает его нескольким морским свинкам. Они худеют и умирают. Экспериментатор уверен, что исхудание и смерть не были вызваны новым питанием, но случайной эпидемией пневмонии. Тем не менее, он не мог бы заявить, что эксперимент подтвердил высокую пищевую ценность новой смеси. В лучшем случае он мог бы заявить, что данные эксперимента неокончательны, что они не дают оснований отрицать высокие достоинства нового питания. Положение такое, как если бы никакого эксперимента и не проводилось. Даже если бы уровень жизни народа в России был намного выше, чем в капиталистических странах, это все-таки не доказывало бы преимуществ социализма. Можно согласиться, что бесспорный факт -- что уровень жизни в России ниже, чем на капиталистическом Западе -- еще не доказывает окончательно превосходство капитализма. Но уж чистым идиотством является утверждение, что опыт России доказывает преимущества общественного контроля над средствами производства. Точно так же не доказывает преимущества коммунизма тот факт, что русские армии, после многих поражений, наконец, -- с помощью оружия, произведенного большими корпорациями Америки и подаренного им американскими налогоплательщиками -- смогли помочь американцам завоевать Германию. Когда британские войска были вынуждены временно отступить в Северной Африке, профессор Гарольд Ласки, этот самый радикальный защитник социализма, поспешил заявить об окончательном поражении капитализма. Он не был достаточно последователен, чтобы истолковать захват Украины немцами как окончательное поражение русского коммунизма. Впрочем, он не изменил своему осуждению британской системы и когда его страна вышла из войны победительницей. Если бы военные события можно было использовать как свидетельство о превосходстве какой-либо социальной системы, то в данном случае события говорили бы, скорее, в пользу Америки, а не России. Ничто из случившегося в России после 1917 года не противоречит ни одному из аргументов критиков социализма и коммунизма. Даже в тех случаях, когда все суждения основаны исключительно на писаниях самих коммунистов и попутчиков, невозможно обнаружить в русских условиях ничего, что свидетельствовало бы в пользу политической и социальной системы Советов. Все технологические усовершенствования последних десятилетий были созданы в капиталистических странах. Конечно, русские активно воспроизводили некоторые из этих новинок. Но точно также поступали все отсталые восточные народы. Некоторые коммунисты пытаются убедить нас, что безжалостное подавление несогласных и радикальное уничтожение свободы мысли, слова и печати не являются неотъемлемыми следствиями общественного контроля над производством. Они доказывают, что для коммунизма такие явления -- случайность, результат того, что такая страна как Россия никогда не имела свободы мысли и совести. Однако эти апологеты тоталитарного деспотизма не в силах объяснить, как права человека могут быть гарантированы в условиях всевластия правительства. Свобода мысли и совести в стране, где власти могут сослать каждого неугодного в Арктику или в пустыню, и принудить его к пожизненному тяжкому труду -- неизбежно фальшивы. Самодержец может попытаться оправдать такие произвольные действия тем, что они вызваны исключительно заботой об общественном благе и экономической целесообразности. Он сам себе высший судья во всех вопросах, относящихся к выполнению плана. Свобода печати иллюзорна, когда правительство

владеет и управляет всеми бумажными фабриками, типографиями и издательствами, и когда ему принадлежит окончательное право решать: что печатать, а что не печатать. Свобода собраний также невозможна, когда правительству принадлежат все залы. И точно также со всеми другими свободами. В один из своих светлых периодов Троцкий, конечно, -- Троцкий изгнанник, преследуемая жертва, а не безжалостный командир Красной Армии -- увидел вещи, как они есть, и заявил: "В стране, где единственным работодателем является государство, оппозиция означает голодную смерть. Старый принцип: кто не работает, тот не ест, -- был заменен новым: кто не повинуется, тот не ест" <цитир. по F. A. Hayek, The Road to Serfdom, 1944, Chapter IX, p. 119>. Это признание исчерпывает суть дела. Русский опыт демонстрирует нам очень низкий уровень жизни народа и неограниченный деспотизм власти. Апологеты коммунизма склонны объяснять эти неприятные факты всякими случайностями, тем, что это не вследствие коммунизма, а несмотря на коммунизм. Но если бы даже кто-либо принял эти аргументы всерьез, все равно не имело бы никакого смысла утверждение, что советский "эксперимент" свидетельствует хоть чем-либо в пользу коммунизма и социализма. -----

О неизбежности социализма МНОГИЕ люди верят, что приход тоталитаризма неизбежен. "Волна грядущего", говорят они, неотвратимо несет человечество к такому состоянию, когда все решения будет принимать всемогущий диктатор. Бесполезно сопротивляться неоспоримым велениям истории. Истина в том, что многим недостает интеллектуальных способностей и отваги, чтобы противостоять массовым движениям, как бы они ни были пагубны и неразумны. Бисмарк однажды выразил сожаление о недостатке у своих сограждан того, что он назвал гражданским мужеством, то есть отваги при столкновении с гражданскими проблемами. Но и граждане других стран явили не больше мужества и рассудительности при столкновении с давлением коммунистической диктатуры. Они либо молча уступали, либо выдвигали смехотворные возражения. Не является битвой с социализмом критика отдельных его сторон. Нельзя сокрушить социализм, критикуя подход социалистов к разводу и контролю за рождаемостью, или их идеи в области искусства и литературы. Недостаточно опровергнуть марксистские утверждения относительно того, что теория относительности или философия Бергсона или психоанализ [упомянутые Л. Мизесом три концепции, относящиеся к совершенно различным областям науки, имеют одно общее -- все они в сталинском государстве были объявлены лженаукой, идеалистическим хламом] являются "буржуазными" фантазиями. Те, кто единственным грехом большевизма и нацизма считают их антихристианскую направленность, тем самым неявно оправдывают все остальные кровавые свойства этих систем. С другой стороны, чистый кретинизм восхвалять тоталитарные режимы за предполагаемые достижения, которые не имеют ни малейшего отношения к их политическим и экономическим принципам. Не вполне достоверны наблюдения, что и на самом деле в фашистской Италии поезда на железных дорогах ходили строго по расписанию или что количество клопов во второсортных отелях уменьшилось, но в любом случае они не имеют ни малейшего отношения к проблеме фашизма. Попутчики очарованы русскими фильмами, русской музыкой и русской икрой. Но великие музыканты жили и в других странах и при иных общественных системах; хорошие фильмы также снимались не только в России; ну и, разумеется, нежный вкус икры ни в какой степени не заслуга генералиссимуса Сталина. Примерно также красота русских балерин и масштабы гидроэлектростанции на Днепре не оправдывают массового уничтожения кулаков. Читатели иллюстрированных журналов и любители кино тянутся к выразительному. Оперные шествия фашистов и нацистов, так же как парадные марши женских батальонов Красной Армии обращены к ним. Гораздо занятней слушать по радио речи диктаторов, чем штудировать экономические трактаты. Предприниматели и инженеры, прокладывающие пути к росту экономики, работают уединенно. Их труд не

очень киногеничен. Но диктаторы, склонные сеять смерть и разрушение, очень импонируют публике. В своих военных мундирах они в глазах поклонников кино совершенно затмевают бесцветно одетых буржуа. Проблемы экономической организации общества -- совсем не подходящая тема для легкой беседы за коктейлем. Не могут они быть адекватно рассмотрены и демагогами, разглагольствующими на массовых митингах. Это серьезные вещи. Они требуют усердных занятий. К ним нельзя относиться легкомысленно. Социалистическая пропаганда никогда не сталкивалась с серьезной оппозицией. Сокрушительная критика, которой экономисты подвергли бессмысленность и нереализуемость социалистических построений и доктрин, не затронула творцов общественного мнения. В университетах большей частью господствовали социалистические или интервенционистские доктринеры. Причем, так было не только в континентальной Европе, где университеты принадлежат правительствам и управляются ими, но и в англосаксонских странах. Политики и государственные деятели, дрожащие за свою популярность, защищали свободу с прохладцей. Политика умиротворения, столько раз критиковавшаяся в связи с отношением к нацистам и фашистам, десятилетиями практиковалась по отношению к социалистам всех мастей. Именно это пораженчество привело молодое поколение к вере, что победа социализма неизбежна. Это неверно, что массы страстно тянутся к социализму, и что сопротивляться им невозможно. Массы благосклонны к социализму, потому что верят социалистической пропаганде интеллектуалов. Интеллектуалы, а не простой люд формируют общественное мнение. Скверное извинение для интеллектуалов, что они вынуждены покоряться массам. Ведь они сами породили социалистические идеи и внедрились в толпу. Ни один пролетарий или сын пролетария не внес вклада в разработку социалистических или интервенционистских программ. Все такого рода авторы были буржуазного происхождения. Эзотерические писания диалектического материализма, работы Гегеля, прародителя одновременно марксизма и агрессивного германского национализма [внутренняя противоречивость философии Гегеля сделала возможным использование его идей различными направлениями общественно-политической мысли, философия Гегеля (особенно диалектический метод) стала одним из источников марксистского учения; в то же время философское оправдание прусского деспотического государства было подхвачено консервативно-националистическими кругами и явилось базой нацизма], книги Жоржа Сореля, Джентиле и Шпенглера изучались далеко не средними людьми; они не воздействовали на массы непосредственно. [Джентиле Джованни (1875--1944) - итальянский философ и историк, официальный идеолог фашистского режима. Шпенглер Освальд (1880--1936) -- немецкий философ и публицист, автор нашумевшей книги "Закат Европы". Стоял на консервативно-националистических позициях; его идеи сыграли существенную роль в формировании идеологии национал-социализма.] Интеллектуалы популяризировали их. Интеллектуальные лидеры народов породили и распространили заблуждения, которые поставили на грань исчезновения свободу и цивилизацию Запада. Только интеллектуалы ответственны за массовые бойни, которые стали характерной чертой нашего столетия. Они одни способны обратить тенденцию и проложить путь к возрождению свободы. Не мистические "материальные производительные силы", но разум и идеи определяют жизнь человека. Чтобы остановить сползание к деспотизму и социализму, необходимы здравый смысл и нравственное мужество.

АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ Введение ЗАМЕНА

докапиталистических методов экономического хозяйствования свободным капитализмом увеличила население и небывало повысила средний уровень жизни. В наши дни нация тем больше процветает, чем меньше она препятствует духу свободного предпринимательства и личной инициативы. Народ США преуспевает больше других народов именно потому, что его правительство позже, чем правительства других стран, начало проводить политику утеснения бизнеса. Тем не менее, многие, особенно люди умственного труда, страстно

ненавидят капитализм. По их представлениям, эта отвратительная форма экономической организации общества способна породить только зло и нищету. В доброе старое время, предшествующее "индустриальной революции", люди, якобы, жили в счастье и достатке. Теперь, при капитализме, огромное большинство людей -- это полуголодные бедняки, беспощадно эксплуатируемые беспринципным меньшинством. Для этих негодяев не существует ничего, кроме их барышей. Они производят не то, что действительно полезно и нужно обществу, а лишь то, что дает самую высокую прибыль. Они отравляют тела рабочих алкоголем и табаком, ум и души -низкопробным газетным чтивом, порнографическими книгами и глупыми бессодержательными фильмами. "Идеологической надстройкой" капитализма является упадочническая и вырожденческая литература, театр черного юмора, "искусство" стриптиза, голливудские ленты и детективы. Настрой общественного мнения предельно ясно виден из того, что оно связывает само определение "капиталистический" только с чем-либо отвратительным и никогда ни с чем положительным. Да разве может от капитализма исходить какое-либо добро? Ведь все ценное производилось и производится вопреки капитализму, его же отличительная черта -- порождение сплошных зол и бед. Цель нашего очерка -- проанализировать корни предубеждения против капитализма и проследить следствия такого взгляда на капитализм. -----
-

Социальные характеристики капитализма и психологические причины ненависти к нему
Всесильный потребитель ОТЛИЧИТЕЛЬНОЙ чертой современного капитализма является массовое производство товаров для массового же их потребления. Результат этого -- тенденция к постоянному повышению среднего уровня жизни, постепенное обогащение многих. Капитализм превращает "простого человека" из пролетария в "буржуа". На рынке в капиталистическом обществе простой человек является полноправным хозяином-потребителем, который, покупая или воздерживаясь от покупки, в конечном счете, определяет, что и в каком количестве должно производиться, какого качества оно должно быть. Магазины и заводы, удовлетворяющие исключительно или преимущественно нужды более состоятельных членов общества в предметах роскоши, играют лишь подчиненную роль в условиях рыночной экономики. Они никогда не достигают размаха большого бизнеса, ибо большой бизнес всегда -- прямо или косвенно -- обслуживает массы. Именно в этом возрастании роли масс состоит радикальный социальный переворот, совершенный "промышленной революцией". Те социальные низы, которые в предыдущие эпохи составляли толпы рабов и крепостных, бедняков и нищих, становятся теперь покупающей публикой, ради которой старается бизнесмен. Они-то и есть тот клиент, который "всегда прав", полновластный хозяин, который способен сделать бедного поставщика продукции богатым, а богатого -- бедным. В условиях рыночной экономики уже не нужны вельможи и чиновники, держащие в повиновении чернь и собирающие с нее налоги и подати, чтобы предаваться шумным пирам, оставив на долю простолюдина краюху черного хлеба. Капиталистическая система производства позволяет преуспевать лишь тем, кто научился как можно лучше и при минимальных затратах удовлетворять нужды людей. Разбогатеть можно только обслуживая потребителя. Капиталист неизбежно теряет состояние, если он не сумел или не успел вложить его в дело для наилучшего удовлетворения общественных потребностей. В этом ежедневном плебисците, где каждый грош дает право голоса, именно потребители определяют, кому владеть и управлять заводом, магазином, фермой. Контроль за материальными средствами производства является теперь общественной функцией, одобряемой или отвергаемой Его Величеством Потребителем. А вот что представляет собой в этих условиях понятие свободы. Любой взрослый индивидуум имеет возможность моделировать свой образ жизни по собственному плану. Никто не принуждает его жить согласно единственному допустимому плану, навязываемому властями с помощью полиции, т. е. общественного аппарата

принуждения. Свободу индивидуума ограничивает не насилие или угроза насилия со стороны других людей, а только физиологическая структура его тела и естественная ограниченность его производительных возможностей. Естественно, что способность человека самому определять свою судьбу не может преодолеть границы законов природы. Констатируя эти факты, мы не трактуем индивидуальную свободу с точки зрения каких-либо абсолютных критериев или метафизических понятий. Мы воздерживаемся также от оценки модных доктрин апологетов тоталитаризма как "правого", так и "левого" толка. Мы не разделяем утверждения, что массы, якобы, слишком неразвиты и неспособны понять, в чем состоят их "истинные" потребности и интересы, и нуждаются в опекуне, -- правительстве, иначе их дело плохо. Мы не будем также анализировать утверждения, что есть претенденты из числа "сверхчеловеков", готовые взять на себя роль таких опекунов. Побуждение к экономическому совершенствованию ПРИ капитализме простой человек пользуется благами, которые в предшествующие времена были неизвестны, а, следовательно, и недоступны даже самым состоятельным людям. Но, разумеется, все эти мотоциклы, телевизоры и холодильники не делают человека счастливым. В момент их приобретения он, возможно, чувствует себя счастливее, чем прежде. Но едва его желание удовлетворено, тотчас возникают новые. Такова человеческая природа. Немногие американцы полностью отдают себе отчет в том, что их страна имеет самый высокий уровень жизни, и уровень жизни среднего американца кажется сказочным и недостижимым огромному большинству людей в некапиталистическом мире. Большинство склонно недооценивать то, что они имеют и могут достичь и стремятся добиться того, что лежит за пределами их возможностей. Бессмысленно сетовать по поводу ненасытности человека в приобретении все большего количества благ. Именно это стремление стимулирует человека к экономическому совершенствованию. Едва ли можно считать достоинством удовлетворенность человека тем, чем он обладает, либо чего он может легко добиться, или отказ от всяких попыток улучшить свое материальное положение. Такое поведение свойственно скорее животному, но не разумному человеческому существу. Отличительная черта человека состоит в том, что он никогда не прекращает попыток повысить свое благосостояние целенаправленной деятельностью. Однако это стремление должно быть соразмерно цели. Оно должно вызвать желаемый эффект. Прискорбно в наших современниках не то, что они безудержно стремятся к все большему разнообразию предметов потребления, но что они выбирают неверные средства для достижения этой цели. Они введены в заблуждение лживой идеологией, поэтому потворствуют политике, противоречащей их собственным жизненным интересам, если их понять правильно. Не желая осознать неизбежные следствия своего поведения, которые не замедлят сказаться в конечном счете, они довольствуются теми краткосрочными выгодами, которые оно дает им сегодня. Они призывают принять меры, которые, в конце концов, обязательно приведут к всеобщему обнищанию, разрыву сотрудничества между общественными группировками на основе разделения труда и возврату к варварству. Есть только один способ улучшить материальное положение человека: ускорить рост накапливаемого капитала по отношению к росту населения; Чем больше капитала вкладывается в расчете на одного работающего, тем больше товаров может быть произведено и потреблено, тем лучшего качества они будут. Именно такое положение породил и порождает каждый день заново капитализм, столь ненавистная многим "система прибыли". И все же многие правительства и политические партии стремятся уничтожить капитализм. Почему же они ненавидят капитализм? Почему все они, пользуясь всеми благами, предоставляемыми капитализмом, с такой ностальгией смотрят назад, в "доброе старое время" и на жалкое положение рабочего в сегодняшней России? Сословное общество и капитализм ПРЕЖДЕ чем обсудить этот вопрос, необходимо четко уяснить основную особенность, отличающую капитализм от иерархического общества. Довольно часто предпринимателей и капиталистов в обществе рыночной экономики уподобляют аристократам в иерархическом обществе. Критерий сравнения здесь -

относительная состоятельность обеих групп по сравнению с относительной бедностью остального общества. Однако, прибегая к этой метафоре, мы рискуем упустить важнейшее отличие между богатством аристократа и богатством "буржуа" или капиталиста. Богатство аристократа не является фактором рынка, оно возникло не в результате снабжения потребителя товаром и не может исчезнуть или измениться под воздействием поведения части общества. Оно порождено завоеванием или щедростью завоевателя. Это богатство может быть отнято лицом, давшим его, стать добычей другого или быть растраченным самим обладателем по нерадивости, феодал не служит потребителю и, таким образом, защищен от недовольства народа. Предприниматели и капиталисты обязаны своим состоянием населению, которое покровительствует их бизнесу. Они неизбежно теряют его, как только приходят люди, обслуживающие потребителей лучше и дешевле. В наши задачи не входит описание исторических условий появления каст и сословий, подразделения людей на наследственные группы, имеющие различный ранг, различные права, притязания и законные привилегии. Для нас важно лишь то, что сохранение этих феодальных институтов оказалось несовместимо с капиталистической системой. Их отмена и установление принципа равенства перед законом сломали барьеры, мешавшие человечеству пользоваться благами, которые могла дать система частной собственности на средства производства и частного предпринимательства. В обществе, основанном на рангах, сословиях и кастах, общественное положение человека фиксировано. Он родился с определенным статусом, и его положение жестко определено законами и обычаями, дающими любому члену его сословия определенные привилегии и обязанности или накладывающими на него определенные ограничения. В случае крайней удачи или, напротив, неудачи индивидум может либо приобрести более высокий социальный статус, либо потерять свой и перейти в более низкую категорию. Но, как правило, условия человека определенного ранга или сословия улучшаются или ухудшаются только при изменении состояния всего общества. Индивидум, в первую очередь, принадлежит не определенной нации, а скорее определенному сословию (*Stand, etat*) и только в качестве такового входит в состав нации. Со своим соотечественником, принадлежащим к другому сословию, он не чувствует никакой общности. Он ощущает только пропасть, разделяющую обоих. Отличия проявлялись и в языке, и в одежде. При *ancien régime* европейские аристократы разговаривали преимущественно по-французски, третье сословие пользовалось местными диалектами, а низшие слои городского населения и крестьяне сохраняли местные наречия, жаргоны, арго, непонятные образованным людям. Различия наблюдались и в манере одеваться. Можно было безошибочно определить принадлежность любого человека к определенному сословию. Основная критика, высказываемая сторонниками "доброе старое время" по поводу принципа равенства всех перед законом, состоит в том, что он уничтожил все привилегии ранга и благородного происхождения. Этот принцип, считают они, "атомизировал" общество, растворил "органическое" разделение в "аморфных" массах. Теперь решающей силой стало абсолютное большинство, и его мелочный материализм вытеснил благородные традиции предшествовавших веков. Отныне властелин -- деньги. Совершенные ничтожества пользуются богатством и изобилием, тогда как люди достойные и благородные не имеют за душой ничего. Такие рассуждения молчаливо признают, что при *ancien régime* аристократы обладали достоинствами и были обязаны высоким положением и достатком своему моральному и культурному превосходству. Едва ли нужно всерьез развенчивать этот миф. Воздерживаясь от всяких оценок, отметим лишь, что все историки единодушны в том, что высшая аристократия основных европейских стран -- это потомки тех солдат, дворовых людей и придворных, которые в религиозно-политической борьбе XVI--XVII веков благоразумно примкнули к партиям, одержавшим победу в своих странах. По-разному оценивая стандарты жизни в старые времена, все консервативные и "прогрессивные" противники капитализма, тем не менее, сходятся в осуждении норм жизни в капиталистическом обществе. По их мнению, успеха и признания добиваются

здесь не те, кто заслуживает этого, но пустые и недостойные люди. И те и другие противники капитализма ратуют за то, чтобы заменить более честными методами те, якобы несправедливые методы распределения, которые существуют при свободном капитализме. Никто никогда не утверждал, что при свободном капитализме процветают те, кому должно отдаваться предпочтение с точки зрения вечных ценностных норм. Капиталистическая свобода рынка не предполагает вознаграждения человека согласно его "подлинным" заслугам, неотъемлемым достоинствам и моральному совершенству. Не делает его процветающим и оценка его вклада с точки зрения "абсолютной" справедливости. Важна только оценка, даваемая его братьями, которые, однако, применяют исключительно собственные мерки, исходя при этом из своих вкусов, желаний и целей. Именно в этом состоит особенность демократической системы рынка.

Потребитель -- превыше всего, а значит он, -полновластный хозяин. И он должен быть удовлетворен. Миллионы людей любят "Пинкапинку", напиток, изготавливаемый всемирно известной компанией "Пинкапинка". Миллионы людей любят детективы, фильмы ужасов, бульварную прессу, корриду, бокс, виски, сигареты, жевательную резинку. Миллионы отдадут свои голоса за правительства, желающие вооружаться и воевать. Поэтому предприниматели, которым удастся лучше и дешевле производить все вещи, необходимые для удовлетворения этих нужд, становятся богатыми. В условиях рыночной экономики важно не научное определение ценности, а та реальная оценка, которую дают данной вещи люди, покупая или не покупая ее. Тому, кто склонен сетовать на нечестность рыночной системы, можно порекомендовать лишь одно. Если хочешь добиться успеха, попытайся предложить потребителю что-либо дешевле или лучше чем то, что уже имеется. Попытайся превзойти Пинкапинку другим, более удачным напитком. Равенство перед законом позволяет тебе вызвать на соревнование любого миллионера. В условиях рынка, не испытывающего давления со стороны правительства, которое стремилось бы наложить на него запреты и ограничения, можно пенять только на себя, если ты не смог превзойти шоколадного короля, кинозвезду или чемпиона по боксу. Если вы предпочтете богатству, которого могли бы добиться, торгуя одеждой или занимаясь профессиональным боксом, удовлетворение от занятий поэзией или философией, -- ваше право. Но тогда, естественно, вы не заработаете столько, сколько заработает тот, кто будет служить большинству. Ибо таков закон экономической демократии рынка. Тот, кто удовлетворяет нужды небольшого числа людей, может рассчитывать на меньшее количество долларов, чем тот, кто удовлетворяет потребности большого числа людей. В том, что касается заработка, кинозвезда всегда обгонит философа, а изготовители Пинкапинки -- создателя симфоний. Важно представлять себе, что возможность конкурировать в области цен, которая должна быть гарантирована обществом, является социальным институтом. Нельзя устранить или смягчить врожденные дефекты, которыми природа поставила многих в более трудное положение по сравнению с остальными. Нельзя изменить то, что кто-то родился больным или стал инвалидом. Биологическая "оснащенность" человека очень жестко ограничивает сферу его деятельности. Люди, которые обладают способностью мыслить самостоятельно, отделены непреодолимой пропастью от людей, не обладающих этой способностью. Негодование, порождаемое неудовлетворенным честолюбием ТЕПЕРЬ попытаемся понять, почему многие ненавидят капитализм. В обществе, основанном на кастах и сословиях, индивидуум может приписать свою неудачливость обстоятельствам, находящимся вне его контроля. Он раб, потому что высшие силы, определяющие ход событий, навязали ему это состояние. Это случилось не по его вине, и у него нет оснований стыдиться своего жалкого положения. Его жена не может упрекнуть его ни в чем. На упрек: "Почему ты не герцог? Будь ты герцогом, я была бы герцогиней", -- он возразит ей: "Родись я сыном герцога, я женился бы не на тебе, дочери раба, а на дочери другого герцога; в том, что ты не герцогиня -- только твоя вина, нужно было более обдуманно выбирать родителей". При капитализме все выглядит иначе. Здесь положение человека зависит от его собственных усилий.

Каждый, чье честолюбие не удовлетворено в полной мере, осознает, что он просто упустил свой шанс, пытался, но не смог, и его ближний оказался удачливее. И когда его жена попрекает его: "Почему ты зарабатываешь всего 80 долларов в неделю? Если бы ты был таким же ловким, как твой бывший приятель Пол, ты был бы бригадиром и мне жилось бы лучше", -- он сознает свою неполноценность и испытывает унижение.

Жестокость капитализма, о которой столько говорят, состоит в том, что каждый получает от него столько, сколько он делает для пользы и благосостояния ближних. Осуществление принципа "каждому -- по его труду" не может быть ответственно за личные неудачи. Каждый прекрасно сознает, что есть люди, такие же как он сам, которые добились успеха там, где он сам потерпел неудачу. Каждый знает и то, что многие из тех, кому он завидует, -- это люди, добившиеся всего сами и начавшие с того же, что и он сам. И что хуже всего, он прекрасно знает, что это ясно всем остальным. Он читает в глазах своей жены и детей немой упрек: "Почему ты не оказался расторопнее и умнее?" Он замечает, как восхищаются люди теми, кто добился больше, чем он, и какое презрение и жалость они испытывают к его собственной неудачливости. При капитализме человека несчастным делает то, что эта система дает каждому возможность добиться самого высокого положения, но этого, разумеется, достигают немногие. Чего бы человек ни добился, это всегда лишь ничтожная часть того, чего жаждет его честолюбие. Перед его глазами всегда есть люди, достигшие успеха там, где он потерпел неудачу. Всегда есть товарищи, которые обогнали его, и он подсознательно испытывает по отношению к ним комплекс неполноценности. Так чувствует себя бродяга по отношению к человеку, имеющему постоянную работу, рабочий -- к бригадиру, чиновник -- к вице-президенту, вице-президент -- к президенту компании, человек у которого в банке 300 тысяч долларов, -- к миллионеру и т. д. Самоуверенности и моральной успокоенности человека мешает то, что перед его взором постоянно находятся те, кто проявил больше изобретательности и способностей. От этого он остро ощущает свое поражение и неполноценность. Первым, кто категорически отверг "западные" идеи Просвещения и общественную философию рационализма, утилитаризма и индивидуализма, равно как и политику, проводимую этими школами, был немецкий ученый Юстус Мезер [Мезер Юстус (1720--1794) -- немецкий историк и политический деятель; выступая против идей французских просветителей, идеализировал средневековое общество в Германии], за ним последовало множество продолжателей. [Понятие "идеи Просвещения" получило широкую известность после выхода статьи выдающегося философа И. Канта "Что такое Просвещение" (1784). Это отрицание феодальных порядков и соответствующей им схоластически-церковной идеологии, утверждение прав человека и всемогущества человеческого разума. Компонентами идеологии Просвещения были философские и этические концепции рационализма, утилитаризма и индивидуализма. Рационализм -- философское учение, признающее разум основой всей деятельности людей. Утилитаризм -- этическая концепция, рассматривающая стремление к личной пользе как главный стимул и побудительный мотив человеческого поведения. Индивидуализм -- социологическая концепция, утверждающая примат абсолютных прав личности, ее свободу и независимость от общества и государства.] Одним из новомодных в тот период принципов, вызвавших нападки Мезера, было требование, чтобы продвижение армейских офицеров и чиновников по службе было поставлено в зависимость от личных достоинств, а не от их благородного происхождения, возраста или срока службы. Жизнь в обществе, где успех полностью зависел бы от личных заслуг, считал Мезер, была бы просто невыносима. Так уж устроен человек: ему свойственно переоценивать свои достоинства и заслуги. Если положение человека в обществе обусловлено факторами иными, чем наличие или отсутствие у него достоинств, то те, кто остался внизу общественной лестницы, могут смириться с таким исходом и, не подвергая сомнению свою человеческую ценность, сохранить достоинство и самоуважение. Совсем другое дело -- когда все решают заслуги. В этом случае неудачник чувствует себя оскорбленным и униженным. Отсюда появляется ненависть и

враждебность к тем, кто его обогнал <Л. Мезер, "Против продвижения по службе согласно личным заслугам", впервые опубликовано в 1772 г. (Justus Moser's Sammtliche Werke, ed. V. R. Abeken, Berlin, 1842, Vol. II, s. 187--191)>. Система цен и рынков при капитализме образует общество, в котором именно заслуги и достижения определяют успех или неуспех человека. Как бы мы ни расценивали предубеждение Мезера против принципа продвижения по заслугам, мы вынуждены признать, что он верно описал одно из его психологических следствий. Он очень хорошо понял чувства тех, кто пытался пробиться, но потерпел при этом крах. Такой человек, чтобы как-то утешиться и восстановить уверенность в себе, пытается найти козла отпущения. Он старается убедить себя, что потерпел поражение не по собственной вине. Он ни в чем не уступает более удачливому сопернику, ни в работоспособности, ни в изобретательности. Просто, к сожалению, неудачная структура общества не способна оценить самых достойных людей по заслугам, она скорее увенчает лаврами беспринципного негодяя, мошенника, эксплуататора, "закоренелого индивидуалиста". А наш неудачник потерпел поражение именно из-за своей честности. Он оказался слишком порядочным, чтобы прибегнуть к гнусным махинациям, которым его удачливые соперники обязаны своим возвышением. При капитализме человек вынужден выбирать: либо добродетель и бедность, либо бесчестность и богатство. Лично он, наш герой, слава Богу, выбрал первый путь и решительно отверг второй. Это стремление отыскать козла отпущения является характерным настроением людей при общественном устройстве, в котором каждый оценивается с точки зрения вклада в благосостояние ближнего и является, таким образом, кузнецом собственного счастья. В таком обществе любой человек, чье честолюбие не удовлетворено полностью, враждебно относится к более удачливым соперникам. Человек примитивный отводит душу в сплетнях и наговорах. Более тонкие натуры не опускаются так низко. Они сублимируют свою ненависть в философию, философию антикапитализма, чтобы заглушить внутренний голос, говорящий: твое поражение -- твоя собственная вина. Фанатизм, проявляемый ими в критике капитализма, объясняется именно тем, что, сознавая несправедливость этой критики, они все же стараются убедить себя в ее обоснованности. Муки неудовольственного честолюбия очень типичны для людей, живущих в обществе равенства всех перед законом. Такое положение, однако, вызвано не равенством перед законом, а тем, что именно в этом обществе неравенство людей в отношении их интеллектуальных способностей, силы, воли и усердия наиболее резко бросается в глаза. Разрыв между тем, что представляет собой человек и чего он достиг, с одной стороны, и тем, что он сам думает о своих возможностях и достижениях, с другой стороны, безжалостно обнажается. Мечты о "справедливом" мироустройстве, которое оценит индивидуума по его "действительным достоинствам", являются удобным прибежищем всех, кто не до конца честен перед самим собой. Негодование интеллектуалов ОБЫЧНЫЙ человек, как правило, не имеет возможности общаться с теми, кто добился в жизни большего, чем он. Он вращается среди других таких же обычных людей и никогда не бывает в одной компании со своим начальником. Он никогда на личном опыте не может узнать, насколько отличается от него предприниматель или руководитель по тем качествам и способностям, которые требуются для успешного обслуживания потребителей. Его зависть и порождаемая ею обида направлены не против конкретного человека из плоти и крови, а против некоторой бесплотной абстракции вроде "руководства", "капитала", "Уолл-стрита". Нельзя ненавидеть столь абстрактный образ такой ненавистью, какая возможна по отношению к ближнему, с которым встречаешься каждый день. Совсем другое положение у тех, кто в силу рода занятий или семейной принадлежности общается с добившимися крупных успехов и завоевавшими награды; людям этого круга кажется, что успехи и награды по праву должны были бы принадлежать им. У них ощущение неудовольственных амбиций особенно остро, так как оно порождено ненавистью к конкретным лицам. Они испытывают отвращение к капитализму за то, что он позволил другому человеку занять то

положение, которое они хотели бы иметь сами. Так обстоит дело с теми, кого обычно называют людьми умственного труда. Возьмем к примеру врачей. Любой врач на основе ежедневного опыта осознает существование иерархии, в которой каждый медик занимает свое место согласно заслугам и достижениям. Более выдающиеся специалисты, методы и открытия которых он должен освоить и использовать на практике, чтобы не отстать от времени, были когда-то его одноклассниками в медицинском училище, работали вместе с ним санитарями, сейчас вместе с ним посещают встречи медицинской ассоциации. Он встречается с ними у постели больного, на общественных мероприятиях. Некоторые из них -- его личные друзья или родственники, и они ведут себя по отношению к нему крайне учтиво, называя его "уважаемым коллегой". Однако они стоят значительно выше его в глазах общества и превосходят его размерами дохода. Они обогнали его и теперь принадлежат к другому классу. Сравнивая себя с ними, он чувствует себя униженным. Но он должен строго контролировать себя, чтобы его обида и зависть ни в чем не выразились. Даже самое незначительное проявление подобных чувств было бы расценено как очень дурной тон и принизило бы его в глазах окружающих. Поэтому ему ничего не остается, как проглотить обиду и обратить свою злобу против другого объекта. И он обвиняет экономическую организацию общества, порочную капиталистическую систему: вот если бы не эта нечестная система, его способности и талант, энергия и труд принесли бы ему заслуженное вознаграждение. Подобным образом обстоит дело со многими юристами и учителями, художниками и артистами, писателями и журналистами, архитекторами и научными работниками, инженерами и химиками. Они тоже чувствуют себя неудовлетворенными, так как их угнетает сознание, что их опередили более удачливые коллеги, их бывшие одноклассники и приятели. Обида усугубляется именно тем кодексом профессионального поведения и этики, которые маскируют конкуренцию видимостью товарищеских и коллегиальных отношений. Чтобы понять причину ненависти интеллектуала к капитализму, нужно понять, та), по его представлениям, эта система воплощена в некоторых из его коллег, успех которых он воспринимает как личную обиду и которых он считает виновниками неосуществления своих честолюбивых планов. Его страстная ненависть к капитализму -- это просто маскировка ненависти к более удачливым "коллегам". Антикапиталистические предубеждения американских интеллектуалов НАСТРОЙ интеллектуалов против капитализма -- явление, не ограниченное одной или несколькими странами. Однако в США это предубеждение более обострено, чем в европейских странах. Чтобы объяснить причину этого странного положения, обратимся к понятию "общества" или, как его называют по-французски, *le monde*. В Европе "общество" составляют все, кто достиг успеха в какой-либо сфере деятельности. Государственные деятели и парламентские лидеры, руководители различных департаментов государственной службы, издатели и редакторы ведущих журналов и газет, известные писатели, ученые, художники, артисты, музыканты, инженеры, юристы и врачи образуют вместе с преуспевающими бизнесменами и отпрысками аристократических семей так называемое "высшее общество". Они встречаются за обедами и на вечеринках, благотворительных балах и базарах, премьерах и вернисажах, они бывают в одних и тех же ресторанах, отелях, курортах. Общаясь, они с удовольствием беседуют об интеллектуальных предметах (форма общения, выработанная в Италии эпохи Возрождения, усовершенствованная в парижских салонах и затем подхваченная всеми "обществами" в Западной и Центральной Европе). Новые идеи и веяния сначала находят отклик на этих светских раутах и лишь потом начинают распространяться в более широких кругах. Нельзя исследовать историю искусства и литературы, обходя молчанием роль, которую играл "свет" в поощрении или, наоборот, бойкоте деятелей искусства. Доступ в европейский "свет" открыт любому, кто отличился в какой-либо сфере. Он, может быть, проще для потомков аристократии или для очень обеспеченных людей, чем для простых людей со скромным доходом. Но ни богатство, ни титулы не могут дать члену этого общества тот ранг или престиж, какой способно дать

признание его выдающихся личных качеств или способностей. Звездами парижских салонов являются не миллионеры, а члены французской Академии. Здесь преобладают интеллектуалы, а остальные, по меньшей мере, делают вид, что их интересуют интеллектуальные вопросы. "Общество" в таком смысле -- явление, чуждое Америке. То, что мы называем "высший свет", в США почти исключительно состоит из самых состоятельных семей. Между процветающим бизнесменом и выдающимися писателями, художниками, учеными очень мало контактов. Те, чьи имена фигурируют в социальном регистре [Social Register -- принятое в США обозначение справочника, содержащего список лиц, занимающих видное положение в обществе], никогда не встречаются с людьми, формирующими общественное мнение и распространяющими новые идеи, которые потом определяют будущее нации. Большинство в этом "обществе" не интересуются ни книгами, ни идеями. Встречаясь, они, если не играют в карты, то сплетничают о ком-либо или беседуют скорее о спорте, чем о культурных проблемах. Но даже те, кому не чужды книги, считают писателей, ученых и художников людьми, с которыми им неинтересно общаться. Почти непреодолимая пропасть разделяет "общество" и интеллектуалов. Эту ситуацию можно объяснить исторически, но факт остается фактом. Нельзя преодолеть и ту обиду, которую, в свою очередь, питают интеллектуалы к членам "общества" -- в отместку за пренебрежение к ним. Американские писатели и ученые склонны считать состоятельного бизнесмена варваром, единственная мысль которого -- делать деньги. Профессор презирает своих питомцев за то, что тех больше интересует университетская футбольная команда, чем успехи на академическом поприще. Он чувствует себя оскорбленным, узнав, что тренер команды получает за работу больше, чем известный преподаватель философии. Исследователи, выработавшие новые методы производства, ненавидят бизнесмена, которого интересует только прибыль от их изобретений. Очень показательно, что многие американские физики сочувствуют социализму и коммунизму. Принимая во внимание, что они сами не разбираются в экономике, но зато хорошо знают, что преподаватели экономики в университете нелестно отзываются о капитализме, пренебрежительно именуя его "системой выжимания прибыли", трудно ожидать от них другого отношения. Если группа людей изолирует себя от остальной нации, особенно от ее интеллектуальных лидеров, как это делает американский "высший свет", она обязательно становится мишенью для злобных нападок со стороны тех, кто не допущен в их круг. Замкнутость, свойственная американскому "высшему свету", сделала его представителей своего рода изгоями. Они испытывают самодовольство от сознания своей исключительности, при этом, не замечая, что добровольно избранная ими сегрегация обособляет их от остальной нации и разжигает ее враждебность к ним. Последнее побуждает интеллектуалов симпатизировать антикапиталистической политике. Негодование "белых воротничков" У "белых воротничков" ненависть к капитализму, свойственная большинству людей, подпитывается еще двумя, характерными только для них факторами, угнетающими их психологически. ["Белыми воротничками" называют наемных конторских служащих (в отличие от "синих воротничков" -- по цвету рабочей спецодежды).] Сидя за столом и перенося на бумагу слова и цифры, чиновник часто бывает склонен переоценивать значимость своей работы. Он, как и его начальник, пишет и читает то, что написали другие, или говорит -- прямо или по телефону -- с другими людьми. Переполюясь самомнением, он воображает себя принадлежащим к управленческой элите и сопоставляет свои задачи с задачами начальника. Будучи "работником умственного труда", он смотрит свысока на рабочего, руки которого перепачканы и покрыты мозолями. Он чувствует себя оскорбленным, узнав, что многие рабочие получают больше и пользуются большим уважением, чем он. Какая досада, думает он, что капитализм не оценивает по достоинству "умственный труд" и носится с какими-то "работягами". Вынашивая эти наивные идеи об особой важности конторской работы по сравнению с ручным трудом, клерк лишает себя возможности трезво оценить ситуацию. Он не в силах понять, что работа в конторе состоит в

выполнении ряда рутинных процедур, требующих элементарных навыков, тогда как "работяги", которым он завидует -- это высоко квалифицированные механики и знатоки техники, умеющие управлять сложными станками и приспособлениями современной индустрии. Именно это полное искажение реального положения дел мешает чиновнику разобраться во всем объективно и сделать верные выводы. С другой стороны, конторский работник испытывает постоянный дискомфорт от ежедневного общения с людьми, стоящими выше его в служебной иерархии. Он видит, что коллеги, подобно ему начинавшие карьеру с нуля, продвинулись вверх по служебной лестнице, тогда как он так и остался внизу. Еще вчера его приятель Пол был на одном с ним уровне, а сегодня уже занимает более высокий и лучше оплачиваемый пост. И все же, думает он. Пол во всех отношениях уступает ему. Конечно, отсюда следует вывод: Пол обязан своим возвышением грязным махинациям, которые могут возыметь действие только при этой подлой капиталистической системе, которую во всех книгах и газетах ученые и политики осуждают как источник всех зол и бед. Классическое выражение убежденности чиновника в том, что его работа есть часть предпринимательской деятельности и она сродни работе начальника, можно найти в одном из самых известных очерков Ленина, где он описывает "контроль за производством и распределением". [Имеется в виду "Государство и революция". Далее Л. Мизес цитирует или пересказывает отдельные места этой работы.] Сам Ленин и его единомышленники никогда не понимали, как действует рыночная экономика, да и не стремились понять. О капитализме они знали что, по мнению Маркса, он -- худшее из всех зол. Они были профессиональными революционерами. Единственным источником существования были для них партийные фонды, пополнявшиеся за счет добровольных взносов или насильственных "экспроприации". Но еще до 1917 года, будучи в изгнании в Западной и Центральной Европе, некоторые из ленинских товарищей по партии время от времени служили чиновниками в деловых фирмах. Именно их опыт -- опыт клерков, заполняющих бланки, записывающих цифры и подшивающих бумаги, -- послужил Ленину источником сведений о предпринимательской деятельности. Ленин правильно понял различие между деятельностью предпринимателя, с одной стороны, и работой "научно образованного персонала инженеров, агрономов и т. д.", -- с другой. Эти специалисты и технологи главным образом -- исполнители приказов. При капитализме они подчиняются капиталисту, при социализме -- "вооруженным рабочим". Функция капиталистов и предпринимателей -- в другом: она, по Ленину, состоит в "контроле за производством и распределением, трудом и продукцией". Таким образом, задачи предпринимателей и капиталистов заключаются в установлении целей, ради которых факторы производства должны быть задействованы, чтобы как можно лучше удовлетворять нужды потребителей, то есть в определении, что нужно производить, в каком количестве и какого качества. Будучи марксистом, Ленин не представлял себе тех трудностей, которые неизбежно приходится преодолевать при любой системе общественной организации, когда дело касается производственного процесса: неизбежная ограниченность факторов производства; невозможность заранее знать условия, которым должно соответствовать производство; необходимость выбрать из огромного множества технологических методов, пригодных для достижения заранее спланированных целей, те, которые в наименьшей степени противоречат этим целям, то есть такие, при которых издержки производства будут минимальными. В писаниях Маркса и Энгельса об этом нет и намека. Из рассказов товарищей, которым доводилось иногда работать в конторах, Ленин знал о бизнесе, что там много бумажной волокиты: записей, цифр. Так, он утверждает, что "учет и контроль" -- это основное условие организации и правильного функционирования общества. Но учет и контроль, -- продолжает он, -- "упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок" <V. I. Lenin, State and Revolution (Little Lenin Library, No 14, published by International Publishers, New York)

pp. 83--84>. [Л. Мизес цитирует Ленина по довольно свободному переводу на английский. В настоящем издании цитата приведена по русскому оригиналу (см. Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 33, с. 101).] Вот вам во всей ее красе философия чиновника, занятого переключением бумажек с места на место. Негодование "кузенов" НА рынке, на который не воздействуют внешние силы, существует тенденция перехода управления средствами производства в руки наиболее энергичных людей. Как только человек или фирма дают себе послабление в усилиях как можно лучше удовлетворить самые насущные из все еще недостаточно удовлетворенных нужд потребителя, начинается растрата богатства, накопленного более удачливыми предшественниками. Часто эта растрата состояния начинается еще при жизни самого бизнесмена, когда его энергия и предприимчивость начинают ослабляться под влиянием возраста, усталости, болезни, а его способность учитывать непрерывно меняющуюся структуру рынка постепенно теряется. Чаще состояние проматывается нерадивыми наследниками. Если инертное и вялое потомство все же не совсем сходит со сцены и, несмотря на свою нерасторопность, сохраняет достаток, то только благодаря институтам и политическим мерам, которые были продиктованы антикапиталистическими тенденциями. Эти потомки отходят от рынка, где невозможно сохранить имеющееся богатство иначе, как приобретая его вновь каждый день в жесткой конкуренции со всеми: с уже существующими фирмами и с новичками, "начинающими с нуля". Покупая правительственные облигации, они прячутся под "крылышко" правительства, обещающего спасти их от превратностей рынка, где за нерасторопность приходится расплачиваться потерями. <В Европе до настоящего времени была еще одна возможность обезопасить богатство от нерадивости или причуд владельца. Состояние, приобретенное на рынке, могло быть вложено в большие земельные владения, защищенные от конкуренции протекционистскими тарифами и другими законными мерами предосторожности. Передающиеся по наследству без права отчуждения поместья в Великобритании и аналогичные владения на континенте исключали возможности их хозяев распорядиться своей собственностью во вред наследникам.> Однако есть семьи, в которых выдающиеся способности, необходимые для предпринимательства, передавались от поколения к поколению. Сын или внук, а иногда даже правнук может оказаться равным своему предку или даже превзойти его. Тогда состояние предка не только не теряется, но и умножается. Такие случаи, однако, нечасты. Они привлекают внимание не только из-за своей редкости, но и потому что люди, умеющие расширить унаследованное дело, пользуются двойным авторитетом: авторитет их предков умножается уважением к ним самим. Такие "патриции", как иногда именуют их люди, не понимающие разницы между сословным и капиталистическим обществом, часто совмещают в себе воспитание, утонченность вкуса и изящество манер с умением и изобретательностью энергичного бизнесмена. Некоторые из них принадлежат к самым богатым предпринимателям страны и даже мира. Именно положение этих немногих, но самых богатых среди так называемых "патрицианских" семей мы должны проанализировать, чтобы объяснить один феномен, играющий важную роль в современной антикапиталистической пропаганде и ее измышлениях. Даже в удачливых семьях качества, требуемые для успешного ведения большого бизнеса, не наследуются всеми сыновьями и внуками. Как правило, этими качествами обладают в каждом поколении один, в лучшем случае, два члена семьи. Для сохранения благосостояния семьи важно поручить ведение дел этим людям, остальные члены семьи будут при этом сведены до положения простых получателей доли прибыли. Формы таких договоров различны в зависимости от национальных и местных законодательств. Действия их всегда одинаковы. Они делят семью на две группы: тех, кто занят ведением дел, и тех, кто этим не занимается. Вторая категория состоит, как правило, из людей, тесно связанных с первой, которую мы предлагаем называть "хозяева". Во вторую категорию входят родные и двоюродные братья "хозяев", племянники, сестры, овдовевшие свояченицы и золовки, двоюродные сестры, племянницы и т. д. Назовем их "кузенами". "Кузены" извлекают свои доходы из фирмы или корпорации. Им совершенно

чужд бизнес и они не знают проблем, стоящих перед предпринимателем. Они воспитывались в престижных интернатах и колледжах, где царит дух высокомерного презрения к примитивному "деланию денег". Некоторые из "кузенов" проводят время в ночных клубах и других увеселительных заведениях, на скачках, играют в азартные игры, кутят или предаются дорогостоящему разврату. Другие любительски занимаются живописью, писательством, иными видами искусства. Одним словом, большинство из них -- праздные и никчемные люди. Конечно, всегда были и есть исключения из этого правила, и достижения отдельных выдающихся представителей группы "кузенов" значительно перевешивают скандальные чудачества их менее одаренных родственников -- повес и транжиров. Многие известные писатели, ученые и государственные деятели были как раз такими "джентльменами без определенных занятий". Освобожденные от необходимости зарабатывать себе на жизнь каким-либо полезным занятием и независимые от чьей-либо милости, они становятся распространителями новых идей. Другие, не обладая сами творческой способностью, становятся меценатами художников, которые не могли бы ничего создать, если бы не получали финансовой поддержки и одобрения ценителей. Неоднократно подчеркивалась роль, которую сыграли в интеллектуальном и политическом развитии Великобритании состоятельные люди. Среда, в которой обитали и находили поддержку художники во Франции XIX века, была также *le monde*, "общество". Однако нас не интересует ни беспутная жизнь богатых повес, ни заслуги других групп состоятельных людей. Наша тема -- роль, которую сыграла определенная часть "кузенов" в распространении учений, направленных на уничтожение рыночной экономики. Многие "кузены" убеждены, что с ними поступили несправедливо, юридически закрепив их зависимость от "хозяев" и семейной фирмы. Неважно, продиктовано ли соответствующее соглашение волей отца или деда, подписано ли оно самими "кузенами" -- они убеждены, что получают слишком мало, а "хозяева" -- слишком много. Незнакомые с природой бизнеса и рынка, они уверены -- вслед за Марксом, -- что капитал автоматически "приносит доход". Они не видят основания для того, чтобы члены семьи, занимающиеся ведением дел, получали больше их. Не удосуживаясь разобраться в балансах и счетах прибылей и убытков, они подозревают в каждом действии "хозяев" зловещий умысел и стремление обмануть их, лишив того, что принадлежит им по праву рождения. Отсюда -- постоянные распри с "хозяевами". Неудивительно, что "хозяева" часто теряют терпение. Они горды сознанием того, что сумели преодолеть препятствия, которые воздвигают на пути большого бизнеса правительство и профсоюзы. Они прекрасно знают, что без их предприимчивости и энергии фирма давно развалилась бы или семье пришлось бы все распродать с молотка. Они считают, что "кузены" обязаны отдавать должное их заслугам и поэтому находят их претензии нелепыми и оскорбительными. Семейные распри между "хозяевами" и "кузенами" касаются только членов клана. ["Лимузины с шоферами, одетыми в ливреи, подвозили серьезных дам к линии пикета, иногда для участия в забастовке против того самого бизнеса, который давал средства, на которые содержались сами лимузины". Eugene Lyons, *The Red Decade*, New York, 1941, p 186.] Но они выходят за пределы семейных отношений, когда "кузены", дабы сильнее досадить "хозяевам", примыкают к антикапиталистическим группировкам и финансируют различные "прогрессивные" мероприятия. "Братья" с удовольствием поддерживают забастовки даже на тех заводах, которые являются источником дохода для них самих. Хорошо известно, что большинство "прогрессивных" журналов и многие "прогрессивные" газеты полностью зависят от субсидий, щедро поставляемых "кузенами". Они финансируют прогрессивные университеты и институты "социальных исследований", а также деятельность различных коммунистических партий. В качестве такого рода "гостинных социалистов" и "салонных большевиков" они играют важную роль в "пролетарской армии", борющейся против "мрачной капиталистической системы". Коммунизм на Бродвее и в Голливуде МНОГИЕ из тех, кому капитализм обеспечил приличный доход и досуг, стремятся к развлечениям. Толпы зрителей устремляются в

театры. Большие средства вкладываются в шоу-бизнес. Доходы популярных актеров и драматургов исчисляются шестизначными цифрами. Они живут в напоминающих дворцы домах с бассейнами. Они меньше всего похожи на "людей, живущих впроголодь". И, тем не менее, именно Голливуд и Бродвей, всемирно известные центры индустрии развлечения, являются рассадниками коммунизма, фанатичных приверженцев советской системы можно найти среди писателей и актеров. Предпринималось немало попыток объяснить это явление. В каждом из объяснений есть доля правды. Однако ни одно из них не учитывает основной причины, толкающей героев сцены и экрана в ряды революционеров. При капитализме материальный успех зависит от того, как будет оценено конкретное достижение человека всемогущим потребителем. В этом смысле между услугами, оказываемыми промышленником или продюсером, актером, драматургом, нет существенного различия. Но осознание своей зависимости от публики не дает людям, занятым в шоу-бизнесе, такой уверенности в завтрашнем дне, какую испытывает промышленник, поставляющий потребителю нечто более осязаемое. Производитель материальных товаров знает, что его товар покупается благодаря некоторым физическим качествам. Он вполне уверен, что его товар будет и впредь пользоваться спросом, пока потребителю не предложат что-нибудь лучше и дешевле, так как маловероятно, чтобы потребности, удовлетворяемые данным товаром, изменились в ближайшем будущем. Дальновидный предприниматель может в какой-то степени предсказать спрос на товары. Он может смотреть в будущее с определенной уверенностью. В индустрии развлечений дело обстоит иначе. Люди жаждут развлечений, потому что им скучно. А ничто не наводит такой скуки, как приевшиеся развлечения. Сущность индустрии развлечений в разнообразии. Клиент восхищается больше всего новым и поражающим. Он капризен и непредсказуем. Что вчера вызывало восторг, сегодня вызывает презрение. Звезды сцены или экрана всегда живут в страхе перед своеобразием публики. Они однажды просыпаются богатыми и знаменитыми, а на другой день уже забыты. Они прекрасно сознают, что целиком зависят от капризов толпы, жаждущей развлечений, и поэтому всегда испытывают беспокойство. Как ибсеновский архитектор, они боятся пока еще неизвестных новичков, энергичной молодежи, которая оттеснит их и переманит к себе публику. Ясно, что устранить причину этого беспокойства невозможно, поэтому такие люди готовы хвататься за соломинку. Коммунизм, думают они, принесет им освобождение. Разве эта система не делает человека счастливым? Разве не заявляют выдающиеся люди во всеуслышание, что все беды человечества порождены капитализмом и исчезнут с приходом коммунизма? Да и разве сами они не люди труда, товарищи всех трудящихся? Можно предположить, что никто из голливудских или бродвейских коммунистов никогда не изучал работ социалистических идеологов, а тем более серьезно не знакомился с исследованиями рыночной экономики. Но именно данное обстоятельство дает этим блестящим танцовщицам и певицам, писателям и постановщикам комедий, продюсерам фильмов и авторам песен странную иллюзию, что мучающие их заботы и печали исчезнут, стоит только экспроприировать экспроприаторов. Многие критикуют капитализм за низкопробность произведений, предлагаемых индустрией развлечений. Это утверждение не лишено оснований. Но важно отметить, что ни одна социальная группа так не ратовала за поддержку коммунизма, как люди, занятые в производстве этих самых низкопробных пьес и фильмов. Когда будущий историк станет искать те маленькие, но значительные факты, которые И. Тэн высоко ценил как исходный материал, он должен обязательно упомянуть ту роль, которую сыграла в американском движении радикалов самая известная в мире артистка стриптиза <Lyons E., Ibid., p. 293>. [Тэн Ипполит (1828--1893) -- французский литературовед, философ и историк. Тэн утверждал, что предметом научного познания являются лишь события, отношения и факты, "хорошо подобранные и тщательно описанные".] -----

Социальная философия простого человека Капитализм как он есть и как его видит простой человек ВОЗНИКНОВЕНИЕ экономики как новой отрасли знания явилось одним из самых значительных событий в истории человечества. Открыв дорогу частному капиталистическому предпринимательству, оно в течение нескольких поколений преобразовало человеческую жизнь более радикально, чем все предшествующие 10 тысячелетий вместе взятые. Со дня появления на свет и до последнего дня жизни люди, живущие при капитализме, каждую минуту ощущают пользу, приносимую им гениальными достижениями капиталистического образа мышления и действия. Самое удивительное во всем этом дотоле невиданном преобразовании материальных условий, порожденном капитализмом, это то, что оно было осуществлено небольшим числом писателей и почти столь же малым числом государственных деятелей, усвоивших их учения. Не только аморфные массы, но и большинство бизнесменов, которые благодаря своей деятельности претворили в жизнь принципы свободы, не сумели понять основные черты этой акции. Даже в период расцвета либерализма очень немногие полностью разобрались, как действует рыночная экономика. Западная цивилизация приняла капитализм по рекомендации малочисленной элиты. В первые десятилетия XIX века многие люди рассматривали непонимание данных проблем как серьезный недостаток и стремились ликвидировать его. В период между Ватерлоо и Севастополем [имеется в виду период от 1815 г. (год битвы при Ватерлоо, приведшей Наполеоновскую империю к крушению) до 1854--1855 гг. (годы сражения под Севастополем в войне Англии, Франции и Турции с Россией)] никакая литература не пользовалась таким спросом в Великобритании, как экономические трактаты. Но скоро мода на них прошла. Тема оказалась недоступна обычному читателю. Экономика настолько отличается от естественных и прикладных наук, с одной стороны, и от истории и юриспруденции, с другой, что она способна отпугнуть при первом знакомстве. Ученые, проводящие исследования в лабораториях, архивах и библиотеках, с подозрением смотрят на ее эвристическое своеобразие. [По Мизесу, экономическая наука использует методы творческого, неформализованного поиска, называемые эвристическими (от греческого *heurisko* -- нахожу), чем отличается от других наук, применяющих строгие, наперед заданные приемы познания, жесткие алгоритмы решения научных задач.] Эпистемологическая оригинальность кажется ограниченным фанатикам позитивизма абсурдной, лишенной смысла. [Эпистемология -- теория познания. Позитивизм -- сформировавшееся в XIX веке философское направление, исходящее из того, что положительное (позитивное) знание может быть получено лишь путем описания и систематизации объектов изучения конкретных наук, особенно естественных, а попытки выяснения причинно-следственных зависимостей бесплодны.] Людям хочется отыскать в книге по экономике знания, которые удобно вписались бы в заранее сформированный образ экономики, какой она должна быть, то есть дисциплины, построенной по образцу логической структуры физики или биологии. При столкновении же с предметом экономики они приходят в полную растерянность и отказываются ломать голову над проблемой, анализ которой требует серьезного умственного напряжения. Не сумев понять проблемы, люди приписывают все улучшения экономических условий прогрессу естественных наук и технологий. По их мнению, всей истории человечества свойственна самодействующая тенденция поступательного движения экспериментальных естественных наук и их применения в решении технологических проблем. Эта тенденция непобедима, она внутренне присуща судьбе человечества и проявляется независимо от политической и экономической организации общества. По их мнению, невиданный технологический прогресс последних двух сотен лет не является результатом последовательной политики. Он никак не связан ни с классическим либерализмом, ни со свободой торговли и предпринимательства, ни с капитализмом. И, следовательно, он будет продолжаться при любой другой системе экономической организации общества. Учение Маркса получило поддержку просто потому, что оно приняло эту широко

распространенную интерпретацию событий и облекло ее в псевдофилософскую форму, сделав себя, таким образом, приемлемым и для спиритуалистов-гегельянцев и для грубых материалистов. [Спиритуалисты-гегельянцы -- последователи философского учения Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770--1831), развивавшие его взгляды на историю, как на постепенное выявление творческой силы мирового духа. По Гегелю, орудия производства, вообще материальная культура -- это воплощение все того же духа.] В марксовской схеме "материальные производительные силы" -- это некая надчеловеческая сущность, независимая от воли и деятельности индивидуумов. Она развивается сама по себе подчиняясь, указаниям невидимой, но всемогущей силы. Она изменяется по каким-то таинственным законам и заставляет человечество приспособлять социальную организацию к этим изменениям, ибо материальные производительные силы боятся только одного: оказаться скованными социальной организацией. Основное содержание истории составляет борьба материальных производительных сил за освобождение от связывающих их общественных оков. Когда-то, учит Маркс, материальные производительные силы воплощались в ручной мельнице, и они организовали жизнь человека по модели феодализма. Позже, когда невидимые законы, определяющие развитие производительных сил, заменили ручную мельницу паровой, феодализм уступил место капитализму. С тех пор материальные производительные силы продолжали свое развитие, и их современное состояние настойчиво требует смены капитализма социализмом. Те, кто пытается остановить социалистическую революцию, решают безнадежную задачу. Бессмысленно воздвигать препятствия на пути исторического прогресса. [Здесь Л. Мизес пересказывает положения "Коммунистического манифеста" К. Маркса и Ф. Энгельса (см. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., изд. 2-е, т. 5, с. 424--436).] По своим идеям так называемые левые партии во многом отличаются друг от друга. Но в одном они едины. Они считают материальный прогресс саморазвивающимся процессом. Член американского профсоюза принимает свой уровень жизни как должное. Судьба распорядилась так, что он имеет возможность пользоваться благами, которые были недоступны даже самым состоятельным людям предшествующих поколений, и до сих пор недоступны живущим за пределами Америки. Ему и в голову не приходит, что "крайний индивидуализм" большого бизнеса вполне мог сыграть определенную роль в появлении так называемого "американского образа жизни". В его глазах "администрация" -- это воплощение непомерных претензий "эксплуататоров", которые мечтают только о том, чтобы урезать его законные права. В ходе исторического развития, считает он, действует непреодолимая тенденция к постоянному повышению "производительности" его труда. Плоды этого совершенствования по праву принадлежат только ему. И именно его заслуга, если -- в эпоху капитализма -- показатель ценности продуктов, изготавливаемых обрабатывающей промышленностью, деленный на количество занятых в производстве рук, обнаруживал тенденцию к увеличению. На самом деле увеличение так называемой производительности труда явилось следствием использования более совершенного оборудования. Сотня рабочих на современном заводе производит за единицу времени продукции во много раз больше, чем сотня рабочих в цехах докапиталистической эпохи. Этот прогресс обусловлен не более высоким мастерством или большим усердием современных рабочих (известно, что умение, требовавшееся от средневекового кустика, намного превосходило мастерство многих категорий современных заводских рабочих). Прогрессом мы обязаны использованию более совершенных инструментов и станков, что, в свою очередь, является результатом накопления и вложения больших сумм капитала в производство. Термины "капитализм", "капитал", "капиталист" использовались Марксом и используются сегодня многими -- включая официальную пропаганду правительства США -- с уничижительным оттенком. Однако эти слова неизменно указывают на основной фактор, действие которого как раз произвело все эти удивительные успехи последних двух сотен лет небывалое повышение среднего уровня жизни все увеличивающегося населения. Современное состояние промышленности в капиталистических странах

отлично от состояния ее в докапиталистический период, а также от условий в так называемых слаборазвитых странах количеством имеющегося в распоряжении капитала. Невозможно воплотить в жизнь никакие технологические усовершенствования, если требуемый капитал предварительно не накоплен путем сбережений. Сбережение, накопление капитала -- это то средство, которое шаг за шагом преобразовало неумелые поиски пищи пещерным человеком в современное промышленное производство. Начало этому развитию положили идеи, составившие те организационные рамки, в которых накопление капитала было раз и навсегда защищено принципом частной собственности на средства производства. Любой шаг вперед по пути к преуспеванию является результатом сбережения средств. Самые хитроумные технологические изобретения были бы практически бесполезны, если не были прежде накоплены средства производства, требуемые для их использования. Предприниматели используют поставляемые им средства производства для наиболее экономичного удовлетворения самых насущных из еще неудовлетворенных нужд потребителей. Вместе с технологами, цель которых -- усовершенствование процесса обработки, и с теми, кто предоставляет сбережения, они играют активную роль в процессе, называемом экономическим прогрессом. Остальные только пользуются плодами деятельности этих трех групп первопроходцев. Каковы бы ни были иные заслуги, они только пожинают плоды тех преобразований, в осуществление которых не внесли никакого вклада. Характерная черта рыночной экономики в том, что результатами усилий трех прогрессивных классов -- тех, кто сберегает, накапливает, тех, кто вкладывает накопленное в средства производства, и тех, кто вырабатывает новые методы использования этих средств, -- она делится с непрогрессивным большинством народа. Накопление капитала, опережая рост населения, с одной стороны, поднимает производительность труда, а с другой -- удешевляет производство. Рыночный процесс дает простому человеку возможность пользоваться плодами чужого труда. Он заставляет представителей всех трех прогрессивных классов наилучшим образом обслуживать непрогрессивное большинство. Каждый может войти в состав трех производительных классов капиталистического общества, ибо они не являются закрытыми кастами. Принадлежность к ним не является привилегией, предоставляемой какой-либо высшей властью или унаследованной от предков. Эти три класса -- не клубы, и они не преграждают путь новичкам. Чтобы стать капиталистом, предпринимателем или изобретателем новых технологий нужны лишь ум и сила воли. Наследник состоятельного человека пользуется некоторым преимуществом, так как он начинает в более благоприятных условиях, чем остальные. Но его задача в преодолении рыночной конкуренции не только не проще, но иногда труднее, а деятельность менее выгодна, чем у новичка. Ему приходится реорганизовать унаследованное от предшественников предприятие, чтобы приспособить его к изменившейся рыночной конъюнктуре. Так, например, проблемы, которые приходилось решать потомку "короля" железных дорог, были в последние десятилетия сложнее, чем проблемы человека, начинавшего с нуля в перевозках грузовиками или самолетами. Популярная философия простого человека самым плачевным образом искажает эти факты. Дж. Дьюи [Дьюи Джон (1859--1952) -- американский философ и психолог], например, считает, что все новые отрасли промышленности, которые предоставляют человеку блага, неизвестные его предкам, созданы неким благодетелем по имени "Прогресс". А накопление капитала, предпринимательство и технологические изобретения не сыграли никакой роли в этом самопородившемся благосостоянии. Если кто-то и способствовал повышению производительности труда, так это рабочий на конвейере. Но, к сожалению, в этом грешном мире существует эксплуатация человека человеком. Большой бизнес снимает пенки и оставляет, как утверждает "Коммунистический манифест", создателю всех благ, то есть рабочему, только то, что "требуется для пропитания и для продолжения рода". Следовательно, "современный рабочий, с прогрессом не поднимается, а все более опускается... Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем

население и богатство". [Приведенная Мизесом без ссылки цитата из "Манифеста Коммунистической партии" дается в настоящем издании по "каноническому" русскому переводу (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., изд. 2-е, т. 5, с. 435).] Авторы этого описания капиталистического производства превозносят в университетах как величайших философов и благодетелей человечества, а их учение принимается с почтением миллионами людей, в чьих квартирах среди прочих современных удобств можно увидеть радио и телевизор. Самым безжалостным эксплуататором является большой бизнес, утверждают профессора, "рабочие" лидеры и политики. Они не хотят понять, что отличительная черта большого бизнеса -- как раз массовое производство для удовлетворения нужд широких масс. При капитализме сами рабочие прямо или косвенно являются основными потребителями продукции, выпускаемой их же заводами. На заре капитализма существовал значительный временной разрыв между возникновением новшества и его доведением до широких масс. Еще 60 лет назад Габриель Тард [Тард Габриель (1843--1904) -- французский социолог, социопсихолог и правовед] справедливо отмечал, что любая промышленная новинка сначала является роскошью для меньшинства и лишь потом превращается во всеобщую потребность: то, что поначалу рассматривалось как нечто необычное, позже становится повседневной вещью для всех без исключения. Это утверждение совершенно справедливо и в отношении автомобиля. Но массовое производство автомобилей большим бизнесом сократило и почти вовсе ликвидировало временной разрыв. Современные новшества прибыльны только при условии их массового производства и поэтому становятся доступны всем сразу же после их практического внедрения. Так, в США не наблюдалось периода, когда пользование такими изобретениями как телевизор, нейлоновые чулки, детское питание было бы ограничено меньшинством лишь самых обеспеченных людей. Большой бизнес стремится к тому, чтобы поскорее стандартизировать способы потребления и развлечения широких масс. При рыночной экономике никто не бедствует только потому, что есть очень состоятельные люди. Богатство имущих не является причиной чьей-либо бедности. Процесс, делающий людей богатыми, напротив, является следствием процесса, совершенствующего способы удовлетворения людских потребностей. Предприниматель, капиталист, технолог преуспевает только до тех пор, пока он способен наилучшим образом удовлетворять спрос потребителя. Антикапиталистический фронт С САМОГО начала социалистического движения и попыток возродить интервенционистскую политику докапиталистического времени и социализм и интервенционизм были безнадежно дискредитированы в глазах всех, кто был знаком с экономической теорией. Но идеи революционеров и реформаторов встретили одобрение у огромных масс невежественных людей, движимых самыми сильными из человеческих страстей: завистью и ненавистью. Социальная философия Просвещения подготовила почву для осуществления программы либерализации: для экономической свободы, завершившей свое развитие в рыночной экономике (капитализме) с ее конституциональным следствием -- представительным правительством. Но она не требовала уничтожения трех сил: монархии, аристократии и церкви. Европейские либералы стремились заменить королевский абсолютизм парламентарной монархией. Они хотели отменить привилегии аристократии, но не лишать ее титулов, гербов и поместий. Они жаждали предоставить всем свободу совести и прекратить преследования инакомыслящих и еретиков, но вместе с тем дать всем церквям и сектам возможность исповедовать свои духовные идеалы. Таким образом, все три основные силы старого режима были сохранены. Можно было вполне ожидать, что принцы, аристократы и клерикалы, неутомимо проповедующие консерватизм, встретят в штыки попытки социалистов посягнуть на основные достижения западной цивилизации. Кроме того, глашатаи социализма не скрывали, что при социалистическом тоталитаризме нет места для того, что они называли пережитками тирании, неравенства и предрассудков. Но даже в этих привилегированных группах обида и зависть взяли верх над трезвой логикой. Они, по существу, объединились с

социалистами, закрыв глаза на то, что социализм предусматривает в числе прочего конфискацию их собственных поместий, и что тоталитаризм исключает религиозную свободу. Гогенцоллерны в Германии начали проводить политику, которую один клерикальный обозреватель обозначил как монархический социализм <Elmer Roberts, Monarchial Socialism in Germany, New York, 1913>. Самодержцы России, Романовы, заигрывали с профсоюзами, чтобы использовать их как оружие в борьбе против попыток "буржуазии" установить представительное правительство <Mania Gordon, Workers Before and After Lenin, New York, 1941, p. 30>. [Л. Мизес имеет в виду так называемую зубатовщину -- создание в 1901--1903 гг. по инициативе охраны легальных рабочих организаций. Администрация поддерживала экономические требования этих профсоюзов при условии отказа от политической деятельности.] Во всех европейских странах аристократы практически сотрудничали с врагами капитализма. Видные теологи пытались дискредитировать систему свободного предпринимательства и, таким образом, по существу, поддерживали и социализм, и радикальный интервенционизм. Некоторые известные лидеры современного протестантизма -- Барт и Бруннер в Швейцарии, Нибур и Тиллих в США и ныне покойный архиепископ Кентерберрийский Уильям Темпл -- открыто осуждают капитализм и даже считают "несостоятельность капитализма" ответственным за все эксцессы русского большевизма. [Названные Л. Мизесом религиозные мыслители -- основоположники и видные представители так называемой неоортодоксии в протестантизме. Под влиянием "великой депрессии" 1929--1933 гг. сложилось их критическое отношение к современному капитализму. Так, Карл Барт (1886--1968), высланный нацистским режимом из Германии, был в определенной степени близок к идеям христианского социализма. Рейнгольд Нибур (1892--1971) критиковал капиталистическое общество, как противоречащее началам христианской этики. Эмигрировавший при Гитлере из Германии в США Пауль Тиллих (1886--1965) много внимания уделял порождаемому современным буржуазным обществом отчуждению человека от мира, от других людей и от бога. Уильям Темпл (1881--1944), ставший в 1942 г. архиепископом Кентерберрийским, выступал за социальные реформы, поддерживал профсоюзное движение. Некоторые из неоортодоксов, особенно К. Барт, выступали против кампании антикоммунизма.] Не исключено, что был прав В. Харкурт, заявивший более 60-ти лет тому назад: "Мы теперь все социалисты". [Харкурт Уильям (1827--1904) -- английский политический деятель, юрист и публицист конца XIX века. Принимал участие в налоговой реформе.] Но ясно одно: сегодня различные правительства, политические партии, преподаватели и писатели, воинствующие атеисты и христианские богословы почти единодушны в своем страстном отрицании рыночной экономики и в восхвалении тех преимуществ, которые якобы предоставляет всемогущество государства. Подрастающее поколение воспитывается в атмосфере, пропитанной социалистическими идеями. Влияние просоциалистической идеологии наглядно прослеживается в том, как, почти без исключений, общественное мнение объясняет причины, побуждающие людей присоединяться к социалистической и коммунистической партиям. Говоря о внутренней политике, принято считать, что неимущие классы "естественно и неизбежно" сочувствуют радикальным программам: планированию, социализму и коммунизму, и только люди состоятельные имеют основания голосовать за сохранение рыночной экономики. Это утверждение принимает постулат социалистов, что при капитализме экономические интересы масс попираются в угоду "эксплуататорам", что социализм обязательно повысит уровень жизни простого человека. Однако люди не потому хотят социализма, что знают, социализм улучшит их жизнь, -- и не потому отвергают капитализм, что знают: эта система враждебна их интересам. Они -- за социализм, потому что верят: при социализме жизнь будет лучше, -- и ненавидят капитализм, считая, что он враждебен им. Они потому и социалисты, что ослеплены завистью и невежеством. Они упорно отказываются изучать экономику и не желают ничего знать о сокрушительной критике, которой экономисты подвергли социалистические планы. В их глазах экономика, будучи абстрактной теорией,

ничего не стоит. Они, социалисты, доверяют только опыту. Но при этом упрямо отказываются признать такие неоспоримые факты, как, например, то, что в капиталистической Америке уровень жизни обычного человека несравненно выше, чем в советском социалистическом раю. Говоря о положении в экономически отсталых странах, люди обнаруживают столь же ошибочные рассуждения. Им кажется, что эти народы должны "естественно" сочувствовать коммунизму уже только потому, что они живут в нищете. Нет сомнения в том, что живущие бедно нации стремятся покончить с нищетой. Желая улучшить свои неудовлетворительные условия, они должны, следовательно, принять такую систему экономической организации общества, которая надежнее всего обеспечила бы им достижение этой цели: поэтому логично было бы выбрать капитализм. Однако сбитые с толку лживыми антикапиталистическими идеями, они оказываются предрасположенными к коммунизму. Весьма парадоксально, что лидеры народов Востока, с завистью глядя на процветание западных наций, в то же время отвергают именно те принципы, которые позволили Западу стать процветающим, и восхищаются русским коммунизмом, который держит саму Россию и ее сателлитов в бедности. Еще более парадоксально, что американцы, пользуясь плодами капиталистического большого бизнеса, превозносят советскую систему и считают совершенно "естественным", чтобы полуголодные народы Азии и Африки предпочли капитализму коммунизм. Можно спорить о том, следует ли каждому серьезно изучать экономику. Но одно не вызывает сомнения: человек, который публично рассуждает или пишет о различии между капитализмом и социализмом, не ознакомившись предварительно со всеми экономическими данными по этому вопросу, всего лишь безответственный демагог. -----

Литература при капитализме Рынок литературной продукции КАПИТАЛИЗМ дает многим возможность проявить инициативу. В то время как сословное общество предписывает каждому неизменный определенный круг занятий и не потерпит отклонения от традиционных норм поведения, капитализм поощряет новатора. Прибыль будет наградой тому, кто сумел успешно преодолеть рутинные способы выполнения своих задач, а убыток -- наказанием тому, кто инертно повторяет устаревшие методы. Индивидууму дается возможность показать, что он умеет делать лучше других. Однако свобода индивидуума ограничена. Она является порождением рыночной демократии и, стало быть, зависит от того, как оценит достижения индивидуума всемогущий потребитель. На рынке ценится не то, что выполнено хорошо, но только то, что признано выполненным хорошо, причем признано достаточным числом покупателей. Если потенциальные покупатели по каким-либо причинам не оценили продукцию по достоинству, то сколь высокого качества она бы ни была, все заботы и расходы придется считать напрасными. Капитализм по своей сути -- это система массового производства для удовлетворения потребностей масс. Товары льются на простого человека словно из рога изобилия. Капитализм поднял средний уровень жизни на недостижимую прежде высоту. Он позволил миллионам людей пользоваться благами, которые несколько поколений тому назад были доступны только немногочисленной элите. Наглядный пример -- развитие широкого рынка для всех видов литературы. Литература -- в самом широком смысле -- товар, потребляемый миллионами. Они читают газеты, журналы, книги, слушают радио, составляют театральную публику. Писатели, режиссеры, актеры, нравящиеся публике, имеют приличные доходы. В рамках общественного разделения труда при капитализме возникло новое подразделение -- литераторы, то есть люди, живущие литературным трудом. Эти писатели продают свои услуги или плоды своего труда на рынке точно так же, как это делают другие специалисты. Благодаря лишь одному умению писать они прочно интегрированы общей системой рыночного общества. В докапиталистический период писательство было неприбыльным делом. Заработать на жизнь могли кузнецы и сапожники, но не писатели. Писательство было свободным искусством, увлечением, а не

профессией, благородным занятием богатых людей, королей, грандов, государственных мужей, аристократов и других джентльменов с независимым доходом. В свободное время писали епископы и монахи, преподаватели университетов и военные. Человек, не имеющий средств, но испытывающий неодолимую потребность писать, должен был прежде обеспечить себе источник дохода и лишь потом браться за перо. Так, Спиноза шлифовал линзы. [Спиноза Бенедикт (Барух) (1632--1677) -- известный философ. Унаследовав от отца купеческое дело, он вследствие преследований за свои убеждения со стороны религиозной общины Амстердама оказался без средств к существованию и вынужден был зарабатывать на жизнь шлифовкой оптических стекол.] Оба Милля, сын и отец, работали в лондонском офисе Ост-Индской Компании. [Милль Джеймс (1773--1836) -- английский философ, экономист и историк. Происходивший из семьи сапожника, он стал пастором, но, по убеждениям, отказался от сана и был вынужден в 1819 г. поступить на службу в Ост-Индскую Компанию, занимавшуюся к тому времени не столько торговлей, сколько управлением английскими владениями в Индии. Там же с 1823 до ликвидации Компании в 1858 г. служил его сын, Джон Стюарт Милль (1806--1873) -- известный экономист, философ и общественный деятель.] Но большинство неимущих писателей существовали благодаря щедрости богатых покровителей искусства и науки. Короли и принцы соперничали друг с другом в том, кто щедрее одарит поэта и писателя. Двор был прибежищем литературы. Установлено, что система покровительства предоставляла писателям полную свободу самовыражения. Покровители не навязывали своим подопечным собственную философию, свои вкусы или эстетические взгляды. Они даже часто защищали их от преследования церковных властей. Наконец, если писателя изгоняли из одного места, у него всегда оставалась возможность найти приют при дворе монарха, соперничающего с его бывшим патроном. Однако положение философов, историков, поэтов, вынужденных передвигаться от одного двора к другому и зависящих целиком от милости тирана, было не очень приятным. Либералы с самого начала приветствовали развитие рынка литературной продукции как неотъемлемую часть процесса, который освободит человека от опеки королей и аристократов. Отныне, думали они, решающим будет мнение образованных людей. Перспективы казались весьма радужными. Казалось, что вот-вот наступит новый расцвет. Успех на книжном рынке ОДНАКО и здесь все оказалось не столь уж безоблачным. Литература -- это не конформизм, это всегда несогласие с общепринятым. Писатели, которые повторяют лишь то, что одобряют и ожидают услышать все, никому не нужны. Ценится только новатор, бунтарь, глашатай еще неведомых истин, человек, отрицающий традиционные нормы и стремящийся заменить прежние ценности и идеи новыми. Уже только поэтому он настроен против авторитарности и против правительства, непримиримо противопоставлен большинству современников. И именно его книги большая часть публики не покупает. Что бы ни говорили о Марксе или Ницше, нельзя отрицать, что посмертный успех их работ был небывалым. Однако они оба умерли бы от голода, если бы не имели других источников дохода, кроме гонорара. [Сам Маркс иронически замечал, что доходы от издания "Капитала" не покроют даже затрат на сигары, выкуренные им при работе над книгой. Для Маркса систематическим источником доходов были денежные субсидии, предоставляемые Энгельсом. Ницше был профессором Базельского Университета.] Бунтарю и новатору не приходится мечтать о сбыте своих книг на обычном рынке. Королем на книжном рынке является беллетрист, пишущий для масс. Было бы ошибкой утверждать, что покупатель неизменно предпочитает плохие книги хорошим. Он не особенно разборчив и, следовательно, готов проглотить иногда и хорошую книгу. Безусловно, большая часть романов и пьес, печатаемых сегодня, это просто чтиво. Да и чего еще можно ожидать, если каждый год пишутся тысячи томов? И все же наш век тоже можно было бы со временем назвать веком расцвета литературы, если бы хоть одна из тысячи издаваемых книг смогла сравниться по качеству с великими произведениями прошлого. Многие критики обвиняют капитализм в упадке литературы. Скорее им

следует пенять на свое неумение отличать белое от черного. Да и могут ли они считать себя более проницательными, чем, скажем, их предшественники сто лет назад? Сегодня, к примеру, критики очень высоко отзываются о Стендале. Но в 1842 году он умер, так и оставшись неизвестным и непонятым современниками. Капитализм сумел сделать массы достаточно состоятельными, чтобы они могли покупать книги и журналы. Но он не вправе требовать от них утонченности вкуса, какой обладал Меценат и подобные ему. [Меценат Гай Цильний (около 70 гг. до н. э.) -- приближенный римского императора Августа. Прославился как просвещенный покровитель Вергилия, Горация и других деятелей литературы и искусства, что сделало его имя нарицательным.] В том, что обычный человек не способен оценить необычную книгу, капитализм не виноват. Заметки о детективных историях ВЕК, в котором радикальное антикапиталистическое движение достигло невиданной, казалось бы, силы, породил новый литературный жанр, -- детектив. Поколение англичан, которое своими голосами привело лейбористов к власти, восхищалось такими авторами, как Эдгар Уоллес. [Уоллес Эдгар Ричард (1875--1932) -- один из наиболее плодовитых английских мастеров детективной литературы, автор свыше 150 романов и 300 рассказов, многих пьес и киносценариев.] Один из известных британских писателей социалистов Дж. Коул [Коул Джордж Дуглас (1889--1959) - английский историк, экономист и социолог, теоретик лейбористского социализма] не менее известен как автор детективов. Последовательный марксист назвал бы детектив -- быть может, вкуче с голливудскими лентами, комиксами и стриптизом -- художественной надстройкой эпохи профсоюзов и социализации. Многие историки, социологи и психологи пытались объяснить популярность этого странного жанра. Наиболее глубокие исследования принадлежат проф. В. О. Эйделотту. Он совершенно справедливо утверждает, что историческая ценность детективов в том, что они описывают мечты наяву и, таким образом, очень много говорят о людях, увлекающихся этим жанром. Верна и его мысль о том, что читатель отождествляет себя с детективом, а значит, как бы делает его продолжением своего Я <см. Willam O. Aydelotte, The Detective Story as a Historical Source (The Yale Review, 1949, Vol. XXXIX, pp. 76--93)>. Допустим, что читатель -- это индивидуум, не сумевший осуществить то, к чему его побуждало честолюбие и поэтому человек разочарованный. Как уже говорилось, он сможет утешиться, обвинив несправедливость капиталистической системы. Он потерпел поражение, потому что был честен и законопослушен. Его более удачливые соперники выдвинулись благодаря своей бесчестности, они прибегли к грязным махинациям, которые он, сознательный и непогрешимый, даже не мог бы вообразить. Если бы только люди знали, как бесчестны эти зазнавшиеся выскочки! К несчастью, их преступления скрыты, и сами они пользуются незаслуженной репутацией. Но день расплаты придет! Он, наш неудачник, сам сорвет с них маску и разоблачит все их грязные дела. Обычный ход событий в детективе следующий: человек, считающийся уважаемым и, казалось бы, неспособным на неприглядный поступок, совершает страшное преступление. Он вне подозрений. Но проницательного сыщика не проведешь. Тот все знает о подобных волках в овечьей шкуре. Он собирает улики против истинного виновника. Благодаря ему, правое дело, в конечном счете, торжествует. Разоблачение негодяя, выдающего себя за уважаемого гражданина, часто с подспудной антибуржуазной направленностью, являлось темой произведений и более высокого литературного уровня: например, у Г. Ибсена в "Столпах общества". [В драме "Столпы общества" (1877) норвежского драматурга Генриха Ибсена (1828--1906), обошедшей сцены многих стран мира, всеми почитаемый как гражданин и семьянин крупный делец оказывается мошенником, лжецом, ни перед чем не останавливающимся во имя своего благополучия.] Детектив снижает сюжет и вводит в него опошленный образ самодовольного сыщика, который находит удовольствие в том, что унижает человека, которого все считали безупречным гражданином. Побудительный мотив действий сыщика -- подсознательная ненависть к удачливому "буржуа". Его коллегами-конкурентами выступают следователи из государственной полиции. Они все

слишком неповоротливы и самовлюблены, чтобы решить задачку. Часто даже подразумевается, что они невольно симпатизируют виновнику. Детектив успешно преодолевает препятствия, которые ставит на его пути их нерасторопность. Его торжество -- это поражение властей, принадлежащих к слою буржуазии и имеющих своими ставленниками нерадивых полицейских. Вот почему детективы столь популярны у людей, страдающих от неудовлетворенного честолюбия (есть, конечно, и читатели другого сорта). Их тайная мечта -- взять реванш над своим более удачливым соперником. Они мечтают дождаться, когда "на руках преступника защелкнутся наручники и полицейские уведут его". Это удовольствие доставляет читателю кульминация истории, в которой он отождествляет себя самого с детективом, а своего более удачливого соперника -- с разоблаченным преступником. <Показательна также необычайная популярность так называемых разоблачительных журналов, самое последнее изобретение американской прессы. Эти журналы целиком посвящены выявлению тайных пороков и неблагоприятных проступков высокопоставленных лиц, особенно миллионеров и знаменитостей экрана. По данным "Ньюсвик" (11 июля 1955), один из этих журналов определил количество проданных за сентябрь 1955 г. экземпляров в 33 миллионов. Не подлежит сомнению, что средний человек с удовольствием читает о подлинных или вымышленных грехах тех, кто выше его в социальной иерархии.> Свобода прессы СВОБОДА прессы -- одна из основных черт нации свободных граждан. Она относится к главным пунктам в политической программе классического либерализма. Никому еще не удавалось выдвинуть убедительные возражения против выводов, сформулированных в двух ставших классическими трудах -- Джона Мильтона "Ареопагитика" (1644) и Джона Стюарта Милля "О свободе" (1859): вольная печать -- живая кровь литературы. [Милтон Джон (1608--1674) -- английский поэт и публицист. "Ареопагитика" -- его остро полемическое по форме выступление в защиту свободы печати.] Свободная пресса может существовать только при условии частного контроля над средствами производства- При социалистическом укладе, где все издания находятся в руках правительства, о свободной прессе не может быть и речи. Только правительство решает, кто имеет право писать и что должно издаваться. По сравнению с тем положением, которое наблюдается сейчас в Советской России, даже царская Россия покажется страной свободной прессы. Публично расправляясь с неудобными книгами, нацисты воплощали в жизнь одну из идей великого теоретика социализма Кабе <см. Cabet, Voyage en Icarie, Paris, 1848, p. 12>. [Кабе Этьен (1788--1856) -- французский социалист-утопист. Свои представления о коммунистическом обществе он изложил в социальной утопии "Путешествия в Икарию" (первое издание -- 1840 г.). В ней, в частности, говорится, что при коммунизме книги издает и распределяет среди народа исключительно государство. Естественно, утверждает Кабе, что печатаются только книги, одобренные специальным комитетом. Существуют лишь государственные газеты и журналы, редакторы которых -- должностные лица республики. Эта система противопоставляется "лживой свободе" печати при буржуазном строе.] По мере продвижения к социализму писатели шаг за шагом теряют свободу. С каждым днем становится все труднее издать книгу или статью, неудобную правительству или влиятельной группировке. Правда, "еретики" пока еще не уничтожаются физически, и их книги в полном смысле слова не сжигаются Инквизицией. Не наблюдается возврата и к старой системе цензуры. Люди, взявшие на себя роль защитников прогресса, имеют в своем арсенале более надежное оружие. Их основной метод расправы -- бойкотирование авторов, редакторов, издателей, работников типографий, рекламы и даже читателей. Каждый может воздержаться от чтения книг, газет журналов, которые ему не нравятся, и посоветовать другим сделать то же самое. Но совсем другое дело, когда человеку угрожают серьезными репрессиями, если он не прекратит покровительствовать определенным изданиям или издателям. Во многих странах издатели газет и журналов живут в страхе перед возможностью бойкота со стороны профсоюзов. Поэтому они воздерживаются от открытого обсуждения определенных тем и молчаливо подчиняются

диктату лидеров профсоюза <о системе бойкота, учрежденной католической церковью, см.: P. Blanshard, *American Freedom and Catholic Power*, Boston, 1949, pp. 194--198>. Эти "рабочие" лидеры не потерпят насмешек в свой адрес, и в этом смысле они гораздо более обидчивы, чем члены императорских и королевских семей прошлого. Они шуток не поймут. Именно эта обидчивость делает "беззубыми" сатиру, комедию и музыкальную комедию официального театра, обрекает на бесплодие киноискусство. При *ancien regime* во Франции театры имели возможность ставить и пьесы Бомарше, высмеивающие аристократию, и бессмертную оперу Моцарта. [Бомарше Пьер Огюстен Карон (1732--1799) -- французский драматург. Имеются в виду его известные пьесы "Севильский цирюльник" и "Безумный день, или женитьба Фигаро". Следует отметить, что "Женитьбу Фигаро" Людовик XVI не разрешал к постановке в течение пяти лет. По мотивам "Женитьбы Фигаро" Вольфганг Амадей Моцарт (1756--1791) написал оперу "Свадьба Фигаро" (1786).] При Второй империи Оффенбах и Галеви в "Великой герцогине Герольштейнской" дали пародию на абсолютизм, милитаризм и придворную жизнь. [Оффенбах Жак (1819--1880) -- французский композитор и дирижер, выдающийся представитель жанра французской оперетты. Галеви Людовик (1834--1908) -- французский писатель, либретист. Им написано, в частности, в соавторстве с А. Мельяком, либретто оперетты Оффенбаха "Великая герцогиня Герольштейнская" (1867).] Наполеон III собственной персоной и некоторые другие европейские монархи с удовольствием смотрели спектакли, представлявшие их в смешном виде. В Викторианской Англии [Викторианская Англия -- распространенное обозначение Великобритании периода пребывания на троне королевы Виктории (1837--1901)] цензор британских театров лорд Чемберлен не препятствовал постановке мюзиклов, высмеивающих все достопочтенные институты британской правительственной системы. И благородные лорды сидели в ложах, в то время как на сцене Граф Монтарарат пел: "Палата Пэров умом не блещет". В наше время не может даже быть и речи о том, чтобы пародировать на сцене власть предержавших. Недопустимо какое бы то ни было изображение профсоюзов, кооперативов, государственных предприятий, упоминание бюджетного дефицита и других особенностей государства всеобщего благоденствия. Профсоюзные лидеры и высшие чиновники -- это святая святых. Удел же комедии -- тот набор избитых тем, который делает столь пошлыми голливудские фарсы. Фанатизм литераторов ПРИ поверхностном взгляде на современную идеологию наблюдатель может не заметить, насколько фанатичны те, кто формирует общественное мнение, и насколько хитроумны махинации, заглушающие голос несогласных. До сих пор, по-видимому, нет единого мнения по поводу того, какие вопросы считать наиболее важными. Коммунисты, социалисты и интервенционисты, а также различные секты и школы этих партий борются друг с другом так остервенело, что внимание отвлекается от основных догм, по отношению к которым у них полное согласие. С другой стороны, те немногие независимые мыслители, которые отважились усомниться в этих догмах, по существу объявлены вне закона, и их идеи не доходят до читающей публики. Гигантская машина "прогрессивной" пропаганды и обработки сумела навязать свои запреты. На переднем плане сейчас нетерпимая к инакомыслию ортодоксия так называемых "неортодоксальных" школ. Неортодоксальный догматизм -- это противоречивая и путаная смесь несовместимых друг с другом учений. Это эклектика в худшем виде, набор постулатов из застарелых заблуждений и ошибочных толкований. В ней есть мысли, выхваченные у многих социалистических авторов: "утопистов" и "научных марксистов", немецкой исторической школы, фабианцев, американских институционалистов, французских синдикалистов и технократов. [Перечисляемые Л. Мизесом направления общественной мысли объединяет одно -- признание необходимости и эффективности централизованного регулирования экономики. Немецкая историческая школа -направление в политической экономии, возникшее в середине XIX в. в Германии. Ее представители отрицали общие для всех стран экономические законы, подменяли изучение экономических закономерностей исследованием истории народного хозяйства,

особенно государственной хозяйственной политики. Фабианцы -английские социалисты, члены так называемого Фабианского общества, основанного в 1884 г. Большинство фабианцев склонялось к передаче собственности на средства производства муниципалитетам и введению государственного контроля над экономическими ресурсами. Институционализм -- возникшая в США в конце XIX в. экономическая школа, прокламировавшая государственное вмешательство в экономику как средство социального контроля, французский синдикализм -получившее довольно широкое распространение в начале XX в. течение в рабочем движении. Будучи разновидностью анархизма, синдикализм отрицает политическую борьбу и рассчитывает на переход частной собственности в руки синдикатов (профсоюзов) путем экономических стачек, саботажа и т. п. Технократы -идеологи постепенного перехода власти к инженерам и ученым, призванным организовать управление обществом на рациональных основаниях.] Она повторяет старые ошибки Годвина, Карлейля, Рескина, Бисмарка, Сореля, Веблена и многих менее известных людей. [Годвин Уильям (1756--1836) -- английский писатель, выдвинувший проект создания общества независимых работников, в котором осуществляется распределение по потребностям. Карлейль Томас (1795--1881) - английский историк и философ, критиковавший современное капиталистическое общество и противопоставлявший ему средневековье. Рескин Джон (1819--1900) - английский теоретик искусства и писатель. Выступая против капиталистического производства, идеализировал средневековую ремесленную организацию труда. Бисмарк Отто (1815--1898) -- рейхсканцлер Германской империи. Яростный противник социализма, он в то же время был инициатором социального законодательства. Сорель Жорж (1847--1922) -- французский социолог и философ, теоретик анархосиндикализма. Веблен Торнстейн (1857--1929) -- американский экономист и социолог, основоположник институционализма.] Общее для этих школ утверждение заключается в том, что бедность -- результат несовершенных общественных институтов. Первородный грех, лишивший человечество счастливой жизни в садах Эдема, -- это установление частной собственности. Капитализм на пользу только эгоистическим интересам наглых эксплуататоров. Он обрекает массы праведных людей на все большее обнищание и упадок. Чтобы сделать людей счастливыми, надо только обуздать алчных эксплуататоров с помощью всемогущего бога, имя которому -- Государства. На смену стимула "прибыль" должен придти стимул "служение". К счастью, считают подобные теоретики, никакие интриги и никакие репрессии со стороны защитников старых порядков не могут остановить реформу. Пришествие эпохи централизованного планирования неизбежно. Тогда будет всеобщее изобилие. Странники ускорения этого великого процесса преобразования называют себя "прогрессистами" именно потому, что убеждены, что борются за осуществление планов, реализация которых, с одной стороны, желательна сама по себе и, с другой, согласуется с непреложными законами исторического развития. Они полны презрения к реакционерам -- к тем, кто всеми силами, но тщетно пытается остановить процесс, именуемый прогрессом. Что касается догматической стороны, "прогрессисты" провозглашают определенный политический курс, который, по их утверждению, немедленно облегчит участь страдающих масс. Они рекомендуют среди прочего: расширение кредитов, увеличение денежных сумм, находящихся в обращении, принятие закона о минимальной заработной плате и его проведение в жизнь под надзором и давлением правительства или профсоюзов, контроль над товарными ценами и арендными платежами и другие интервенционистские меры. Однако экономисты доказали, что все эти стандартные меры не дадут ожидаемого эффекта. Результаты, даже с точки зрения самих ратующих за воплощение таких мер, будут еще более неудовлетворительными, чем прежнее состояние дел, изменить которое они были призваны. Следствием расширения кредитов будет возвращение экономических кризисов и периодов депрессии. Инфляция заставит подскочить цены на товары и услуги. Попытки добиться зарплаты более высокой, чем складывающаяся на свободном рынке, вызовут

массовую безработицу на многие годы. Потолки цен повлекут за собой снижение поставок соответствующих товаров. Экономисты неоспоримо доказали все эти положения. Ни один псевдоэкономист из числа "прогрессистов" никогда не пытался их опровергнуть. Основное обвинение, выдвигаемое "прогрессистами" против капитализма, заключается в том, что ему якобы внутренне присущи повторяемость кризисов и спадов, массовая безработица. Легко доказать, что эти явления, напротив, являются следствием попыток регулировать капитализм и, тем самым, будто бы улучшить условия жизни простого человека. На этом завершим характеристику идеологии "прогрессистов". Будучи неспособными выдвинуть какие-либо обоснованные возражения против учений экономистов, "прогрессисты" пытаются утаить их от людей, особенно от интеллектуалов и студентов. Любое упоминание этих ересей строго запрещено. Их авторов шельмуют повсеместно, а студентов всячески отговаривают читать их "бред". Согласно догмам "прогрессистов", в обществе всегда есть группы, спорящие по поводу того, какая часть "национального дохода" принадлежит им. Имущий класс, то есть предприниматели и капиталисты, которых часто обозначают словом "управляющие", согласен уступить "труду" -- рабочим и служащим -- мизерную сумму, достаточную только для поддержания жизни. Труд, по вполне понятным причинам, недоволен скупостью "управляющих" и готов прислушаться к призывам радикалов, коммунистов, цель которых -- полная экспроприация "управляющих". Однако большинство трудившихся достаточно умеренно во взглядах, чтобы не впасть в крайний радикализм. Они отвергают коммунизм и готовы довольствоваться менее радикальными мерами, чем полная конфискация "незаработанного" дохода. Их цель -- умеренное решение планирование, создание государства всеобщего благоденствия, социализм. В этом споре интеллектуалы, которые якобы не принадлежат ни к тому, ни к другому лагерю, призваны выступать третейскими судьями. Профессора -- представители науки, и писатели -- представители литературы, должны избегать экстремизма обеих группировок: и тех, кто рекомендует капитализм, и тех, кто выступает за коммунизм. Их место -- в стане умеренных. Они должны выступать за планирование, за государство всеобщего благоденствия и социализм, и поддерживать любые меры, направленные на то, чтобы обуздать алчность "управляющих" и не дать им злоупотреблять своей экономической властью. Нет необходимости еще раз детально анализировать ошибки и противоречия, характерные для подобного стиля мышления. Достаточно выделить три основных заблуждения. Первое. Основной идеологический конфликт нашего времени -- это не борьба за распределение "национального дохода". Это и не спор двух классов, каждый из которых стремился бы присвоить себе как можно большую долю из общей суммы, подлежащей распределению. Он заключается в споре по поводу того, какая система экономической организации общества лучше. Вопрос в том, какая из двух систем, капитализм или социализм, обеспечивает более высокую продуктивность человеческого труда, направленного на улучшение жизни. Итак, может ли социализм считаться заменой капитализма и возможна ли в условиях социализма вообще какая-либо рациональная производственная деятельность, то есть деятельность, основанная на экономических расчетах. Фанатизм и догматизм социалистов проявляется в том, что они упрямо отказываются всерьез вникать в эти проблемы. У них давно сложилось убеждение, что капитализм -- худшее из зол, а социализм -- воплощение всего хорошего. Любая попытка проанализировать экономические проблемы социалистического строя рассматривается как "посягательство на святыню". Поскольку условия жизни на Западе пока еще не допускают физического уничтожения "святоотатцев", как это делается в России, их попросту оскорбляют и очерняют, пытаются скомпрометировать их мотивы, и просто бойкотируют. <Последние два утверждения не распространяются разве что на трех-четырех авторов-социалистов нашего времени, которые -- правда, несколько запоздало и без особого успеха -- начали изучать экономические проблемы социализма. В отношении всех других социалистов от самого зарождения социалистических учений до настоящего времени все сказанное

справедливо.> Второе. Социализм и коммунизм с экономической точки зрения не различаются. Оба термина обозначают одну и ту же систему экономической организации общества, предполагающую общественный контроль над всеми средствами производства в отличие от системы частного управления ими, то есть капитализма. Оба термина, социализм и коммунизм, синонимичны. Документ, который все марксистские социалисты считают незыблемой основой своей веры, называется Коммунистическим манифестом. С другой стороны, официальное название коммунистической русской империи -- Союз Советских Социалистических Республик (СССР) <о попытке выявить различие между социализмом и коммунизмом см. Мизес "Запланированный хаос">. Антагонизм между сегодняшними социалистическими и коммунистическими партиями не распространяется на вопрос о конечной цели их политики. Он касается, главным образом, стремления русских диктаторов подчинить себе как можно больше стран и в первую очередь -- Соединенные Штаты Америки. Другой спорный вопрос, должен ли общественный контроль над производительными средствами устанавливаться конституционным путем или же насильственным свержением находящегося у власти правительства. Термины "плановое хозяйство" и "государство всеобщего благоденствия" означают на языке экономистов и политиков не что иное, как конечную цель социализма и коммунизма. [Согласно сформировавшейся в середине XX века в США концепции государства всеобщего благоденствия, современное государство располагает возможностями ликвидации пороков "старого" капитализма, устранения социальных противоречий и обеспечения общего благосостояния. Три основные признаки государства всеобщего благоденствия: регулирование частного предпринимательства, высокая доля государственной собственности и социальные гарантии трудящимся, предоставляемые государством.] Введение планового хозяйства означает замену планов отдельных граждан государственным планированием. Предприниматели и капиталисты будут лишены возможности использовать свой капитал по собственному усмотрению и вынуждены будут безоговорочно подстраиваться под планы центральных планирующих органов. Это равносильно передаче правительству контроля, осуществляемого предпринимателями и капиталистами. Следовательно, было бы серьезной ошибкой рассматривать социализм, плановое хозяйство, государство всеобщего благоденствия, как такое решение вопроса об экономической организации общества, которое можно было бы охарактеризовать как "менее абсолютное", "менее радикальное". Социализм и планирование не являются чем-то противоречащим коммунизму, вопреки распространенному мнению. Социалист более умерен, чем коммунист, разве что в том, что он не передает секретные документы своей страны русским агентам и не замышляет покушения на буржуа, настроенного против коммунизма. Это само по себе довольно существенное различие. Но оно никоим образом не распространяется на конечную цель политической деятельности. Третье. Капитализм и социализм -- это две различные модели общественной организации. Частный контроль над средствами производства и общественный контроль -- это понятия не только противоречащие друг другу, но и просто несовместимые. Такой экономической организации, как смешанная экономика, то есть экономика, находящаяся посередине между капитализмом и социализмом, не существует. Все сторонники так называемого промежуточного решения призывают не к компромиссу между капитализмом и социализмом, но к третьей модели, которая обладает своей спецификой и должна оцениваться по собственным заслугам. Эта третья система, -- интервенционизм, -- отнюдь не сочетает в себе, как утверждают ее пропагандисты, отдельные черты капитализма с чертами социализма. Она полностью отличается и от одного и от другого. Экономистов, утверждающих, что интервенционизм не достигает той цели, которую ставят перед собой его защитники, а только усугубляет положение -- не с точки зрения самих экономистов, а только с точки зрения сторонников интервенционизма, -- не следует считать упрямыми или экстремистами. Они просто объективно описывают неизбежные следствия интервенционизма. Когда Маркс и Энгельс в "Коммунистическом Манифесте" призывают

к определенным интервенционистским мерам, они тем самым вовсе не имеют в виду компромисс между социализмом и капитализмом. Они рассматривают эти меры -- кстати, те же самые, что составляют суть проводимых ныне Нового Курса и Справедливого Курса [Справедливый курс -- законодательная программа Трумэна (президента США с 1945 по 1952 г.) -- предусматривала, в частности, государственные меры по обеспечению полной занятости населения] -- как первые шаги на пути к установлению полного коммунизма. Они сами характеризовали эти меры как "экономически недостаточные и несостоятельные" и требовали их исполнения только потому, что те "в ходе движения перерастают самих себя, делают необходимыми дальнейшие атаки на старый общественный порядок и неизбежны как средство переворота во всем способе производства" ["Коммунистический манифест", Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 4, с. 446]. Таким образом, социально-политическая философия "прогрессистов" -- это призыв к социализму и коммунизму. Романы и пьесы "социального звучания" ПУБЛИКА, увлеченная социалистическими идеями, требует социалистических ("социальных") романов и пьес. Авторы, сами пропитанные социалистическими веяниями, готовы выдать требуемый материал. Они описывают неудовлетворительные условия жизни, которые, как они подсказывают читателю, являются неизбежным следствием капитализма. Они описывают нужду и лишения, невежество, антисанитарные условия жизни и болезни эксплуатируемых классов, они бичуют вопиющую роскошь эксплуататорских классов, их тупость и моральное разложение. По их мнению, все что плохо и уродливо -- имеет отношение к буржуазии, все что хорошо и возвышенно -- к пролетариату. Писатели, которые берутся описывать жизнь прозябающих в нищете людей, делятся на две категории. Представители первой сами никогда не испытывали бедности: они родились и воспитывались в "буржуазном" окружении, либо в среде обеспеченных рабочих или крестьян; для них окружение, в котором действуют герои их пьес и романов, является чужим. Такие писатели должны, прежде чем приступить к творчеству, собрать сведения о жизни низов. И они приступают к исследованию. Но к предмету изучения они подходят, разумеется, предвзято. Они заранее знают, что обнаружат, ибо убеждены, что бедственное положение рабочих превосходит всякое воображение. Они закрывают глаза на все, чего не желают видеть, и обнаруживают только то, что подтверждает заранее сформированное представление. Они усвоили от социалистов, что капитализм -- это система, при которой массы неслыханно страдают, и, по мере развития капитализма и достижения им зрелости, нищают все больше и больше Романы и пьесы писателей этой категории задуманы как иллюстрация данного утверждения Маркса. Плохо не то, что писатели такого типа избрали своей темой изображение нищеты. Художник может проявить мастерство в трактовке любой темы. Вся беда в тенденциозном показе и искаженном толковании общественных условий. Такие писатели не способны понять, что ужасные условия, описываемые ими, это как раз следствие отсутствия капитализма, пережитки докапиталистического прошлого или результаты политики, препятствующей развитию капитализма. Они не хотят понять, что капитализм, породивший массовое производство для массового же потребления, -- это и есть система, по своей сути направленная, насколько это возможно, на ликвидацию нищеты. Изображая пролетария только в качестве производящей силы, они нигде не упоминают о том, что он является также основным потребителем как самих изготавливаемых товаров, так и продуктов и сырья, обмениваемых на эти товары. Пристрастие этих писателей к живописанию отчаяния и бедствий превращается в вопиющее искажение правды, когда они пытаются доказать, что описываемые ими условия характерны для капитализма. Статистические данные о производстве и реализации изделий массового производства неоспоримо свидетельствуют, что рабочий отнюдь не прозябает в глубокой нищете. Выдающимся представителем школы "социальной" литературы был Э. Золя. Он дал образец, который использовали затем его менее одаренные последователи. По его мнению, искусство тесно связано с наукой: оно должно основываться на научном анализе и служить иллюстрацией

научных изысканий. Основным достижением социальной науки, считал Золя, был вывод о том, что капитализм -- худшее из зол, а пришествие социализма в высшей степени желательна. Его романы "в подлинном смысле слова руководство по пропаганде социалистических идей" <см. P. Martino in the "Encyclopedia of the Social Sciences", Vol. XV, p. 53>. Но и самого Золя, несмотря на его рвение в распространении социалистических идей и убежденность, вскоре превзошли "пролетарские" писатели и их последователи. "Пролетарские" литературоведы утверждают, что "пролетарские" авторы якобы описывают подлинную жизнь пролетариев <см. J. Freeman, Introduction to Proletarian Literature in the United States, an Anthology, New York, 1935, pp. 9--28>. Однако эти писатели не просто излагают факты. Они толкуют факты с позиций учений Маркса, Веблена и Веббов. Эта интерпретация и составляет квинтэссенцию их творчества, отличительную черту, характеризующую их как пропагандистов просоциалистических взглядов. Такие писатели принимают догмы, на которых затем основывается их толкование событий, как сами собой разумеющиеся и неопровержимые, причем они свято верят, что читатель разделяет их взгляды. Поэтому они не видят необходимости излагать положения своей концепции в явной форме, иногда они лишь подразумеваются. Однако это никак не меняет того обстоятельства, что все взгляды, проводимые в произведении, теснейшим образом зависят от социалистических догматов и псевдоэкономических построений. Все творчество этих писателей -- сплошное наглядное пособие к урокам настроенных против капитализма доктринеров и, как таковое, не выдерживает никакой критики, как впрочем, и сами учения. Вторая категория "пролетарских" авторов -- это те, кто родился в той самой пролетарской среде, которую они описывают в своих книгах. Эти люди порвали с рабочим окружением и перешли в разряд интеллигенции. Им не приходится, как "пролетарским" писателям из буржуазной среды, специально изучать жизнь рабочих. Они могут черпать информацию из собственного опыта. Этот личный опыт подсказывает им факты, которые резко расходятся с основными положениями социалистического учения. Им, одаренным и трудолюбивым потомкам людей, живших в скромных условиях, никогда не был отрезан путь к достижению более перспективного положения в обществе. Писатели "пролетарского" происхождения убедились в этом на собственном опыте. Они прекрасно понимают, почему они добились успеха там, где потерпело неудачу большинство их братьев и коллег. По мере своего общественного роста они имели возможность встречаться со своими ровесниками, стремящимися, как и они сами, учиться и добиваться лучшей доли. Им вполне ясно, в чем секрет успеха одних и неудачи других. Теперь, живя в среде "буржуазии", они сознают, что отличие человека более обеспеченного от его менее обеспеченного собрата отнюдь не в том, что первый -- мерзавец и негодяй, а второй -- нет. Они сами никогда не поднялись бы из своей среды, если бы не осознавали, что большинство бизнесменов и людей интеллектуального труда -- это люди, сделавшие себя сами, хотя и начинавшие как и они, с нуля. Ясно им и то, что различие в доходах объясняется другими факторами, чем это утверждают люди, слепо ненавидящие капитализм. Когда такие писатели начинают заниматься просоциалистической агитацией, они бывают неискренни. Их романы и пьесы неубедительны, это просто чтиво. Они значительно уступают произведениям писателей из "буржуазной" среды, которые хотя бы искренне верят в то, что пишут. Социалистические писатели не довольствуются живописанием условий жизни жертв капитализма. Они изображают также деяния тех, кому живется при капитализме хорошо, то есть бизнесменов. Их цель -- поведать читателю, откуда берется прибыль. Но поскольку сами они, слава Богу, не знакомы с этой "скользкой" темой, они предварительно получают информацию из книг всезнающих историков. И специалисты повествуют им о том, как "финансовые гангстеры", "бароны-грабители" наживают свои несметные богатства: "Этот бизнесмен, к примеру, в начале своей карьеры был перегонщиком скота, то есть покупал у фермеров скот и перегонял его затем на рынок для продажи. Мясник покупал скот по весу. Так вот, перед самим рынком, наш герой кормил скотину солью, а затем обильно

поил водой. Галлон воды весит около восьми фунтов. Залейте в корову три или четыре галлона воды и при продаже вы получите за нее больше, чем она стоит". <Вудворд У. Э. (A New American History, New York, 1938, p. 608) упоминает этот факт при рассказе об одном бизнесмене, который пожертвовал большие суммы на нужды Богословской семинарии.> Десятки романов и пьес в таком же духе развенчивают сделки мошенников, то есть бизнесменов. Один магнат, оказывается, разбогател на торговле недоброкачественной сталью и несвежими продуктами, другой -- на картонных подошвах и одежде из хлопка под видом шелка. Некоторые давали взятки сенаторам, губернаторам, судьям, полицейским, обманывали клиентов и рабочих. В общем, довольно простая история. Писателям этой категории, наверное, никогда не приходило в голову, что их истории представляют большинство американцев полными идиотами, провести которых не составляет труда. Упомянувшийся выше трюк с надуванием коровы - это один из самых примитивных и древних способов мошенничества. Трудно поверить, что где-нибудь можно так просто обвести вокруг пальца покупателей скота. Предполагать, что в США найдется такой простодушный закупщик, значит, ожидать слишком многого от читательской наивности. Так же обстоит дело и с другими подобными мифами. В своей личной жизни бизнесмен, каким "прогрессивный" автор представляет нам его, -- это дикарь, игрок и пьяница. Он проводит время на скачках, вечера -- в ночных клубах, а ночи -- с любовницами. Как отмечают Маркс и Энгельс в "Коммунистическом Манифесте", эти "буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга" ["Коммунистический манифест" Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 4, с. 444]. Вот как выглядит американский бизнес в значительной части произведений американской литературы. -----

Возражения неэкономического порядка, выдвигаемые против капитализма Спор о счастье ПРОТИВ капитализма выдвигаются обычно два основных обвинения. Первое: само по себе обладание мотоциклом, телевизором и холодильником не делает человека счастливым. Второе: есть все еще люди, у которых нет ни того, ни другого и ни третьего. Оба положения верны, но они не означают, что винить во всем следует капиталистическую систему общественного сотрудничества. Люди, проводя жизнь в труде, не могут все же надеяться на достижение полного счастья, они стремятся лишь, насколько это возможно, устранить испытываемое ими психологическое беспокойство и, таким образом, почувствовать себя лучше, чем прежде. Например, человек, покупающий телевизор, тем самым как бы признает, что обладание этим предметом повысит его благополучие и сделает его более счастливым, чем он был до приобретения. Если бы дело было не так, он не стал бы покупать телевизор. Врач не может поставить перед собой задачу сделать пациента счастливым, он способен лишь устранить боль и привести больного в лучшую форму, чтобы он мог вести важнейшую для любого живого существа борьбу против всего, что угрожает его жизни и спокойствию. Вполне возможно, что среди бродячих буддистских нищих, живущих на подаяние, в грязи и нищете, есть люди, чувствующие себя вполне счастливыми и не испытывающие зависти к самому богатому набобу. Но для большинства людей такая жизнь кажется просто невыносимой. Для этих людей стремление постоянно совершенствовать внешние условия существования является врожденным. Кому придет в голову ставить азиатского нищего в пример среднему американцу? Одним из самых замечательных достижений капитализма можно считать понижение уровня детской смертности. Можно ли отрицать, что это устранило, по крайней мере, одну из причин несчастья множества людей? Не менее абсурдно второе обвинение, выдвигаемое против капитализма, что технологические и медицинские изобретения приносят пользу не всем людям, а только избранным. Изменения в жизни людей порождаются инициативой наиболее умных и энергичных индивидуумов. Они

уверено ведут за собой остальное человечество. Любое нововведение -- сначала роскошь небольшого числа людей и только постепенно оно становится доступным каждому. Тот факт, что ботинки или вилки распространялись по миру очень долго и до сих пор еще многие люди обходятся без них, не может служить аргументом против их использования вообще. Элегантные люди и джентльмены, первыми начавшие пользоваться мылом, явились зачинателями массового производства мыла для обычных людей. Если бы те, кто имеет возможность купить телевизор, не стали бы покупать его на том основании, что некоторые не могут позволить себе эту покупку, это никак не способствовало бы, а, напротив, препятствовало популяризации данного изобретения. Материализм ЧАСТО капитализм упрекают за якобы присущий ему грубый материализм. Невозможно не признать, что капитализм обнаруживает тенденцию улучшить жизнь людей. Однако, как утверждают его критики, он отвлекает людей от более высоких и благородных целей. Он питает тело, но ничего не дает душе и уму. Он вызвал упадок искусства. Прошло время великих поэтов, живописцев, скульпторов", архитекторов. Наш век способен дать только китч. Оценка достоинств любого произведения полностью субъективна. То, что превозносят одни, у других вызывает скуку. Не существует общего критерия для определения эстетической ценности поэмы или здания. Человек, восхищающийся Шартрским собором или "Менинами" Веласкеса, склонен считать любого, кто не разделяет его восторга, грубым мужланом. Многие школьники в отчаянье, когда им приходится читать "Гамлета". Лишь люди, наделенные искрой художественного вкуса и мышления, способны оценить творение художника и наслаждаться им. В числе тех, кто претендует на образованность, всегда много лицемеров. Напуская на себя вид ценителей, ежи разыгрывают восторг перед искусством прошлого и давно умершими художниками. Подобного сочувствия они отнюдь не испытывают к современным художникам, все еще борющимся за признание публики. Неумное восхищение старыми мастерами у них -- способ выразить пренебрежение к новым художникам, отклоняющимся от традиционных канонов и создающим новое, а также -- подвергнуть их осмеянию Дж. Рескина всегда будут помнить -- наряду с Карлейлем, Веббами, Б. Шоу и другими -- как одного из могильщиков британской свободы, цивилизации и культуры. Этот скверный -- и в частной, и в публичной жизни -- человек славил войну и кровопролитие и безудержно клеветал на политэкономические учения, которые он был не в состоянии понять. Он оставался фанатичным противником рыночной экономики и романтически воспевал традиции средневековых гильдий. Рескин преклонялся перед искусством мастеров прошлого. Но увидев однажды работу своего великого современника Уистлера [Уистлер Джеймс (1834--1903) -американский живописец, по манере близкий к импрессионистам], он разразился такой бранью в адрес художника, что был привлечен к суду за оскорбление и признан виновным. Именно в трудах Рескина популяризуется ложное представление о том, что якобы капитализм -- кроме того, что он является неудачной экономической системой -- еще и способствует замене красоты упорством, величия -- ничтожеством, а искусства -- ширпотребом. Поскольку люди отнюдь не единодушны в оценке произведения искусства, невозможно столь же категорически, как это делается при необходимости опровергнуть логические ошибки или факты опыта, утверждать, что с точки зрения художественного выражения век капитализма стоит ниже других эпох. И все же ни один человек в здравом уме не возьмется принижать художественные достижения эпохи капитализма. Самым выдающимся видом искусства в этот век "грубого материализма и погони за наживой" явилась музыка. Вагнер и Верди, Берлиоз и Бизе, Брамс и Брукнер, Хуго Вольф и Малер, Пуччини и Рихард Штраус -- какая славная плеяда! Эпоха, в которой даже таких мастеров, как Шуман и Доницети, затмевали собой еще более выдающиеся гении. А были ведь еще и блестящие романы Бальзака, Флобера, Енса Якобсена, Пруста, поэмы Гюго, Уитмена, Рильке, Йитса. Как бедна была бы наша жизнь, если бы мы лишились творчества этих гигантов, а также множества не менее крупных писателей. Не будем забывать французских художников и скульпторов,

научивших нас по-новому видеть мир и наслаждаться светом и цветом Бессмысленно отрицать, что эта эпоха поощряла и поощряет также все отрасли науки. Но, не унимаются критики, все эти достижения -- дело рук узких специалистов, а вот обобщающего "синтеза" так и не подучилось. Едва ли можно более абсурдно исказить учения современных наук, таких как математика, физика, биология. А как же быть с трудами философов Кроче, Бергсона, Гуссерля, Уайтхеда? [Кроче Бенедетто (1866--1952) -- итальянский философ и историк, создатель влиятельной этике-политической школы в историографии, крупный специалист в вопросах эстетики. Бергсон Анри (1859--1941) -- французский философ, видный представитель интуитивизма -- течения, признающего интуицию единственно достоверным средством познания. Гуссерль Эдмунд (1859--1938) -- немецкий философ, основоположник современной феноменологии как метода анализа чистого сознания. Уайтхед Алфред Норт (1861--1947) -- английский логик и философ, труды которого сыграли большую роль в развитии математической логики и философии математики.] Каждая эпоха отличается собственным характером и своими художественными достижениями. Подражание шедеврам прошлого -- это не искусство, а работа по шаблону. Ценность произведению придают как раз те черты, которые отличают его от других работ. Именно это называется стилем эпохи. В одном отношении люди, превозносящие прошлое, по-видимому, правы. Последние поколения не оставили потомкам таких памятников, как пирамиды, греческие храмы, готические соборы, церкви и дворцы эпохи Возрождения и Барокко. За последние сто лет было построено много церквей и даже соборов и еще больше правительственных дворцов, школ, библиотек. Но все они не представляют собой ничего оригинального: они либо имитируют старый стиль, либо сочетают элементы нескольких старых стилей. Только в архитектуре жилых домов и зданий офисов проглядывает нечто напоминающее то, что можно обозначить как архитектурный стиль нашей эпохи. Хотя, справедливости ради, следовало бы отдать должное величественности некоторых современных городских видов, как, например, силуэт Нью-Йорка, в целом, нужно признать, современная архитектура не может сравниться по великолепию с архитектурой прошлого. Причин здесь много. Что касается культовых построек, то подчеркнутый консерватизм церковью исключает всякие новшества. С уходом со сцены королевских династий и аристократии исчезло и стремление воздвигать новые дворцы. К тому же, что бы ни утверждали настроенные против капитализма демагоги, средства предпринимателя и капиталиста так ничтожно малы по сравнению с богатством королей и принцев, что он просто не в состоянии позволить себе столь дорогостоящее строительство. Сегодня нет человека богатого настолько, чтобы заказать дворцы подобные Версальским или Эскуриалу. Распоряжения на строительство правительственных зданий отдают сегодня тоже не самодержцы, которые могли назначить архитектора по своему вкусу, пусть даже наперекор общественному мнению, или финансировать проект, который шокировал бы непросвещенные массы. Всяческие комитеты и советы едва ли пойдут навстречу замыслам смелых новаторов. Они предпочтут не рисковать. В истории еще не бывало, чтобы широкие массы по достоинству оценили современное им искусство. Лишь небольшие группы умели отдавать должное великому писателю или художнику. Для капитализма характерно не то, что массы отличаются дурным вкусом, а скорее то, что они, добившись определенного достатка, становятся "потребителями" литературы -- и, конечно же, самой низкопробной. Книжный рынок наводнен дешевой прозой для весьма невзыскательного читателя, почти полудикаря по своим литературным вкусам. Однако это не мешает большим художникам создавать бессмертные творения. Критики капитализма проливают слезы по поводу явного упадка прикладного искусства. Они сравнивают старую мебель, сохранившуюся в европейских аристократических домах и в музейных коллекциях, с дешевой мебелью, изготавливаемой массовым производством. При этом забывают, что вещи, попавшие в музей, делались исключительно для имущих классов. Резных сундуков и мозаичных столов не было в жалких хижинах бедноты. Предлагаю

придирам, кому не нравится дешевая мебель американского рабочего, пересечь Рио-Гранде дель Норте и посетить лачуги мексиканских пеонов, которые вообще живут без мебели. [Рио-Гранде дель Норте -- река, отделяющая США от Мексики (название устаревшее: ныне в США она именуется Рио-Гранде, а в Мексике Рио-Браво дель Норте). Пеоны -- крестьяне, находящиеся в долговой зависимости от помещиков или предпринимателей и тем самым превратившиеся в их бесправных батраков.] Когда современная промышленность только начала снабжать массы атрибутами лучшей жизни, ее задачей было производить, возможно, более дешевую мебель без учета каких бы то ни было эстетических критериев. Позже, когда развитие капитализма подняло уровень жизни масс, постепенно начали производить вещи, не лишенные утонченности и вкуса. Разве что уж человек очень романтически предубежденный против капитализма станет отрицать, что все больше и больше людей в капиталистических странах живут в интерьере, который при всем желании невозможно назвать безвкусным. Несправедливость САМЫЕ ярые критики капитализма -- это те, кто порицает его за якобы порождаемую им несправедливость. Праздное занятие -- рассуждать, как должен быть устроен мир и почему он не таков, каким должен быть, а повинуетя неумолимым законам реального мироздания. Такие фантазии -- вещь безобидная до времени. Но когда люди перестают понимать разницу между фантазией и действительностью, они становятся серьезной помехой на пути к улучшению внешних условий существования. Наиболее вредное из всех заблуждений -- иллюзия о том, что "природа" наделила каждого человека определенными правами. По этому учению природа -доброжелательна и щедра к любому, родившемуся на свет. Всем достаточно всего. Следовательно, у каждого есть неотъемлемое право требовать от ближнего и от общества всю свою долю, предназначенную ему природой. Вечные законы естественной и божественной справедливости требуют, чтобы никто не присваивал себе того, что по праву принадлежит другому. Бедные влачат жалкое существование лишь потому, что неправедные люди лишили их всех благ, предназначенных им по рождению. Задачи церковных и светских властей -- не допустить подобного грабежа и, таким образом, сделать всех богатыми и счастливыми. Эта теория неверна от начала и до конца. Природа отнюдь не раздает свои блага направо и налево, она, наоборот, очень скупа. Она ограничила количество всего необходимого для поддержания человеческой жизни. Она населила Землю животными и растениями, у которых стремление наносить вред человеческой жизни и здоровью является врожденным. Она имеет в своем распоряжении силы и стихии, опасные для человека. Только благодаря своему умению использовать основное орудие, данное ему природой, то есть разум, человек смог выжить и добиться благосостояния. Богатство, которое фантазеры-романтики считают бесплатным даром природы, в действительности завоевано людьми, сотрудничающими в общей системе разделения труда. Что касается "распределения" этого богатства, нелепо было бы ссылаться на какой-либо божественный или природный принцип справедливости. Дело здесь не сводится к распределению доли из общего фонда, предоставляемого человеку природой. Скорее речь идет о том, чтобы развивать те социальные институты, которые позволяют продолжать и расширять производство всего необходимого человеку. Всемирный Совет Церквей, экуменическая организация Протестантских Церквей, заявил в 1948 году, "Справедливость требует, чтобы жители Азии и Африки, к примеру, в большей мере могли пользоваться продукцией машинного производства" <см. The Church and the Disorder of Society, New York, 1948, p. 198>. [В двадцатые годы нашего века в протестантизме возникло движение за объединение всех христианских церквей, получившее название экуменического. С 1948 г. экуменическое движение возглавляет Всемирный Совет Церквей.] Такое заявление имеет смысл, если предположить, что Господь дал человечеству определенное количество машин с расчетом, чтобы эти блага были равномерно распределены между народами. Однако капиталистические страны вероломно завладели большей частью запасов, чем им полагалось, и, таким образом, жители Азии и Африки остались обездоленными. Какое

безобразии! На самом же деле, накопление капитала и вложение его в машины, источник относительно более высокого благосостояния народов Запада, возможны исключительно благодаря тому самому свободному капитализму, сущность которого вышеупомянутый документ немилосердно искажает и который он отвергает по моральным соображениям. Не капиталисты виновны в том, что азиаты и африканцы не приняли идеологию и политику, которая позволила бы развить местный капитал. Невиновен капитализм и в том, что политика лидеров этих стран не дает возможность иностранным вкладчикам снабдить их "продукцией машинного производства". Никто не станет отрицать, что миллионы в Азии и Африке прозябают в нищете потому, что они придерживаются примитивных методов производства и отказываются от тех выгод, которые предоставило бы им использование более совершенного оборудования и современных технологий. У них есть только один способ облегчить невеселую участь -- безоговорочно принять свободный капитализм. Им нужно частное предпринимательство, накопление нового капитала, нужны капиталисты и предприниматели. Нелепо ставить в упрек капитализму и капиталистическим нациям Запада то плачевное состояние, которое избрали для себя отсталые народы Азии и Африки. Исправить дело может не апелляция к "справедливости", а замена тупиковой политики политикой здравого смысла, то есть свободного капитализма. Отнюдь не праздные рассуждения об абстрактной "справедливости" позволили поднять благосостояние простого человека на его сегодняшний уровень, а деятельность людей, на которых наклеивали ярлыки "закоренелых индивидуалистов", "эксплуататоров". Нищета отсталых народов -- результат проводимой ими политики экспроприации, дискриминационного налогообложения, контроля над иностранной валютой, мешающего инвестициям иностранного капитала, в то время как внутренняя политика препятствует накоплению местного капитала. Все, кто отрицает капитализм по нравственным соображениям как несправедливую систему, просто не понимают, какова природа капитала, как он появляется и сохраняется, а также какие выгоды можно иметь при использовании его в производственных процессах. Единственным источником появления дополнительных средств производства является сбережение. Если все производимые товары потребляются, новый капитал не возникает. Но если потребление отстает от производства и избыток вновь произведенных товаров над потребленными товарами используется в дальнейших производственных процессах, эти процессы отныне осуществляются с помощью большего количества средств производства. Все средства производства -- это промежуточные товары, ступеньки на пути, ведущем от первоначально используемых исходных факторов производства, то есть природных ресурсов и человеческого труда, к конечным, готовым к употреблению продуктам. Все эти средства производства рано или поздно изнашиваются в процессе производства. Если все продукты потребляются и при этом средства производства, использованные при их изготовлении, не заменяются, то капитал тоже оказывается "потребленным". В этом случае дальнейшее производство может быть осуществлено только на меньшем количестве средств производства и, следовательно, оно будет давать меньше продукции на единицу природных ресурсов и использованного труда. Чтобы не допустить подобного убыточного производства и предотвратить сокращение капиталовложений, надо перебросить часть средств на сохранение капитала, на замену средств производства, потребленных при производстве используемых товаров. Капитал -- это не бесплатный дар Бога или природы. Он -- результат сознательного ограничивая своего потребления. Он создается и умножается посредством экономии и сохраняется при воздержании от растрачивания. Ни капитал, ни средства производства не способны сами по себе повысить эффективность природных ресурсов и человеческого труда. Только при условии разумного использования и инвестирования сэкономленные средства способны повысить выпуск на единицу затрат природных ресурсов и труда. В противном случае эти средства рассеиваются или растрачиваются. Накопление нового и сохранение ранее накопленного капитала, а также использование его для повышения производительности

труда -- все это плоды целенаправленных человеческих усилий. Это заслуга людей, которые экономят средства и не позволяют расходу превышать приход, то есть капиталистов, получающих проценты, и предпринимателей, то есть людей, сумевших использовать имеющийся капитал для наилучшего удовлетворения нужд потребителя и получающих за это прибыль. Но ни капитал, ни средства производства сами по себе, как и манипуляции капиталистов и предпринимателей с капиталом не могли бы улучшить жизнь остальных людей, если бы эти люди не реагировали на все действия капиталистов определенным образом. Если бы рабочий вел себя так, как хотят представить дело сторонники "железного закона заработной платы" [сформулированное немецким социалистом Фердинандом Лассалем (1825--1864) положение, что средний размер заработной платы при капитализме сводится к минимуму, необходимому для поддержания жизни и размножения], у него хватило бы фантазии только на то, чтобы тратить свой заработок на еду и производство потомства; накопление капитала соответствовало бы росту населения. Вся прибыль, приносимая накоплением дополнительного капитала, поглощалась бы увеличивающимся числом людей. Однако человек не реагирует на улучшение внешних условий жизни так, как это делают грызуны или микробы. У него есть иные потребности помимо пищи и потомства. В капиталистических странах увеличение накопленного капитала опережает рост населения. Это приводит к тому, что маргинальная, то есть близкая к пределу производительность труда повышается по сравнению с маргинальной производительностью материальных факторов производства. Отсюда возникает тенденция к повышению заработной платы. Доля общего выпуска продукции, идущая на удовлетворение нужд рабочих, увеличивается по сравнению с той долей, которая достается в виде процентов капиталистам и в виде ренты -землевладельцам. <Прибыли при этом не страдают. Они являются доходом от умения приспособить использование материальных средств производства и труда к изменениям в спросе и предложении. Они зависят только от того, сколь велико было бы несоответствие без соответствующего приспособления и насколько удалось его преодолеть. Эти изменения временны и исчезают сразу после устранения несоответствия. Но поскольку изменения в спросе и предложении происходят вновь и вновь, также постоянно возникают и новые источники прибылей.> О производительности труда можно говорить, только имея в виду предельную производительность труда [согласно теории предельной (маргинальной) полезности ценность создается тремя факторами: трудом, капиталом и землей; участие каждого фактора определяется его предельной производительностью, то есть величиной прироста продукции, полученного за счет увеличения (на единицу) данного фактора при неизменности двух других], то есть сокращение чистого выпуска продукции, которое получилось бы в результате отстранения от производства одного работника. Только тогда она соотносится с определенной экономической величиной, с определенным количеством товаров или его денежным эквивалентом. Понятие производительности труда, к которому обращаются, когда говорят о якобы естественном праве рабочего приписывать повышение производительности труда только себе самому, лишено всякого смысла и не поддается определению. Оно основано на ошибочном представлении, что возможно исчислить долю физического участия каждого из разнообразных взаимодополняющих факторов производства в выпуске продукции. К примеру, если человек разрезает бумагу ножницами, невозможно оценить вклад, внесенный в достижения конечного результата самими ножницами (или каждым из двух лезвий) или человеком, работающим ими. Для выпуска автомобиля нужны самые разнообразные станки и инструменты, различное сырье, труд множества разных рабочих и, прежде всего, инженерный проект. Но невозможно определить, какую долю участия в изготовлении автомобиля следует физически приписать каждому из участников, сотрудничество которых для этого потребовалось. Итак, мы можем на время абстрагироваться от всех соображений, которые доказывают неверность такой трактовки проблемы, и задать себе вопрос какой из двух факторов вызывает повышение

производительности, труд или капитал? И если мы поставим вопрос так категорично, то вынуждены будем ответить: капитал. Общий объем производства США (на единицу рабочей силы) в настоящее время именно потому больше, чем в предшествующие эпохи или в экономически отсталых странах (например, Китае), что современный американский рабочий имеет в своем распоряжении больше машин и приборов, к тому же лучшего качества. Если капитальное оборудование (на одного рабочего) оставалось бы на том же уровне, на каком оно было три века назад в США, или на каком оно находится в современном Китае, объем производства (на одного рабочего) не мог бы увеличиться. Единственное, что способно увеличить объем промышленной продукции в Америке -- при сохранении общего числа занятых в производстве рабочих -- это вложения дополнительного капитала, который, в свою очередь, может быть накоплен только путем сбережения и экономии. Именно тем, кто накапливает и инвестирует капитал, мы обязаны повышением производительности труда всех, кто занят в производстве. Поднять зарплату рабочим и позволить им пользоваться все большей долей продукции, объем которой удастся увеличивать за счет дополнительного накопления капитала, можно только благодаря тому, что темпы накопления капитала превосходят темпы роста населения. Официальная доктрина либо обходит этот факт молчанием, либо категорически отрицает его. Однако политика профсоюзов ясно свидетельствует о том, что их лидеры прекрасно осознают правильность теории, которую публично клеймят как нелепую буржуазную апологетику. Поэтому-то они и пытаются ограничить законами против иммигрантов число искателей работы и воспрепятствовать притоку новых людей на всех участках рынка рабочей силы. Что повышение заработной платы зависит не от "производительности" индивидуального рабочего, а только от предельной производительности труда, наглядно подтверждается тем фактом, что зарплата растет даже в такой сфере деятельности, где "продуктивность" индивидуума совершенно не изменилась. К примеру, цирюльник бреет клиента точно так же, как это делал его коллега двести лет назад. Дворецкий так же ждет у стола премьер-министра Великобритании, как когда-то дворецкие, обслуживавшие Питта и Пальмерстона. И в сельском хозяйстве некоторые виды работ производятся теми же орудиями, что и много веков назад, однако заработная плата таких работников значительно выросла по сравнению с прошлым. Это стало возможным только благодаря росту предельной производительности труда. Наниматель дворецкого удерживает его таким образом от работы на заводе и должен, следовательно, платить эквивалент того увеличения объема продукции, которое дало бы использование еще одного человека на заводе. Ростом зарплаты дворецкий обязан не собственным заслугам, а только тому, что увеличение вложенного капитала превосходит увеличение численности рабочих рук. Любые псевдоэкономические доктрины, преуменьшающие роль сбережения и накопления капитала, нелепы. Именно тот факт, что в капиталистическом обществе имеется в наличии больше средств производства, чем в некапиталистическом, делает первое общество богаче второго. Рабочие смогли улучшить свою жизнь благодаря тому, что увеличился объем капитального оборудования на каждого потенциального рабочего. В результате все большая часть произведенных потребительских товаров достается рабочим. Пожалуй, ни Маркс, ни Кейнс, ни кто-либо другой из менее известных противников капитализма не смог бы опровергнуть следующее утверждение: существует только один способ увеличивать размеры заработной платы постоянно и на благо всех желающих трудиться, а именно -- ускорить темпы увеличения капитала по отношению к росту населения. Если же считать такое положение дел "несправедливым", то винить во всем следует природу, но не человека. "Буржуазные предрассудки" в отношении свободы ИСТОРИЯ западной цивилизации -- это история непрекращающейся борьбы за свободу. Общественное сотрудничество в условиях разделения труда является главным и единственным условием успеха человека в борьбе за выживание и в стремлении улучшить свое материальное благосостояние. Но поскольку человеческая природа такова, какова она есть, общество не может существовать, если в

нем не действуют законы, препятствующие "непослушным" совершать деяния, несовместимые с жизнедеятельностью общества. В целях сохранения мирного сотрудничества нужно быть готовым прибегнуть к насильственному подавлению того, кто нарушает спокойствие. Обществу не обойтись без аппарата принуждения, то есть без государства и правительства. Но здесь возникает другая проблема: ограничить полномочия людей, выполняющих правительственные функции, дабы они не вздумали злоупотребить властью и низвести остальных до положения рабов. Цель всякой борьбы за свободу -- держать вооруженных защитников мира, правителей, полицейских в определенных границах. Политическое понятие свободы индивидуума означает: свобода от полицейского произвола. Идея свободы всегда была характерна для Запада. Восток от Запада отличает, прежде всего, то, что народы Востока никогда не разрабатывали идею свободы. Непреходящая заслуга древних греков состоит в том, что они первыми поняли значение институтов, охраняющих свободу. Новейшие исторические изыскания позволяют установить происхождение некоторых научных достижений, которые прежде приписывались эллинам, из восточных источников. Однако, идея свободы, бесспорно, зародилась в городах Древней Греции. Из трудов греческих философов и историков она перешла к римлянам, а затем -- к европейцам и американцам. Она стала основным пунктом всех представлений людей Запада о справедливо устроенном обществе. Именно она породила философию свободной инициативы, которой человек обязан всеми дотоле невиданными достижениями эпохи капитализма. Цель всех современных политических и юридических институтов -- оградить свободу индивидуума от посягательств со стороны правительства. Представительное правительство и правовое государство, независимость судов и трибуналов от вмешательства администрации, закон о свободе личности, судебное разбирательство и возмещение ущерба в случае незаконных действий администрации, свобода слова и прессы, отделение государства от церкви и многие другие институты преследовали всегда одну и ту же цель: ограничить всевластие должностных лиц и оградить индивидуума от произвола. Эпоха капитализма освободила человека от всех пережитков рабства и крепостничества. Она покончила с жестокими расправами и свела наказания за преступления к минимуму, необходимому для того, чтобы отпугнуть нарушителя от совершения проступка. Она положила конец пыткам и другим недостойным методам обращения с подозреваемыми и преступниками. Она, наконец, отменила все привилегии и провозгласила равенство всех перед законом. Вчерашние подданные тиранов превратились, таким образом, в свободных граждан. Материальные улучшения жизни явились результатом проведения этих реформ и новшеств в правительственной политике. Когда все привилегии были ликвидированы и каждому было предоставлено право вступить в соревнование с законными интересами других, это развязало руки тем, кто достаточно изобретателен, чтобы развивать новые отрасли промышленности, которые сегодня столь необходимы для нормальной жизнедеятельности. Население увеличилось, но даже увеличившись, оно стало жить лучше, чем предки. В странах западной цивилизации также всегда были апологеты тирании, то есть полного произвола самодержца или аристократии, с одной стороны, и абсолютного бесправия остального народа, с другой. Однако с эпохи Просвещения их число стало уменьшаться. Восторжествовало дело свободы. В начале XIX века казалось, что остановить победное шествие принципа свободы невозможно. Самые выдающиеся философы и историки верили, что историческое развитие ведет к установлению институтов, гарантирующих свободу, и никакие ухищрения и козни сторонников рабства не способны воспрепятствовать тенденции к либерализации. Касаясь вопроса либеральной социальной философии, часто упускают из виду важный фактор, который способствовал развитию идеи свободы, а именно, исключительную роль, которая отводилась в воспитании элиты древнегреческой литературе. Среди греческих авторов были и сторонники всемогущей государственной власти как, например, Платон. [Платон (428--348 или 427--347 до н. э.) -- древнегреческий философ. В своих работах, особенно позднего периода, выступал с

восхвалением мощного государства. В идеальном обществе, по Платону, нет места частной собственности, а государство должно взять на себя даже регулирование браков, воспитание детей и т. п.] Но основное содержание греческой идеологии составляло осуществление принципа свободы. Греческие полисы, если их сравнивать с современными социально-политическими институтами, были олигархиями. Свобода, которую государственные деятели, философы и историки воспевали как высшее благо человека, была привилегией меньшинства. Отказывая в свободе метекам и рабам, греки, по существу, выступали за деспотию наследственной касты олигархов. [Метеки -- жители древнегреческих полисов (городов-государств) лично свободные, платящие налоги, обязанные нести военную службу, но лишённые политических и гражданских прав. Метеками были, в основном, переселенцы из других полисов и отпущенные на волю рабы.] Однако было бы серьёзной ошибкой считать, что их дифирамбы были неискренними. В восхвалении свободы и борьбы за нее они были не менее бесхитростны, чем те американские рабовладельцы, которые две тысячи лет спустя совершенно искренне и с готовностью поставили свои подписи под Декларацией Независимости. [Декларация Независимости была принята 4 июля 1776 г. Конгрессом представителей английских колоний, восставших против английского владычества. Декларация провозглашала не только образование суверенного государства -- США, но и право всех людей на жизнь, свободу, равенство. Однако под давлением рабовладельцев не прошел пункт проекта Декларации, осуждавший рабство.] Именно политическая литература Древней Греции породила идеи тираноборцев, философию вигов, учения Альтузия, Греция, Дж. Локка, создателей современных конституций и биллей о правах. [Виги -- политическая партия, существовавшая в Англии в XVII--XIX вв. Виги выступали против королевского абсолютизма, за верховенство парламента. Альтузий Иоганн (1557--1638) -- нидерландский политик, теоретик права. Провозглашал идеи суверенитета и верховенства народа, ответственности правительства перед народом. Граций Гуго де Гроот (1583--1649) -- нидерландский юрист, обществовед и государственный деятель. Один из основоположников учения о естественном праве, основывающемся на природе человека, стремящегося к мирному общению. Локк Джон (1632--1704) -- английский философ, развивавший, в частности, идеи общественного договора как источника власти, обязанной охранять естественные права людей на личную свободу и собственность.] Именно изучение классического наследия, основная отличительная черта образования в эпоху либерализма, не давало выветриться духу свободы в Англии времен Стюартов, во Франции времен Бурбонов и в Италии, раздираемой междоусобными распрями. [Королевская династия Стюартов правила в Англии с 1603 по 1649 гг. и с 1660 по 1714 гг. Династия Бурбонов занимала французский престол с 1589 по 1792 гг. и с 1814 по 1830 гг. Италия была раздроблена на протяжении многих веков, вплоть до 1870 г.] Никто иной, как Бисмарк, являвшийся вместе с Меттернихом самым заклятым врагом свободы среди всех государственных деятелей XIX века, признается, что даже в Пруссии Фридриха-Вильгельма III гимназия, в которой образование основывалось на грекоримской литературе, была оплотом республиканцев <см.: Bismarck, Gedanken und Erinnerungen, New York, 1898, Vol. I, p. 1>. [Фридрих-Вильгельм III (1770--1840) -- король Пруссии с 1797 г. Проводил, особенно после крушения Наполеона, реакционную внутреннюю политику, направленную на подавление демократического движения и укрепление военщины.] Отчаянные попытки исключить классические штудии из программ либерального образования и таким образом уничтожить сам его дух явились одним из проявлений возрождающейся рабской идеологии. Еще каких-нибудь сто лет назад очень немногие представляли себе, какую мощную силу приобретут вскоре идеи, направленные против свободы. Казалось, идеалы свободы так прочно укоренились в сознании людей, что никакое движение вспять не смогло бы их уничтожить. Конечно, было бы бесполезно нападать на свободу открыто, призывать к возвращению в рабство. Но антилиберализм завладел умами людей, будучи загримирован под сверхлиберализм, то есть осуществление

и воплощение самих идей свободы. Он пришел под личиной социализма, коммунизма, планирования. Любому здравомыслящему человеку с самого начала было ясно, что цель апологетов социализма, коммунизма, планирования состоит в уничтожении свободы индивидуума и установлении всемогущества государственной власти. Однако большинство интеллектуалов, примкнувших к социалистам, было убеждено, что, выступая за социализм, они борются за свободу. Они называли себя "левым крылом" и "демократами", а в настоящее время они претендуют еще и на определение "либеральные". Мы уже упоминали о психологических факторах, которые помешали интеллектуалам и следующим за ними массам правильно оценить ситуацию. Они -- хотя подсознательно -- явственно ощущали, что если не смогли выполнить свои далеко идущие честолюбивые планы, то лишь по собственной вине. Они просто оказались либо недостаточно умны, либо недостаточно изобретательны. Однако им очень не хотелось сознаваться в собственной бездарности ни себе самим, ни своим товарищам, лучше уж найти козла отпущения. Они убедили самих себя и попытались убедить других в том, что причина их неудач лежит не в них самих, а в несправедливости экономической организации общества. При капитализме, утверждают они, только очень немногие имеют возможность самореализоваться. "В обществе, живущем по принципу "laissez faire", свободы могут добиться только те, кто в состоянии ее купить" <H. Laski, article "Liberty" in the "Encyclopaedia of the Social Sciences", IX, p. 443>. [Laissez faire -- часть выражения "Laissez faire, laissez passer" (фр.) -- "позволяйте делать (что хотят), позволяйте идти (куда хотят)". Впервые прозвучало в 1758 г. на ассамблее физиократов из уст французского экономиста Ж. К. Гурне для обозначения политики свободного, ничем не регламентированного развития рыночного хозяйства.] Следовательно, заключают они, государство должно вмешиваться в жизнь общества, чтобы вершить "социальную справедливость", то есть, по их представлениям, чтобы давать неудовлетворенной своим положением посредственностью "по потребностям". До тех пор пока вопрос о социализме оставался лишь предметом теоретических споров, люди, не способные мыслить здраво и ясно, могли всерьез поверить, что при социалистическом режиме сохранение свободы возможно. Но эти иллюзии развеялись, когда опыт СССР показал всем, каковы условия жизни при социалистической системе. Отныне апологеты социализма вынуждены извращать самоочевидные факты и манипулировать словами, силясь доказать совместимость социализма и свободы. Покойный ныне профессор Ласки -- при жизни знаменитый член и председатель Лейбористской партии, называвший себя "некоммунистом" и даже "антикоммунистом", -- заявлял нам, что "в Советской России коммунист, несомненно, вполне ощущает свободу, но так же ясно он сознает и то, что в фашистской Италии у него этой свободы не будет" <H. Laski, article "Liberty" in the "Encyclopaedia of the Social Sciences", IX, p. 445--446>. Действительно, русский имеет право подчиняться приказам своего начальства, но стоит ему хоть на одну сотую отклониться от "правильного" образа мысли, который определили власть предержащие, он подвергается безжалостному уничтожению. Все политики, чиновники, писатели, музыканты, ученые, оказавшиеся жертвами "чистки", не были -- строго говоря -- антикоммунистами. Напротив, они были яркими коммунистами, старыми членами партии, которым в знак признания их верности советской идеологии верховное руководство доверило высокие посты. Их единственная вина состояла в том, что они не успели мгновенно подстроить свои идеи, политические взгляды, содержание своих книг и симфоний к идеям и вкусам Сталина. Трудно поверить, что все эти люди "вполне ощущали свободу", если только не придать слову свобода смысл, прямо противоположный тому, в котором оно обычно употребляется. В фашистской Италии, конечно, никакой свободы не было вовсе. Она переняла пресловутый советский образец "однопартийности" и в полном соответствии с ним уничтожила всякое инакомыслие. Но даже в осуществлении этого принципа между большевиками и фашистами все же огромная разница. Так, например, жил в фашистской Италии бывший член парламентской

группы депутатов-коммунистов профессор Антонио Грациадеи, оставшийся до смертного часа верным своим коммунистическим убеждениям. [Грациадеи Антонио (1873--1952) -- итальянский экономист, член компартии с 1921 г. В 1928 г. как один из лидеров "правого крыла" был исключен из компартии. После освобождения Италии от фашизма вновь стал членом Итальянской компартии.] Как почетный профессор он получал правительственную пенсию и имел возможность публиковать в самых известных итальянских издательствах свои труды, являющиеся образчиками ортодоксального марксизма. Его несвобода была, по-видимому, менее жесткой, нежели свобода коммунистов в России, которые, по выражению Ласки, "несомненно, вполне ощущали свободу". Профессор Ласки с особым удовольствием несколько раз повторяет известный трюизм о том, что свобода на практике означает всегда лишь свободу в рамках закона. Закон же, продолжает он, стремится "обеспечить незыблемость того образа жизни, который признается желательным теми, кто управляет государственной машиной" <Ibid., p. 446>. Именно так функционируют законы свободной страны: они защищают общество от попыток разжигания гражданской войны и насильственного свержения правительства. Но Ласки делает серьезную ошибку, заявляя, будто в капиталистическом обществе "стремление бедных радикально изменить имущественные права богатых сразу же ставит под угрозу все перспективы свободы" <Ibid., p. 446>. Возьмем, к примеру, Карла Маркса, который, кстати, является кумиром самого профессора Ласки и его единомышленников. Когда в 1848--1849 годах он принимал активное участие в организации и проведении революции (сначала в Пруссии, потом в других германских государствах), то -- являясь по существу иностранцем -- он был выдворен и переселился с женой, детьми и своей служанкой в Париж, а позже в Лондон. <О деятельности Маркса в 1848--1849 гг. см.: Karl Marx, Chronik Seines Lebens in Einzeldaten (Карл Маркс, Хроника жизни в датах), изд. Института Маркса, Энгельса и Ленина в Москве, 1934, с. 43--81.> Некоторое время спустя после того, как неудавшиеся революционеры были амнистированы, ему разрешили вернуться в любое место Германии, и он неоднократно пользовался этим разрешением. Отныне он не был изгнанником и добровольно избрал местом жительства Лондон. <В 1845 г. Маркс добровольно отказался от прусского гражданства. Позже, в начале шестидесятых годов, он собирался начать политическую карьеру в Пруссии, но просьба о возвращении ему гражданства не была удовлетворена, и, таким образом, карьера стала невозможна. По-видимому, именно это побудило его остаться в Лондоне.> Никто не препятствовал ему при основании Международной Ассоциации Рабочих (1864 г.), организации, целью которой, как он сам признавался, была подготовка великой мировой революции. Никто не мешал ему в интересах этой организации ездить по европейским странам. Он преспокойно писал и издавал книги и статьи, которые, если использовать выражение Ласки, откровенно призывали к "радикальному изменению имущественных прав богатых". Маркс мирно почил в Лондоне, в своей квартире на Мэйтленд Парк-Роуд 41, 14-го марта 1883 года. Или возьмем Британскую партию лейбористов. Их попытки "радикально изменить имущественные права богатых" -- как хорошо известно самому Ласки -- никогда не встречали противодействия, несовместимого с принципом свободы. Маркс, будучи оппозиционером, мог преспокойно жить, писать и призывать к революции в викторианской Англии, так же как и лейбористы могли беспрепятственно заниматься политической деятельностью в послевикторианской Англии. В Советской России не потерпели бы ни малейшей оппозиции. Вот в чем разница между свободой и рабством. Свобода и западная цивилизация ТЕ, кто критикует правовое и конституционное понятие свободы и институты, созданные для ее практического осуществления, правы в одном: защищенность индивидуума от произвола властей сама по себе недостаточна, чтобы сделать его свободным. Но подчеркивать эту бесспорную истину означает ломиться в открытую дверь. Никто из поборников свободы никогда и не утверждал, будто гарантия от произвола властей -- достаточна для освобождения. Единственное, что дает гражданину всю полноту свободы, которая только совместима с жизнью в обществе, -- это рыночная

экономика. Никакие конституции и билли о правах сами по себе не создают свободы. Они лишь защищают от посягательств полицейской власти ту свободу, которую дает индивидууму экономическая система, основанная на конкуренции. При рыночной экономике каждый имеет возможность добиваться такого положения в структуре общественного разделения труда, какого он желает. Он волен выбирать профессию, которая кажется ему наиболее подходящей для служения обществу. Этого права у человека нет в условиях планового хозяйства. Здесь власти решают, чем человек будет заниматься. По их усмотрению он будет либо выдвинут на более высокий пост, либо, напротив, оставлен в прежней должности. Индивидуум целиком зависит от милости власть предержащих. При капитализме же любой может вызвать на соревнование любого. Если тебе кажется, что ты можешь предложить людям товар лучшего качества или по более дешевой цене, чем другие, ты вправе доказать свои способности. Твоим планам не грозит отсутствие средств: капиталисты постоянно заинтересованы в людях, которые смогут с максимальной выгодой использовать их фонды. Успех деятельности бизнесмена зависит только от того, как будут вести себя потребители, которые всегда покупают то, что им нравится больше всего. Рабочий также не зависит от произвола нанимателя. Предприниматель, который не сможет нанять наиболее квалифицированных рабочих и удержать их достаточно высокой зарплатой от перехода в другие места, расплачивается за свою нерасторопность сокращением чистого дохода. Вербуя работников, наниматель отнюдь не оказывает им милость. Они для него такое же необходимое средство достижения успеха, как сырье или заводское оборудование. Рабочий же имеет возможность выбирать занятие, которое ему по душе. При рыночной экономике не прекращается процесс социального отбора, определяющего положение и доход каждого индивидуума. Случается, что большие богатства уменьшаются и вовсе сходят на нет, в то время как люди, вчера еще бывшие бедняками, добиваются высокого положения и приобретают состояние. В условиях, когда ни у кого нет привилегий и правительство не защищает ничьи личные интересы от угрозы со стороны более работоспособных и деловитых новичков, тем, кто приобрел капитал, приходится каждый день отвоевывать его вновь и вновь в конкуренции с другими. В рамках общественного сотрудничества при разделении труда каждый зависит от того, насколько высоко предлагаемые им услуги оцениваются потребителями, к которым, кстати сказать, принадлежит и он сам. Приобретая или, напротив, не приобретая товар или услуги, каждый как бы выступает членом верховного суда, присуждающим любому -- не исключая и самого себя -- определенное место в обществе. Каждый участвует в процессе определения размеров дохода каждого -- у кого-то более высокого, у кого-то -- более низкого. Любой вправе внести такой вклад в общее дело, за который общество вознаградит его более высоким заработком. Свобода при капитализме означает: ты зависишь от чьей бы то ни было оценки не больше, чем другие зависят от твоей. Когда в производстве существует разделение труда и нет ничьей абсолютной экономической автаркии, не может быть иной свободы, кроме этой. Нет необходимости напоминать, что основной аргумент в пользу капитализма и против социализма -- даже не то, что социализм предполагает непременно ликвидацию всех "пережитков" свободы и превращение людей в полных рабов, а то, что социализм неосуществим как экономическая система, так как в социалистическом обществе исключается возможность экономического расчета. [Л. Мизес первый доказал в начале 20-х гг., что вне свободной рыночной экономики невозможен расчет эффективности конкретных производств, технических нововведений, капиталовложений, а следовательно, общество лишится хозяйственного компаса.] Поэтому социализм вообще нельзя рассматривать как систему экономической организации общества. Это -- средство разрушения общественного сотрудничества, путь к бедности и хаосу. Говоря о свободе, мы не касаемся основных экономических противоречий между капитализмом и социализмом. Отметим только, что европеец отличается от азиата именно тем, что он привык к свободе и сформирован ею.

Цивилизации Китая, Японии, Индии, исламских стран Ближнего Востока даже до их знакомства с западным образом жизни нельзя, разумеется, считать цивилизациями варваров. Эти народы уже много столетий, даже тысячелетий тому назад добились огромных успехов в промышленности, архитектуре, литературе, философии и образовании. Они основывали могущественные империи. Однако позже их движение вперед остановилось, их культуры потеряли жизненность, и они разучились успешно справляться с экономическими проблемами. Их интеллектуальный и художественный гений сошел на нет, художники и писатели стали слепо копировать традиционные образцы, богословы, философы и юристы, все как один, занялись толкованием древних источников. Памятники, воздвигнутые некогда предками, рушились, империи распадались. Люди потеряли жизненную силу и равнодушно взирали на продолжающийся упадок и обнищание. Философские работы и поэтические памятники народов древнего Востока могут соперничать с самыми ценными произведениями Запада. Однако вот уже в течение многих веков на Востоке не появилось ни одной значительной книги. Интеллектуальная и литературная история нашего времени едва ли помнит имя какого-либо восточного автора. Восток перестал участвовать в интеллектуальных исканиях человечества. Ему так и остались чуждыми и непонятными проблемы и противоречия, волновавшие Запад. В Европе было сотрясение, на Востоке - застой, леность и равнодушие. Причина такого положения ясна. На Востоке не было самого важного: идеи свободы человека от государства. Восток никогда не поднимал знамени свободы, не пытался противопоставить права индивидуума власти правителей. Никто здесь не возмущался произволом тиранов и поэтому, естественно, не разрабатывал юридические уложения, которые защищали бы имущество граждан от конфискации по прихоти тирана. Напротив, введенные в заблуждение мыслью о том, что богатство одних является причиной нищеты других, люди даже одобряли обычай тиранов отбирать у наиболее удачливых купцов их имущество. Это исключало крупные накопления капитала и закрывало путь к тем преимуществам, которые возникали при наличии значительных капиталовложений. Это препятствовало возникновению "буржуазии" и, следовательно, появлению людей, способных покровительствовать писателям, художникам, изобретателям. Выходцам из народа были отрезаны все пути к продвижению, кроме одного: добиться чего-либо можно было только службой князьям. Западное общество было сообществом индивидуумов, соревнующихся в борьбе за высшие награды, восточное -- сборищем ломаных, целиком зависящих от милости царя. Энергичный молодой человек на Западе смотрит на мир как на поле своей деятельности, где он может добиться всего: известности, почестей, богатства -- для его честолюбия нет ничего недостижимого. Его ровесник, вялый и расслабленный юноша Востока, способен только повторить путь, предписываемый средой. Благородная уверенность в себе, присущая европейцу, нашла блестящее выражение в Софокловском хоровом гимне в "Антигоне", воспевающим человека и его предприимчивость, в Девятой Симфонии Бетховена. Ничто подобное никогда не звучало на Востоке. Мыслимо ли, чтобы потомки людей, создавших европейскую цивилизацию, отказались от свободы и добровольно отдали себя во власть всемогущего государства? Чтобы они согласились быть винтиками в гигантской машине, изобретенной и приводимой в движение всемогущим вождем? Неужели по примеру остановившихся в своем развитии цивилизаций они откажутся от идеалов, ради достижения которых была принесена не одна тысяча жертв? *Ruere in servitium*, они погрузились в рабство, печально констатировал Тацит, говоря о римлянах времен Тиберия. -----

"Антикоммунизм" против капитализма НИГДЕ и никогда во Вселенной не было стабильности и неподвижности. Изменение и переход из одного состояния в другое -- основные черты жизни. Любое положение дел не вечно, любая эпоха -- эпоха перехода. Нет покоя и неподвижности и в жизни человека -- это процесс, а не пребывание в одном и

том же состоянии. Однако человеческий ум всегда вводила в заблуждение иллюзия возможности неизменного существования. Цель утопистов, как признаются они сами, состоит в том, чтобы покончить с историей и установить окончательный и вечный покой. Психологические мотивы этого стремления очевидны. Любая перемена преобразует внешние условия жизни и заставляет человека вновь приспосабливаться к изменениям, происходящим в окружающей среде. Это угрожает его личным интересам, а также традиционным способам производства и потребления. Это не на пользу и тем, кто интеллектуально малоподвижен и не склонен обновлять свой стиль мышления. Консерватизм противоречит самой природе человеческой деятельности. Однако он всегда был и остается излюбленной тактикой инертного большинства, тупо сопротивляющегося попыткам улучшить его же собственные условия жизни, которые предпринимает энергичное большинство. Термином "реакционный" обычно обозначают аристократию и жречество, которые поэтому называют свои партии консервативными. Однако яркие примеры реакционности дают другие социальные группировки: гильдии ремесленников, препятствующие притоку новых людей; фермеры, требующие тарифной защиты, субсидий и "паритетных цен"; рабочие, сопротивляющиеся технологическим новшествам, искусственно снижающие производительность труда, чтобы не допустить сокращения числа рабочих мест, и прибегающие к другим подобным приемам. Ни на чем не основанное самомнение литераторов и богемных художников позволяет им клеймить деятельность бизнесмена как бездуховное "делание денег". На самом же деле предприниматель или учредитель акционерного общества проявляет гораздо больше интеллектуальных способностей, чем средний писатель или художник. Ошибка многих людей, претендующих на интеллектуальность, как раз и состоит в том, что они не в силах понять, сколько способностей и трезвого ума требуется для того, чтобы начать и успешно вести предприятие в мире бизнеса. Возникновение довольно многочисленного класса подобных безответственных интеллектуалов является одним из самых отрицательных явлений эпохи современного капитализма. Их навязчивость и суетливость отпугивают от них людей мыслящих. Они всем помеха. Человечество ничего не потеряло бы, если бы оно немного умерило пыл этих людей, а то и вовсе ликвидировало бы их кружки и группы. Однако свобода -- это свобода для всех. Любая попытка ограничить свободу этих декадентов-литераторов и горе-живописцев означала бы, что властям дается право решать, что хорошо, а что плохо. Это было бы равносильно социализации интеллектуальных и художественных исканий. Неизвестно, позволило бы это избавиться от бесполезных и одиозных личностей, но уж наверняка поставило бы непреодолимые препятствия на пути развития творческого гения. Сильные мира сего -- не любители свежих идей, веяний, стилей в искусстве. Они вообще против всяческих новшеств. Их власть всегда означает строгую регламентацию всего, а это порождает застой и упадок. Моральное разложение, распушенность и интеллектуальное бесплодие класса не очень нравственных писателей и художников -- это та цена, которую должно заплатить человечество, чтобы дать возможность подлинным творцам-первопроходцам сказать свое слово. Свобода должна быть гарантирована всем, даже самым недостойным людям, чтобы ненароком не помешать тем немногим, кто сумеет воспользоваться ею во благо человечеству. Та свобода, доходящая до безнравственности, которой пользовались полунищие обитатели Quartier Latin в Париже, была одной из предпосылок появления нескольких поистине великих писателей, художников, скульпторов. Первая потребность гения -- дышать воздухом свободы. Да ведь и не сам легкомысленный образ жизни богемы виноват в падении нравов, а только то, что общество благосклонно его принимает. Реакция на псевдофилософские взгляды богемы со стороны людей, формирующих общественное мнение и вкусы, а также сбитых с толку масс, в результате порождает зло. Люди стремятся воплотить в жизнь теории, которые считаются в данный момент модными, чтобы только не прослыть тупыми ретроgrадами. Самой вредной идеологией последних шестидесяти лет явился синдикализм Жоржа Сореля и пропагандируемая им

тактика "прямого действия". Плод разочарованного в жизни интеллектуала, эта теория быстро завладела умами литераторов во всех европейских странах. Она сыграла важнейшую роль в радикализации различных движений, разрушительных для общества: роялизма, милитаризма и антисемитизма -- во Франции, большевизма -- в России, фашизма -- в Италии, в Германии -молодежного движения, которое, в конечном счете, вылилось в нацизм. Оно превратило политические партии, прежде добивавшиеся влияния путем выборов, в группировки, опирающиеся на вооруженные банды. Это учение всячески дискредитировало представительное правительство и "буржуазное спокойствие" и разжигало военную истерию как у себя в стране, так и за ее пределами. Главным лозунгом движения была насилие и еще раз насилие. Современное положение дел в Европе -- в значительной мере результат влияния теорий Сореля. Первыми теории Сореля приняли интеллектуалы, они же сделали их модными. Однако учение было, в сущности, направлено против интеллектуалов. Оно отвергало всякое трезвое рассуждение. Для Сореля смысл имеет только действие, то есть акт насилия ради самого насилия. Он призывает к борьбе за миф, неважно, что это будет за миф. "Когда становишься на почву мифа, тебе уже не грозит никакое критическое опровержение" <J. Sorel, *Reflexions sur la violence*, 3d ed., Paris, 1912, p. 49>. Замечательная философия, не правда ли: разрушать ради самого разрушения? Не трать слов, не рассуждай, просто убивай! Сорель отбрасывает "умствования", даже если речь идет о сторонниках революции в полном смысле слова. Основная цель мифа, по его мнению, в том, чтобы "готовить человека к борьбе за разрушение существующего" <J. Sorel, *Ibid.*, p. 46>. Однако виноват в распространении псевдофилософии разрушения не сам Сорель или его ученики, Ленин, Муссолини, Розенберг не безответственные литераторы и художники. [Розенберг Альфред (1893--1946) -- теоретик нацизма, с 1933 г. -руководитель внешнеполитического отдела гитлеровской партии, а с 1941 г. -министр оккупированных восточных территорий. Казнен как военный преступник по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.] Вся беда в том, что в течение многих десятилетий почти никто не отваживался критически проанализировать и разоблачить теории этих фанатиков, которым нечего терять и которые поэтому готовы на все. Даже те теоретики, которые не поддались увлечению идеями безудержного насилия, все же с готовностью нашли оправдание самым отчаянным эксцессам диктаторов. Первые робкие -- впрочем, довольно запоздалые -- возражения против учения Сореля стали появляться только тогда, когда идеологические приверженцы его теорий начали сознавать, что воплощение в жизнь идеологии тоталитаризма не гарантирует от пыток и казней даже самых рьяных ее поборников. Считается, что в наши дни существует антикоммунистический фронт. Цель этого движения, участники которого называют себя "либералами-антикоммунистами" (объективные наблюдатели именуют их более точно "антиантикоммунистами"), состоит в достижении коммунизма, но без внутренне присущих ему обязательных черт, которые все еще являются неприемлемыми для американцев. Эти люди ошибочно разграничивают коммунизм и социализм и -- что весьма парадоксально, -- рекомендуя некоммунистический социализм, они ссылаются на документ, известный как "Коммунистический Манифест". Они верят, что положение все еще можно спасти, стоит лишь вместо слова "социализм" употреблять "планирование", "общество всеобщего благоденствия". На словах они отвергают революционные и диктаторские устремления "красных", на деле же превозносят в книгах, в прессе, в школах и университетах К. Маркса, как поборника коммунистической революции и диктатуры пролетариата, как одного из величайших экономистов, философов, выдающегося благодетеля и спасителя человечества. Они хотят заставить нас поверить в то, что нетоталитарный тоталитаризм, нечто вроде треугольного квадрата, является панацеей от всех бед. У них есть, правда, некоторые робкие возражения против коммунизма, но в адрес капитализма они разражаются откровенной бранью, используя при этом терминологию из словаря Маркса и Ленина. Они подчеркивают, что капитализм гораздо более ненавистен им, чем

коммунизм, и они готовы оправдать любые, даже самые неприглядные действия коммунистов, так как это все равно лучше, чем "невыразимый ужас" капитализма. Короче говоря, они делают вид, что борются с коммунизмом, пытаясь при этом обратить человека в веру, сущность которой изложена в "Коммунистическом манифесте". На самом деле эти так называемые "либералы-антикоммунисты" сражаются не против коммунизма как такового, а только против коммунистической системы, в которой они сами не играют ведущей роли. Их цель -- социалистическая, а значит, коммунистическая система, при которой они сами вместе с ближайшими единомышленниками находились бы у власти. Было бы, пожалуй, преувеличением утверждать, что они горят желанием уничтожить других, но ведь и собственное уничтожение тем более никак не входит в их планы. А ведь при социалистическом строе только верховный самодержец и его приспешники могут чувствовать себя в полной безопасности. Движение, исключительно направленное против чего-либо, -- это вообще всегда чисто деструктивное и негативное явление, не имеющее никаких шансов на успех Яростные нападки на какое-либо учение, в сущности, только создают ему дополнительную рекламу. Люди должны бороться за то, чего хотят добиться, а не просто отрицать зло, каким бы ужасным оно ни было. Они должны поэтому без всяких оговорок осуществить программу рыночной экономики. Теперь, после разочарований в результате политики Советского Союза и прискорбных неудач всех остальных социалистических экспериментов, коммунизм имел бы очень мало шансов на успех в странах Запада, если бы он не появился под обманчивой личиной антикоммунизма. Единственное, что может спасти цивилизованные народы Западной Европы, Америки и Австралии от порабощения варварством по московскому образцу -- это открытая и ничем не ограничиваемая поддержка свободного капитализма.